

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

СОЛОВЬЕВ К.А.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

SOLOVYEV K.A.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э.,
кандидат юридических наук, профессор,
Университет правоохранительной
службы Монголии

BOKHCHULUUNY B.-E.,
Candidate of Legal Sciences, professor,
University of law enforcement service of Mongolia
(Mongolia)

ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, доцент, ХафенСити университет Гамбурга	SIEGMUNT O.A., PhD, Postdoc, HafenCity University Hamburg (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Националь- ной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛИПОВАЦ К., PhD, Криминалистическая полицейская академия Республики Сербия	LIPOVAC K., PhD, Academy of Criminalistic and Police Studies (Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
International Police Association;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 15.12.2017. Дата выхода в свет 25.12.2017.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 23,9. Уч.-изд. л. 21,5.

Тираж 300 экз. Заказ N 124. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Section 1. Methodology of law enforcement activities

- СУМАЧЕВ А.В. О принципах
уголовного права 8
- ЮЗИХАНОВА Э.Г. Поиск и анализ причин
преступности 16

SUMACHEV A.V. On the principles
of criminal law

YUZIKHANOVA E.G. Search and
analysis of the causes of crime

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

Section 2. Human rights protection

- КУЛИЦКАЯ Л.И. Проблемы правового
регулирувания погребения лиц, смерть
которых наступила в результате пресечения
совершенного ими террористического акта 23
- СУРГУТСКОВ В.И. Право граждан России
на хранение и ношение отдельных
образцов летального оружия в целях
самообороны (приглашение к дискуссии) 29

KULITSKAYA L.I. The problems of legal
regulation of the burial of persons
whose death occurred as the result
of the suppression of the terrorist act
committed by them

SURGUTSKOV V.I. The right of Russian
citizens to possession and wearing
certain types of lethal weapons for
self-defense (invitation to discussion)

Раздел 3. Административная деликтология

Section 3. Administrative delictology

- КОРКИН А.В. Процессуальность как признак
мер обеспечения производства по делам
об административных правонарушениях 37
- ЖИЛЬЦОВ А.В., ДИМИТРОВА Е.А.,
КУДАШОВА И.В. К вопросу о модернизации
административно-правового инструментария
противодействия потреблению
несовершеннолетними наркотических
средств и психотропных веществ 44
- ПЕРЕДЕРНИН А.В. Некоторые теоретические
и правовые проблемы налоговой
деликтологии в Российской Федерации 52
- СИСАКЬЯН А.К. К вопросу о степени
влияния административного
правосознания и правопонимания
на административно-деликтное поведение 58

KORKIN A.V. Procedurality
as a characteristic of measures
for ensuring the proceedings in cases
concerning administrative offences

ZHILTSOV A.V., DIMITROVA E.A.,
KUDASHOVA I.V. To the issue
of updating the administrative
and legal tools for counteraction
to using narcotic drugs and
psychotropic substances by minors

PEREDERNIN A.V. Some theoretical
and legal problems of the tax delictology
in the Russian Federation

SISAKYAN A.K. To the question
of the degree of the influence
of administrative legal consciousness
and legal understanding on the
administrative-delictual behavior

Раздел 4. Уголовный закон

НОВОСЕЛОВ Г.П. Преступления против жизни: система и алгоритм квалификации **66**

МОРОЗОВ В.И. К вопросу об уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество как форме противодействия коррупции **75**

ЕРМАКОВА О.В. Конструкции составов и момент окончания преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия **81**

БАЙСАЛУЕВА Э.Ф. Незаконное освобождение от уголовной ответственности как форма уклонения должностных лиц от уголовного преследования **87**

Раздел 5. Криминологическая наука

ТРУБИЦЫН Д.А. Перспективы использования национальных традиций в профилактике преступности **93**

ГЕРБЕКОВ И.И. Понятие и виды профилактики правонарушений **99**

ДЕМИДОВА-ПЕТРОВА Е.В. Методология предупреждения преступности несовершеннолетних в России **106**

Раздел 6. Правоохранительная политика

БРАЗНИКОВ Д.А., КИЙКО А.Ю., МАЛИКОВ С.В. Криминологическая оценка наркоситуации в Российской Федерации **112**

КОРЧАГИН О.Н., ЧИРКОВ Д.К. Отдельные вопросы применения уголовного законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков **117**

Section 4. Criminal Law

NOVOSELOV G.P. Crimes against life: system and algorithm of qualification **66**

MOROZOV V.I. To the question of the criminal liability for a minor commercial bribery and petty bribery as a form of combating corruption **75**

ERMAKOVA O.V. The structure of the corpus delicti and the moment of the completion of the crimes providing liability for incitement **81**

BAISALUEVA E.F. Illegal exemption from criminal liability as a form of avoiding criminal prosecution by officials **87**

Section 5. Criminology

TRUBIZYN D.A. The prospects of using the national traditions in crime prevention **93**

GERBEKOV I.I. The concept and types of the prevention of offences **99**

DEMIDOVA-PETROVA E.V. The methodology of the prevention of juvenile delinquency in Russia **106**

Section 6. Law enforcement policy

BRAZHNIKOV D.A., KIYKO A.Yu., MALIKOV S.V. Criminological assessment of the drug situation in the Russian Federation **112**

KORCHAGIN O.N., CHIRKOV D.K. Certain issues of application of criminal legislation in the field of counteracting the legalization (laundering) of the proceeds received from illegal drug trafficking **117**

ШМИДТ А.А. Вопросы государственной политики в сфере оборота оружия 126 SHMIDT A.A. Public policy issues in the field of turnover of weapons

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

Section 7. Criminal procedural review

- БАЛАКШИН В.С. К вопросу о судьбе института дополнительного расследования в российском уголовном процессе 133 BALAKSHIN V.S. To the question of the fate of the institution of further investigation in the Russian criminal process
- ЧЕРНОВА С.С. Проблемы законодательного регулирования использования видеоконференц-связи при рассмотрении судом вопросов, связанных с применением меры пресечения в виде заключения под стражу 140 CHERNOVA S.S. The problems of legislative regulation of the use of videoconferencing in the case when the court is hearing the issues connected with the application of a preventive measure in the form of detention
- ЧЕРКАСОВА Е.К. К вопросу о проведении следственных действий в жилище 146 CHERKASOVA E.K. To the question of carrying out the investigative actions in the housing

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

Section 8. Improving law enforcement practice

- НИКОНОРОВ Е.А., СИДОРОВ Э.Т. Некоторые проблемы применения норм института освобождения от административной ответственности 153 NIKONOROV E.A., SIDOROV E.T. Some problems of the application of norms of the institute of exemption from administrative responsibility
- СМАХТИН Е.В., СМАГИН С.В. Тактические особенности деятельности следователя при проверке сообщения о преступлении экстремистской направленности 161 SMAKHTIN E.V., SMAGIN S.V. Tactical features of the investigator's activity when checking the extremist crime report
- СЫПАЧЕВ А.Ю. Проблемы учета преступлений, совершаемых этническими преступными группами 169 SYPACHEV A.Yu. The problems of recording the crimes committed by ethnic criminal groups

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

- КРАВЕЦ Е.Г., ШУВАЛОВ Н.В., МАРТЫНОВ А.Н. Перспективы использования видеоконференц-связи при производстве следственных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства 175 KRAVETS E.G., SHUVALOV N.V., MARTYNOV A.N. Prospects of using videoconferencing in the course of investigative actions at the pre-trial stages of criminal proceedings

**Раздел 10. Компаративистика
и зарубежный опыт**

ГРУДИНИН Н.С. Конституционные
основы деятельности омбудсмена
в Российской Федерации и зарубежных
странах: сравнительно-правовой анализ **182**

**Section 10. Comparative studies
and foreign experience**

GRUDININ N.S. The constitutional
foundations of the Ombudsman's
activity in the Russian Federation
and foreign countries:
comparative legal analysis

**Раздел 11. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

ЗАХАРЧУК С.Д. Особенности установления
признаков посягательства на жизнь
сотрудника правоохранительного органа **189**

**Section 11. The problems of legal
science and law enforcement
practice: young researchers' view**

ZAKHARCHUK S.D. Peculiarities
of establishing the elements
of encroachment on the life
of law enforcement officer

ШЕСТАКОВА Е.В. Роль центров временного
содержания несовершеннолетних
правонарушителей и специальных учебно-
воспитательных учреждений закрытого типа
в системе профилактики правонарушений **200**

SHESTAKOVA E.V. The role of the
juvenile detention centers and special
educational institutions of a closed
type in the system of crime prevention

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

<p>СУМАЧЕВ А.В., доктор юридических наук, профессор, alekssumachev@mail.ru Кафедра уголовного права и уголовного процесса; Югорский государственный университет, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16/4</p>	<p>SUMACHEV A.V., Doctor of Legal Sciences, professor, alekssumachev@mail.ru Chair of criminal law and criminal procedure; Ugra State University, Chekhov St. 16/4, Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation</p>
--	---

О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. Принципы уголовного права определяются как нормативно заданные основные (отправные) начала (идеи), определяющие систему уголовного права и адресованные субъектам охранительных (общерегулятивных) и конкретно-регулятивных (регулятивных) уголовно-правовых отношений. Констатируется, что принципы права (в том числе уголовного), хотя и обладают достаточной степенью стабильности (неизменности), тем не менее могут изменяться в зависимости от того или иного исторического периода развития государственности. Затронут вопрос классификации принципов права, подвергнуто анализу содержание принципов уголовного права, закрепленных в действующем уголовном законе. Выделены и рассмотрены «нетипичные» принципы уголовного права, такие как принцип презумпции виновности, принцип объективного вменения и принцип диспозитивности. Сделан вывод о том, что детальная разработка системы «нетипичных» принципов уголовного права требует самостоятельного исследования.

Ключевые слова: принципы уголовного права; законность; равенство граждан перед законом; принцип вины; справедливость; гуманизм; презумпция виновности; объективное вменение; диспозитивность.

ON THE PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW

Annotation. The principles of criminal law are defined as normatively given basic (starting) principles (ideas) that define the system of criminal law and are addressed to the subjects of protective (general regulative) and specifically regulative (regulatory) criminal law relations. It is stated that the principles of law (including criminal law), although having a sufficient degree of stability (immutability), however, can vary depending on a particular historical period of the development of the state. The issue of classifying the principles of law is considered. The content of the principles of criminal law, fixed in the current criminal law, is analyzed. The "atypical" principles of criminal law, such as the principle of presumption of guilt, the principle of objective imputation and the principle of dispositivity are identified and examined. It is concluded that the detailed development of the system of "atypical" principles of criminal law requires separate research.

Keywords: principles of criminal law; legality; equality of citizens before the law; principle of guilt; justice; humanism; presumption of guilt; objective imputation; dispositivity.

Вопрос о принципах уголовного права представляется актуальным по ряду причин. Прежде всего, среди основных положений, определяющих сущность уголовного права, особое место занимает проблема принципов уголовного права. Вообще, под принципами понимают основу, первоначально чего-либо. Ввиду того, что право призвано регулировать поведение людей, правовые принципы определяют основу такого регулирования. В данном смысле само слово «правовые» применительно к принципам имеет ряд значений.

Во-первых, предполагается, что данные начала (идеи) должны быть отражены

в праве (заметим, что не всегда в законодательстве). Во-вторых, правовые принципы определяют систему права, систему отрасли, а порой и систему конкретного правового института. В-третьих, принципы адресованы, с одной стороны, правоприменителю, с другой — правоисполнителю. Из сказанного следует, что принципы уголовного права — это нормативно заданные основные (отправные) начала (идеи), определяющие систему уголовного права и адресованные субъектам охранительных (общерегулятивных) и конкретно-регулятивных (регулятивных) уголовно-правовых отношений.

Следует заметить, что принципы права (в том числе и уголовного права), хотя и обладают в достаточной степени стабильностью (неизменностью), тем не менее «склонны» к изменениям в зависимости от того или иного исторического периода развития государственности. Например, для древнейшего права был абсолютно нехарактерным принцип вины и, следовательно, к «уголовной ответственности» наряду с фактическими виновниками привлекались неменяемые, животные и даже неодушевленные предметы. Для отечественного уголовного права первых лет советской власти в качестве одного из основных начал выступал принцип целесообразности уголовной репрессии, в соответствии с которым уголовной ответственности подлежали не только «юридические» преступники, но и все те лица, чье социальное положение, взгляды, идеи были антагонистичны советскому строю. Принципы современного российского уголовного права основаны на совершенно иной системе ценностей, принятой в большинстве развитых стран мира.

Кроме того, необходимо указать на то, что в теории права (равно как и в отраслевых науках) сложились две основные точки зрения относительно системы правовых принципов – их классификации. Согласно первой из них правовые принципы принято делить на: общеправовые (свойственные всей системе права), межотраслевые (присущие отраслям права единого цикла: криминального, гражданского и т.п.) и отраслевые (характерные для отдельной отрасли). Согласно второй точке зрения деление принципов на: общеправовые, межотраслевые и отраслевые нецелесообразно, поскольку отраслевые принципы «выводятся» из общеправовых, наделяя последние некоторой «отраслевой» спецификой.

Вторая позиция представляется более справедливой по нескольким основаниям. Во-первых, трехзвенная классификация принципов права (общеправовые, межотраслевые, отраслевые) не имеет ярко выраженной практической значимости, а чрезмерная теоретизация научной проблемы не всегда обоснованна. Во-вторых, как справедливо отмечают С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, главное заключается не в том, чтобы найти и выделить принципы,

свойственные только уголовному праву и не повторяющиеся в других отраслях, а в том, чтобы выделить принципы, отражающие подлинную природу уголовного права, определяющие его задачи и функции в государстве [1, с. 63-64]. В-третьих, большинство, как их часто называют, исключительно уголовно-правовых принципов (принцип экономии уголовной репрессии, принцип личной или персональной ответственности, принцип неотвратимости ответственности, принцип индивидуализации ответственности и наказания и др.) являются частным проявлением общеправовых принципов, их составляющей и конкретизирующей характеристикой с позиций уголовного права. Например, принципы экономии уголовной репрессии и индивидуализации ответственности (наказания) являются составляющими более общего принципа – принципа справедливости, определенного в настоящее время в ст. 6 УК РФ: «наказание и иные меры уголовно-правового характера... должны... соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»; принцип личной, или персональной, ответственности вообще прослеживается во всех принципах, предусмотренных в уголовном законодательстве (указание на лицо, совершившее преступление).

Соответственно, классификация принципов уголовного права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые представляется излишней. Здесь следует иметь в виду, что они (принципы уголовного права) являются отражением некоторых общеправовых начал, обладающих (наделенных) конкретно-отраслевой спецификой.

В действующем УК РФ выделяется пять основных начал уголовного права: принцип законности (ст. 3 УК РФ), принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принцип вины (ст. 5 УК РФ), принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ). Проанализируем содержание каждого из них.

В соответствии с принципом законности преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ. И здесь же есть еще одно важное дополнение о том, что применение уголовного

закона по аналогии не допускается. Эти правила конкретизируют положения Конституции Российской Федерации, согласно которым «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением» (ч. 2 ст. 54 Конституции РФ), а все «Законы подлежат официально опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ).

Исходя из указанных правил, можно констатировать, что принцип законности означает следующее:

1) единственным нормативным актом, содержащим исчерпывающий перечень преступных деяний, является УК РФ;

2) нормы, устанавливающие преступность деяний и введенные в действие посредством принятия новых законов, подлежат обязательному включению в УК РФ;

3) текст уголовного закона должен быть официально опубликован для всеобщего сведения;

4) наказуемость преступных деяний и иные уголовно-правовые последствия их совершения также определяются исключительно в УК РФ;

5) перечень преступлений является исчерпывающим, а применение «схожей» нормы (анalogии) недопустимо.

Принцип равенства граждан перед законом означает, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Формальным основанием данного правила является конституционное положение, согласно которому «все равны перед законом и судом» (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Кроме того, ст. 4 УК РФ, устанавливающая возможные основания неравенства граждан в уголовном праве, практически дублирует текст ч. 2 ст. 19 Конституции РФ: «пол, раса, национальность, язык, проис-

хождение, имущественное или должностное положение, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность к общественным объединениям, а также другие обстоятельства». Данный факт также подтверждает «преломление» общеправовых принципов в конкретной отрасли российского права (в нашем случае — уголовного).

Из содержания приведенных положений следует, что перечень возможных оснований неравенства достаточно широк, однако не является исчерпывающим, поскольку законодатель использует формулировку «другие обстоятельства». Под «другими обстоятельствами» здесь следует понимать:

1) различные заслуги перед государством: в спорте, в труде, в военных действиях, в области культуры и искусства и т.п.;

2) близкие (родственные) связи с представителями экономической или политической элиты;

3) место постоянного проживания, место учебы либо работы и др.

Следовательно, перечень возможных оснований неравенства является «открытым».

Рассматривая принцип равенства граждан перед законом, нельзя не уделить внимания вопросу об особенностях уголовной ответственности лиц, занятых в сфере правосудия или государственного управления. Известно, что привлечение к уголовной ответственности судей, высших должностных лиц государства или членов федеральных и региональных (субъектов Федерации) органов законодательной власти Российской Федерации, представительных органов муниципальных образований имеет свою специфику (например, получение разрешения вышестоящего суда на уголовное преследование, законодательного органа и т.п.). Возникает вопрос: нет ли здесь противоречия принципу равенства граждан перед законом? На наш взгляд, противоречия нет, так как речь идет о специфике процедуры привлечения к уголовной ответственности, а не об особенностях назначения им наказания или применения иных мер уголовно-правового воздействия. Следовательно, можно утверждать, что вопрос об особенностях уголовной ответственности лиц, занятых в сфере правосудия или государственного

управления, скорее процессуальный, а не уголовно-правовой.

В соответствии с принципом вины лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. В части 2 ст. 5 УК РФ этот принцип более конкретизирован: объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Вина как психическое отношение лица к совершаемому им деянию и наступившим последствиям является одним из основных составляющих преступления (состава преступления). Таким образом, без вины нет преступления, а без преступления нет наказания. Если вред причинен невиновно (например, в ситуации субъективного случая (*casus*)), то независимо от качества вреда вредопричинитель уголовной ответственности не подлежит. Следовательно, принцип вины является основополагающим в части формирования оснований уголовной ответственности.

Принцип справедливости в уголовном праве определяется следующим образом: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Предметно-практическая значимость этого принципа проявляется, в частности, в том, что назначение несправедливого наказания (как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости назначенного наказания) является основанием отмены или изменения приговора суда (п. 4 ч. 1 ст. 369 УПК РФ). Следует заметить, что категория «справедливость», по своей сути, имеет субъективную природу, то есть зависит от субъективных установок конкретного суда (судьи). Однако наряду с этим уголовный закон формализует данное положение, определяя, что при назначении наказания (либо при решении вопроса о применении иных мер уголовно-правового характера) обязательному учету подлежат:

– характер и степень общественной опасности совершенного преступления;

– обстоятельства совершения данного деяния;

– личные (личностные) характеристики виновного.

В свою очередь, характер и степень общественной опасности отражают качественно-количественные свойства преступления: значимость объекта посягательства, размер причиненного ущерба, интенсивность посягательства и т.п.

Обстоятельства совершения преступления могут, например, проявляться в мотивации преступного поведения, целевых установках виновного, в совершении деяния при превышении пределов необходимой обороны или при нарушении условий правомерности иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, и т.п.

О личных (личностных) качествах виновного могут свидетельствовать его возраст и пол, семейное положение, служебные характеристики с места работы, учебы, бытовые характеристики соседей, совершение им ранее преступлений и другие данные.

Соответственно, в зависимости от вышеуказанных особенностей преступного деяния и лица, его совершившего, наказание и иные меры уголовно-правового характера могут быть или более строгими или более мягкими, но в конечном итоге – справедливыми.

Наряду с вышеуказанным в ч. 2 ст. 6 УК РФ конкретизируется конституционное положение, согласно которому «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ) (никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление). Заметим, что законодательное отражение данного принципа «свело на нет» правила ст. 5 Уголовного кодекса РСФСР 1961 г., в соответствии с которыми граждане СССР и находящиеся на территории РСФСР лица без гражданства, совершившие преступление за рубежом и понесшие там наказание, могли повторно привлекаться к уголовной ответственности по уголовному законодательству РСФСР. На сегодняшний день, несмотря на, казалось бы, мягкое наказание, назначенное и отбытое в иностранном государстве за совершенное там преступление, российские граждане (а равно лица без гражданства, постоянно проживающие на территории

Российской Федерации), вновь к уголовной ответственности, но уже по российскому уголовному закону, не привлекаются. Таким образом, теоретико-прикладное значение принципа справедливости трудно переоценить.

Принцип гуманизма, в свою очередь, определяет две важнейшие задачи уголовного права:

1) обеспечение безопасности законопослушных граждан (уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека – ч. 1 ст. 7 УК РФ);

2) обеспечение безопасности преступника (наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства – ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Ярким свидетельством реализации данного принципа выступают, с одной стороны, установление и ужесточение ответственности за посягательства на безопасность личности (за экстремизм и экстремистскую деятельность, за терроризм и террористическую деятельность, а равно за другие общественно опасные посягательства), с другой стороны – смягчение уголовной репрессии, например, в отношении женщин и несовершеннолетних, лиц пожилого возраста и инвалидов. Изменения уголовного закона последних лет подтверждают это. Соответственно, принцип гуманизма проявляется не только в части применения уголовного законодательства, но и на уровне уголовной политики Российского государства в целом.

Таким образом, мы проанализировали систему принципов уголовного права, отраженных (закрепленных) в действующем уголовном законе. Однако, как представляется, современную систему уголовно-правовых принципов нельзя назвать полностью завершенной. В рамках данной системы можно выделить так называемые «нетрадиционные», или «нетипичные», принципы уголовного права. Вопрос в том, есть ли смысл законодательного отражения такого рода принципов, как это сделано, например, в отношении принципов законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. Хотя вполне допускаем, что дискуссия от-

носительно данной посылки вполне возможна.

Можно выделить следующие «нетипичные» принципы уголовного права: принцип презумпции виновности (не путать с презумпцией невиновности!), принцип объективного вменения и принцип диспозитивности.

По мнению профессора Н.А. Огурцова, деятельность правоохранительных органов основывается именно на так называемом принципе презумпции виновности. Посылка такова: следователь возбуждает уголовное дело потому, что предполагает наличие факта совершения преступления. И если презумпция невиновности относится к правовому статусу лица (невозможность применения к нему уголовно-правовых репрессивных мер при отсутствии обвинительного приговора суда), то идея (презумпция) о виновности конкретного человека (либо о наличии факта совершения конкретного преступления) – своеобразный толчок к уголовно-обвинительной деятельности правоприменительных органов.

Из этого следует, что в основу принципа презумпции виновности заложен ярко выраженный процессуальный характер, так как он определяет деятельность следственных органов. Но все же первооснова (правовая природа) данного принципа проявляется в материальном (объективном) характере уголовного права как такового. Если совершено преступление, то оно является таковым изначально, независимо от того, стало ли о нем известно правоохранительным органам и был ли привлечен виновный к уголовной ответственности за преступное деяние. Сам факт совершения преступления (как основание ретроспективной уголовной ответственности) детерминирует возникновение охранительных уголовно-правовых отношений, реализация которых осуществляется посредством процессуальной деятельности органов расследования. Следовательно, правовая природа принципа презумпции виновности обусловлена объективным (материальным) характером уголовного права и, соответственно, можно утверждать о наличии данного принципа в системе отправных начал (принципов) уголовного права.

Следующий вопрос: характерен ли для уголовного права (как, например, для

гражданского права) принцип объективного вменения? С позиций уголовного закона ответ однозначно отрицательный, ибо это прямо вытекает из положения ч. 2 ст. 5 УК РФ: «Объективное вменение... не допускается».

Однако возникает закономерный вопрос о том, охватывает ли легальное определение понятия «объективное вменение» все аспекты данной категории. Здесь можно выразить некоторые сомнения. Как соотносятся категории «объективное вменение» и «косвенный неопределенный умысел»? В большинстве случаев квалификация причинения вреда здоровью в ходе ссоры, переросшей в драку, зависит от фактически наступивших последствий — вида вреда здоровью (виновный при этом может и не предполагать, какой конкретно вред он причиняет потерпевшему (например, не может знать о наличии у женщины беременности, прерывание которой характеризует один из признаков тяжкого вреда здоровью). О чем здесь идет речь? Скорее всего, об объективном вменении. А указания на косвенный неопределенный умысел для данных случаев следует признать лишь как своего рода отговорку, аргументацию принципа вины, определяющего существо уголовной ответственности в целом.

С другой стороны, как можно оценить правило уголовного законодательства, в соответствии с которым «штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия» (ч. 2 ст. 88 УК РФ). Можно ли признать данное положение УК РФ нарушающим принцип вины, сформулированный, как отмечалось, в ч. 1 ст. 5 УК РФ: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина»? Ответ на данный вопрос отрицательный, поскольку согласие родителей (иных законных представителей) заплатить штраф, назначенный их ребенку, не позволяет отнести такие выплаты к уголовной ответственности, так как сущность последней проявляется в принуждении, а «принуждение по согласию» совершенно внутренне противоречиво.

В то же время уплата штрафа вместо несовершеннолетнего осужденного его родителями (иными законными представителями) с их согласия есть не что иное, как форма реализации уголовной ответственности. Таким образом, уплата штрафа родителями (иными законными представителями) представляется разновидностью реализации уголовной ответственности без вины, то есть проявлением принципа объективного вменения.

Здесь возникает резонный вопрос: а может, речь идет о восстановлении принципа целесообразности уголовной репрессии, присущего уголовному праву первых лет советской власти, от которого современное уголовное право обоснованно отказалось? Как видно, вопросов много. Объективное вменение в уголовном праве представляется совершенно неприемлемым, однако реализация именно принципа вины на уровне уголовно-правовой теории, уголовного законодательства и соответствующей правоприменительной практики должна быть более четко определена.

Говоря о принципе диспозитивности вообще, следует заметить, что его традиционно не относят к принципам уголовного права. Согласно Юридическому энциклопедическому словарю диспозитивность (от лат. *dispono* — располагаю, устраиваю) — один из основных демократических принципов гражданского процессуального права, означающий, что стороны и другие участвующие в деле лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами [2, с. 107].

О диспозитивности как принципе уголовного процесса пишут А.С. Александров [3, с. 7] и И.Л. Петрухин [4, с. 24; 5, с. 54].

О диспозитивности как принципе уголовного права до недавнего времени исследователи умалчивали.

Однако уже в первое десятилетие XXI века ученые под влиянием общей демократизации российского общества стали осознавать диспозитивность как правовое явление, которое должно быть присуще национальному уголовному праву и в соответствии с которым частное лицо в сфере уголовно-правового регулирования должно быть признано активным субъектом права. В частности, Б.В. Волженкин

обоснованно утверждает: «важной тенденцией в эволюции отечественного уголовного права на современном этапе является расширение диспозитивных начал, признание потерпевшего от преступления субъектом не только уголовно-процессуального, но и уголовного правоотношения, способным существенно повлиять на его развитие» [6, с. 27-28].

Анализируя вопрос о признании (непризнании) диспозитивности в качестве принципа уголовного права, первоначально обозначим сущность данной категории: диспозитивность в праве — это способность лица своей волей определять собственное поведение, реализовывать свой субъективный интерес. Там, где правовые последствия поставлены законодателем в зависимость от усмотрения частного лица, речь идет о принципе диспозитивности и соответствующем ему методе правового регулирования. Во-первых, если такого рода законодательных предписаний (правовых институтов) в конкретной отрасли права большинство, то есть они являются основными, то эта зависимость определяет сущность самой отрасли и обуславливает ее характеристику и определение как отрасли частного или публичного права.

Во-вторых, следует утверждать, что не бывает (и не может быть) в «чистом» виде отраслей публичного или частного права; бывает большинство публично-правовых или частно-правовых институтов в той или иной отрасли. Противопоставление таких институтов друг другу «невозможно», так как одно, безусловно, исключает другое. Как только ставится вопрос об обязывании, свобода воли аннулируется; если же устанавливается зависимость правовых последствий от воли (усмотрения) лица, то обязывание невозможно. Таким образом, диспозитивность как принцип (общее начало) определяет существо и метод регулирования именно правового института, но не отрасли в целом. Данная посылка подтверждается тем, что большинство ученых, исследуя вопрос о соотношении частного и публичного права, ведут речь в основном не об отрасли права, а об отдельных правах (правомочиях). Так, Г. Ф. Пухта говорит о принадлежности конкретного права; Р. фон Иеринг имеет в виду правовые институты, Е.Н. Трубецкой ведет речь о конкретном правоотношении

в рамках реализации конкретного права и т.п. Следовательно, диспозитивность определяет сущность законодательного решения, предусматривающего и гарантирующего свободу волеизъявления частного лица при решении вопросов о пользовании теми или иными правомочиями в конкретной сфере правового регулирования (принцип права).

С содержательной стороны диспозитивность зависит так же от материального или процессуального характера права. Например, в уголовно-процессуальной литературе обоснованно отмечают тот факт, что диспозитивность следует рассматривать в материальном и формальном аспектах. В частности, по мнению Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, В.М. Савицкого, А.А. Мельникова и А.С. Александрова, материальная диспозитивность в уголовном процессе — это возможность реализации права на возбуждение уголовного преследования, а формальная — возможность участия в уголовно-процессуальной деятельности в качестве частного обвинителя [7, с. 88; 3, с. 8]. Другие авторы, не выделяя данных видов диспозитивности и рассматривая ее как принцип права, по сути, говорят об одном и том же — о возможности реализации субъективного права по усмотрению самого субъекта. Возможность реализации права предполагает его наличие. Соответственно, в зависимости от того, к какой сфере правового регулирования (материального или процессуального) относится конкретное право, можно говорить о двух названных видах диспозитивности: материальной (характерной для материального права) и формальной (типичной для процессуального). Таковы, как представляется, теоретико-методологические основы, характеризующие диспозитивность как правовой принцип.

Общетеоретические положения свидетельствуют о возможности «присутствия» в уголовном законодательстве норм или даже правовых институтов, характеризующих проявление диспозитивности в этой отрасли. Еще раз повторим, что теоретически это допустимо. С практических позиций — в части определения действительного отражения принципа диспозитивности в уголовном праве — необходимо выявить те уголовно-правовые нормы (институты), в которых юридически значимые послед-

ствия зависят от воли частного лица. На основании изложенного приходим, казалось бы, к парадоксальному выводу — в уголовном законе содержится ряд таких норм:

- добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ);
- нормы, включенные в главу 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния»;
- нормы, связывающие уголовно-правовые последствия деяния с постпреступным поведением виновного либо потерпевшего, и т.п.

Во всех этих случаях, когда частное лицо (как виновный, так и пострадавший) фактически свободно в выборе поведения, законодатель либо использует прямую формулировку — «добровольно» (ст. 31, ч. 1 ст. 75, примечания к ст.ст. 110.2, 126, 127.1, 178, 184, 200.1, 204, 204.1, 204.2, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 222, 222.1, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 282.1, 282.2, 284.1, 291, 291.1, 291.2, 307 УК РФ), либо подразумевает свободу воли (ст.ст. 37, 38, 41, п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст.ст. 75, 76, примечания к

ст.ст. 122, 201 УК РФ и др.). Даже этот далеко не полный перечень уголовно-правовых норм, определяющих возможность реализации права в зависимости от воли (усмотрения) частного лица, является свидетельством отражения диспозитивных начал в уголовном праве. Следовательно, основным принципом реализации положений, заложенных в указанных уголовно-правовых нормах, является принцип диспозитивности.

Формально данный принцип можно выразить следующим образом: «Уголовное законодательство Российской Федерации в строго определенных случаях гарантирует человеку возможность действовать по своему усмотрению в целях реализации законных субъективных прав и интересов».

В завершение следует еще раз подчеркнуть, что для уголовного права могут быть характерны и иные, «нетипичные» («нетрадиционные») правовые принципы. Детальная разработка системы таковых, на наш взгляд, еще ждет своих исследователей.

Список литературы

1. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 176 с.
2. Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Сов. энцикл., 1987. 512 с.
3. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. 28 с.
4. Петрухин И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Рос. юстиция. 1999. N 3. С. 24-25.
5. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юристъ, 1999. 392 с.
6. Волженкин Б.В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы науч. конф., посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 27-29.
7. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников. М.: Наука, 1983. 224 с.

ЮЗИХАНОВА Э.Г., YUZIKHANOVA E.G.,
доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
uzikhanovaeg@yandex.ru uzikhanovaeg@yandex.ru
Кафедра информационно-аналитического Chair of information, analytical
и документационного обеспечения and documentation support
деятельности органов внутренних дел; of the internal affairs bodies activities;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации сотрудников of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75 Russian Federation

ПОИСК И АНАЛИЗ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. Основным направлением криминологических исследований всегда являлось объяснение преступности и ее структурных составляющих — отдельных видов преступлений, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В криминологии наиболее важным является вопрос о том, насколько велик отклик социальной системы в виде вероятности определенного числа преступлений на действие определенных факторов. В статье рассматриваются различные подходы к поиску и анализу причин преступности: от традиций позитивной школы, объясняющей статистические изменения преступности непосредственным влиянием социальных факторов, до экономического подхода рационального выбора преступного поведения, предлагающего в общей теории преступного поведения отказаться от специальных объяснений, таких как падение нравов, психологическая неуравновешенность или врожденные склонности.

Ключевые слова: преступность; преступление; причины преступности; корреляция; коэффициент преступности.

SEARCH AND ANALYSIS OF THE CAUSES OF CRIME

Annotation. The main direction of the criminological research has always been the explanation of criminality and its structural components — certain types of crimes enshrined in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. In criminology, the most important is the question of how significant is the response of the social system in the form of the probability of a certain number of crimes on the effect of certain factors. The article examines various approaches to the search and analysis of the causes of crime: from the traditions of the positive school, which explains the statistical changes in crime by the direct influence of social factors, to the economic approach of the rational choice of criminal behavior, which proposes to refuse special explanations, such as the fall of morals, psychological imbalance or innate tendencies, in the general theory of criminal behavior.

Keywords: criminality; crime; causes of crime; correlation; crime rate.

Поиск причин преступности волновал и до сих пор волнует умы ученых — от древних философов до современных криминологов, психологов, социологов, генетиков. Так или иначе поиск причин преступности прослеживается и в произведениях писателей и поэтов. При изучении преступности возникают большие трудности, поскольку в качестве причин преступности некоторые авторы, например Я.И. Гилинский, рассматривают отдельные самостоятельные девиации, такие как пьянство, наркотизм, коррупция, проституция и др. [1, с. 53]. Между тем различные виды девиантности имеют общий генезис, взаимосвязаны, проявляют общие законо-

мерности, что не исключает и специфические «видовые» особенности.

Основным направлением криминологических исследований всегда являлось объяснение преступности и ее структурных составляющих — убийств, разбоев, грабежей, краж, вымогательства и других видов преступлений. В отечественной криминологии обычно изучали причины и условия преступности, а в зарубежной, например, американской криминологии, вводили специальный раздел «объяснение преступного поведения» [2, с. 379], в котором рассматривались различные теории, объясняющие преступное поведение.

Изучение «причин и условий» преступности, с нашей точки зрения, не вполне оправданно, поскольку достаточно сложно определить границу между причинами и условиями. На практике это приводит к недоразумениям и грубым статистическим ошибкам. Объяснение преступности с помощью различных абстрактных моделей типа «дифференциальной связи», «теории напряжения», «субкультуры» и т.п., конечно, полезно, но это скорее поисковые, нежели завершённые исследования, которые можно рассматривать на уровне гипотез, но не завершённых, проверенных практикой научных теорий. В криминологии наиболее важным является вопрос о том, насколько велик отклик социальной системы в виде вероятности определенного числа преступлений на действие определенных факторов. Причем эти изменения могут происходить как в сторону роста, так и в сторону снижения.

В российской и зарубежной криминологии принято учитывать только криминогенность определенного фактора, оказывающего влияние на преступность как явление.

Итальянский ученый Э. Ферри отмечает полезность позитивной школы, которая, опираясь на статистические данные, освещает практическую сторону проблемы преступности, объясняя рост и уменьшение преступности зависимостью главным образом от социальных факторов, то есть от факторов, которые легче других могут быть изменены и исправлены по воле законодателя [3, с. 227].

Исследованный Э. Ферри характер эволюции преступности прошлого века, заключающийся в постоянной замене преступлениями, имеющими форму обмана, преступлений насильственных находит свое отражение и в тенденции современной преступности в России (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика структуры преступности в Российской Федерации*

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
всего зарегистрировано преступлений	2 628 799	2 404 807	2 302 168	2 206 249	2 190 578	2 388 476	2 160 063
тяжкие и особо тяжкие	684 347	607 507	569 804	537 664	531 388	519 655	457 779
уд. вес, %	26,0	25,3	24,8	24,4	24,3	21,8	21,2
убийство и покушение на убийство	15 563	14 305	13 265	12 361	11 933	11 496	10 444
уд. вес, %	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
кража	1 108 369	1 038 566	992 238	922 562	908 901	1 018 451	871 084
уд. вес, %	42,1	43,1	43,1	41,8	41,4	42,6	40,3
мошенничество	160 081	147 468	161 969	164 629	160 214	200 598	208 926
уд. вес, %	6,1	6,1	7,1	7,5	7,3	8,4	9,7

* Данные получены из следующих источников: Преступность и правонарушения (2010-2014): статистический сб. М., 2015. 180 с.; Состояние преступности в России (статистические сборники за 2015 и 2016 годы, подготовленные ГИАЦ МВД России).

Как следует из содержания таблицы, за последние годы произошло снижение общего числа зарегистрированных преступлений, с 2 628 799 в 2010 году до 2 160 063 в 2016 году (абсолютное снижение на 468 736 преступлений). При этом наиболее объективный показатель – коэффициент преступности (число преступлений на 100 тысяч населения) также снизил-

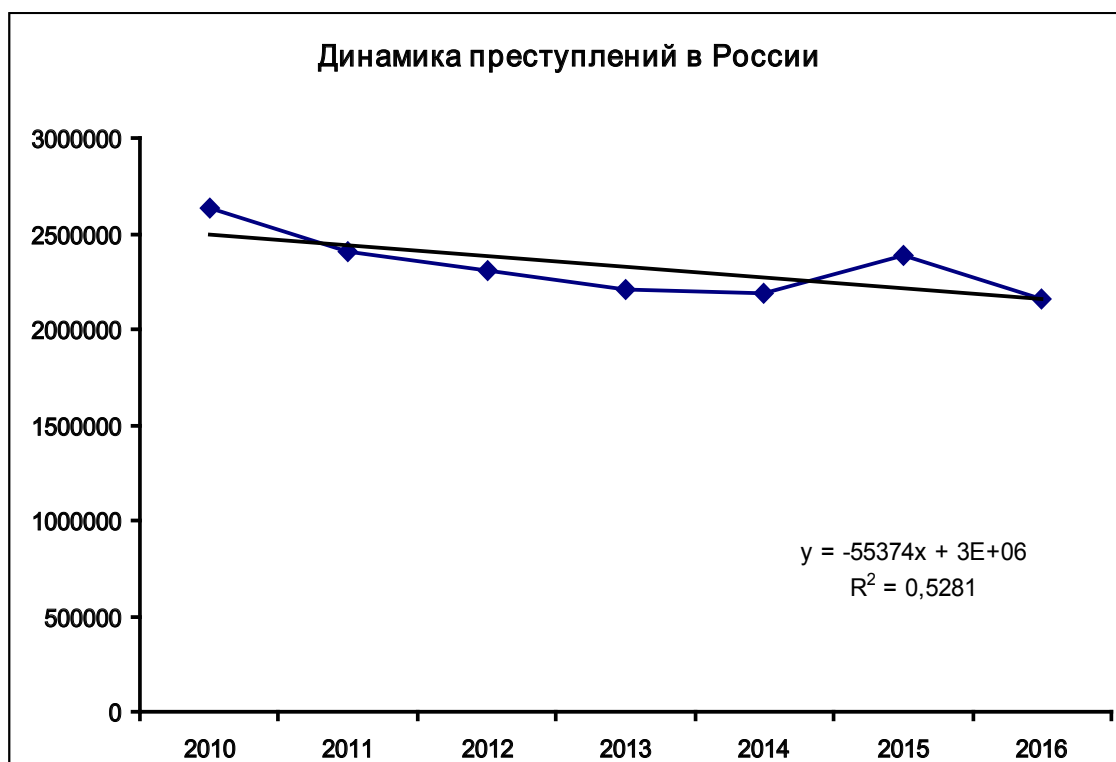
ся, с 1840 до 1600. Кроме того, за исследуемый период времени отмечено снижение абсолютных и относительных показателей тяжких и особо тяжких преступлений, краж. При снижении абсолютных показателей зарегистрированных убийств и покушений на убийство за период с 2010 по 2016 год сохраняется относительный устойчивый показатель на уровне 0,5-0,6 % от обще-

го числа зарегистрированных преступлений. Число зарегистрированных случаев мошенничества в абсолютном выражении выросло со 160 081 в 2010 году до 208 926 в 2016 году, удельный вес вырос с 6,1 % до 9,7 % соответственно. Данное перераспределение удельных весов отдельных видов в структуре общего числа зарегистрированных преступлений требует дополнительного детального рассмотрения и анализа соответствующих причин. Борьба с преступностью, являясь частью системы экономических отношений, предполагает несение определенных государственных и частных финансовых затрат, связанных с содержанием правоохранительных органов, пенитенциарных учреждений, с разработкой и принятием законов, с установкой различных охранных систем сигнализации, со страховыми выплатами и т.д., что, как представляется, отражает избирательность выявления и регистрации преступлений, наказание за которые предусмотрено в большей степени в виде выплаты штрафов, чем непосредственного лишения свободы, лежащего, в свою очередь, финансовым бременем на государство.

Важное значение в анализе причин преступности имеет и графическое отображение временного ряда, который, как правило, содержит два основных элемента – тенденцию динамики и колеблемость [4, с. 83].

В данном случае колеблемость (отклонение от усредненного ряда, выражающее влияние конкретных причин на динамику преступности) представляет собой важный предмет статистического исследования, поскольку позволяет выдвигать гипотезы о причинах колебаний и о путях влияния на них. На основе параметров колеблемости ее можно прогнозировать или учитывать как фактор ошибки прогноза, т.е. сделать прогноз более надежным. На основе параметров и прогнозов колебаний можно рассчитывать распределение сил и средств, необходимых для преодоления вредных последствий колебаний уровней ряда. Колебания уровней временного ряда могут иметь разную форму, разное распределение по времени, разную частоту и амплитуду.

Как уже было отмечено выше, для объективной оценки состояния и динамики преступности важно учитывать факторы, отразившиеся и на снижении, и на росте зарегистрированных преступлений. На представленном графике динамики преступлений в Российской Федерации для нас будут важны все показатели, лежащие в верхней и нижней части линии тренда, описанной уравнением: $y = -55374x + 3E + 06$. Верхние показатели 2010 и 2015 годов будут лежать в основе поиска причин, приведших к росту преступности, нижние показатели 2012, 2013, 2014 годов

– в основе поиска причин, приведших к снижению числа зарегистрированных преступлений. Для того чтобы определить, насколько велик вклад конкретных причин в динамику преступлений в конкретный пе-

риод времени, можно попытаться отвлечься (абстрагироваться) от колеблемости и определить «чистый» тренд динамического ряда. Результаты расчетов представим в виде таблицы (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Абсолютные и относительные показатели тенденции преступности
в Российской Федерации с 2010 по 2016 год**

Год	Номер периода	Уровень ряда	Абсолютное изменение уровней ряда	Ускорение абсолютного изменения	Темп роста уровня к периоду, %	
					предыдущему	начальному
2010	0 (начальный)	2 628 799	–	–	–	–
2011	1	2 404 807	-223 992	–	91,4	91,4
2012	2	2 302 168	-102 639	121 353	95,7	87,5
2013	3	2 206 249	-95 919	6 720	95,8	83,9
2014	4	2 190 578	-15 671	80 248	99,2	83,3
2015	5	2 388 476	197 898	182 227	109	90,8
2016	6	2 160 063	-228 413	30 515	90,4	82,1

Важным параметром для правильной интерпретации анализа уровней ряда является единица времени, за которую производилось измерение. В данном случае это указание на конкретный год, за который были зарегистрированы преступления. Знание единицы времени отсылает нас к поиску произошедших событий (войны, революции, эпидемии, эпизоотии, существенные изменения в уголовном законодательстве, политические и экономические реформы, ухудшение или улучшение геополитической обстановки и т.д.), которые могли значительно повлиять на качественное и количественное изменение преступности. Не установив константы тенденции исследуемого ряда, мы определили, что уровни ряда изменяются с различным ускорением, что свидетельствует о полиномиальной форме тенденции, выраженной аппроксимирующей (сглаженной) кривой, имеющей вид уравнения: $y = 19\,537x^2 - 211\,667x + 3E + 06$ с величиной достоверности аппроксимации $R^2 = 0,7253$.

Выше рассмотрен поиск причин преступности путем анализа одномерных временных рядов. В анализе пространственно-временных совокупностей с помощью метода корреляции можно установить связь между двумя и более признаками, одним из которых может быть конкретный вид преступления, например кража (y), другим – конкретная причина кражи (x), например отсутствие постоянного ис-

точника дохода, состояние алкогольного опьянения, отсутствие охраны и т.д. Причин может быть и несколько (x_1, x_2, \dots, x_n). Здесь важно не только установить прямую связь причины и следствия (y), но и определить весовой вклад каждой отдельной причины при установлении связи с несколькими признаками. Указанные связи описываются уравнением вида $y = f(x)$ для установления влияния одной причины, уравнением вида $y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ для установления влияния нескольких причин.

При проведении анализа причин преступности с помощью метода корреляции следует иметь в виду, что для разных структурных компонентов преступности в разное время одинаковые значения производных могут иметь различный криминологический смысл. Американские экономисты давно обратили внимание на возможности использования эконометрики в исследовании преступности и решили указанную проблему введением в анализ концепции эластичности*. С помощью метода эластичности можно измерить изменение уровня отдельных видов преступлений в процентах при изменении конкретной причины на 1 %:

$$E_x(y) = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta y / y}{\Delta x / x} = \frac{dy}{dx} \cdot \frac{x}{y}$$

* Выдающийся английский экономист А. Маршалл (1842-1924) одним из первых ввел в науку понятие эластичности.

где $E_x(y)$ – эластичность игрека по икс. Например, мы можем рассчитать изменение уровня отдельных видов преступлений при изменении минимального размера оплаты труда, изменение уровня преступности при изменении численности населения.

Если при установлении корреляции мы можем использовать как абсолютные, так и относительные величины, то при расчете коэффициента эластичности необходимо учесть, что исследуемые признаки должны быть представлены только относительными показателями.

Метод эластичности на сегодняшний день не нашел должного применения в современной криминологии, хотя возможности его использования достаточно масштабны не только в оптимизации профилактической деятельности органов внутренних дел, но и в совершенствовании законотворческой деятельности. Широкое применение метода эластичности в криминологических и социологических исследованиях в определенной мере позволило бы обуздать безграничные фантазии и нерациональные инициативы отдельных представителей законодательной власти.

Практическую пользу имеет установление эластичности конкретных видов преступности по уровню потребления алкоголя, наркотиков; эластичность конкретных видов преступлений и преступности в целом по вероятности поимки, осуждения преступника; эластичность преступности (конкретных видов) по строгости наказания; перекрестная эластичность преступности (конкретных видов) в конкретных регионах. Актуально измерение эластичности преступности по частоте стрессов, по динамике уровня инфляции, по динамике народонаселения, в том числе миграции, по доходам населения, по иным криминогенным и девиантогенным факторам, приводящим к возникновению противоречия («напряжения») между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими прежде всего от места индивида или группы в социальной структуре общества, степени неравенства в распределении доходов на душу населения (коэффициент Джини).

Русско-американский социолог Питирим Сорокин описывает данное противоречие в виде формулы свободы индивида:

совокупность имеющихся возможностей для удовлетворения потребностей

$$\text{свобода} = \frac{\text{совокупность имеющихся возможностей для удовлетворения потребностей}}{\text{совокупность потребностей}}$$

или

$$\text{свобода} = \frac{\sum B \text{ (возможности)}}{\sum П \text{ (потребности)}}$$

со следующей интерпретацией: если показатель $\sum B$ больше, чем $\sum П$, или равен ему, то индивид свободен [5, с. 667]. Соответственно, чем больше у человека потребностей при отсутствии возможностей их удовлетворения, тем выше уровень внутреннего напряжения, вектор выхода которого будет зависеть от складывающейся конкретной жизненной ситуации. Известный факт: чем дольше человек находится в тяжелом материальном положении, близком к нищенству, тем труднее ему выбраться на достойный уровень. У детей, выросших в бедности, обветшалости, формируется заниженная самооценка, фатальность будущего. Невозможность удовлетворения витальных, в первую очередь, и социальных потребностей индивида зачастую воспринимается как неизбежность, оправданность и предопределенность.

Норвежский криминолог Н. Кристи в результате анализа полицейской картотеки выявил объединяющие признаки основной части выявленных преступников [6, с. 97]. Это: мужчины, молодежь, двоечники, городские, неудачники. Указанные признаки подходят и для российских преступников. В частности, наибольший удельный вес в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления за последние 7 лет, приходится на мужчин (84 %).

Несмотря на то, что возраст является величиной переменной, и категория эта переходная, поток несовершеннолетних и молодых преступников не прекращается, обнажая изъяны обустройства социума, несостоятельности государства, не создающего возможности создать условия для нормальной, не преступной жизни детей и подростков.

Преступность несовершеннолетних всегда привлекает повышенное внимание. Распространенность преступлений среди лиц молодежной возрастной группы, их качественные характеристики не без осно-

ваний могут расцениваться как прогностические для всей преступности. Не случайно предупреждение преступлений среди несовершеннолетних рассматривается в масштабах мирового сообщества как важнейший аспект предупреждения преступности в обществе в целом.

Во всех индустриальных странах увеличение продолжительности школьного образования до 12 лет объясняется не только необходимостью более длительного обучения, но и тем, что детей и подростков надо чем-то занять, а школы обеспечивают им времяпрепровождение и выполняют ряд общественных функций: воспитание, обучение и оценку учеников.

Последняя функция особенно важна с точки зрения криминологии. В данном случае речь идет о несовершеннолетних преступниках. Согласно действующей в обществе социальной классификации дети сохраняют социальный статус своих родителей до взросления. Школа дает возможность предсказать дальнейшее развитие событий, поскольку по успехам ученика судят и о его возможных дальнейших успехах в жизни. Нельзя в каждом двоечнике видеть потенциального преступника, но что-то в этом есть, чтобы утверждать о существовании систематической связи между официально зарегистрированной преступностью и плохой успеваемостью в школе.

К. Лоренц, изучив поведение животных и людей, не нашел ничего плохого в естественных наклонностях человека, что подтверждает мысль о том, что естественные (витальные) потребности человека не могут быть плохими или хорошими. Независимо от пола, возраста, места жительства, вероисповедания, люди хотят есть, пить, отдыхать, когда устали, получать информацию, удовлетворять сексуальные потребности и т.д. По мнению К. Лоренца, человек лишь «...недостаточно хорош для требований жизни современного общества... скученность множества индивидов на малом пространстве приводит к приглушению всех социальных реакций... возрастающая готовность к агрессивному поведению является характерным следствием скученности...» [7, с. 315].

И.И. Карпец видел зависимость количественных, качественных, иных характеристик преступности и ее причин от

нравственного состояния общества, наличия или отсутствия тех или иных моральных ценностей и установок или их «превращенного» вида [8, с. 234].

Установлено, что в период обострения социальных проблем внимание многих, особенно молодежи, начинают привлекать образ жизни и мораль преступного мира, появляется массовое увлечение общества спиритизмом, вера в «чудеса» прорицателей, исцелителей, предсказателей и т.д. В такие периоды происходит подмена истинных ценностей: интимные подробности личной жизни превращаются в различные ток-шоу; подлинное искусство замещается блатной культурой; всенародная слава и известность приобретает не полезными для общества действиями, а извращениями, и т.д.

Профессор С.Г. Ольков, исследуя общественную патологию, определил, что «...одной из фундаментальных нелепостей, закравшихся в человеческое знание, является выделение неморального знания» и предложил «строить» научную мораль на научных принципах и не противоречить здоровому развитию человека и человечества [9, с. 173].

Достаточно разумно подошел к анализу преступности известный экономист Г. Беккер, предлагая в общей теории преступного поведения отказаться от специальных объяснений, таких как падение нравов, психологическая неуравновешенность или врожденные склонности, и просто расширить сферу применения обычного экономического анализа выбора [10, с. 283].

Отрицая необходимость учета моральных принципов в анализе причин преступности, Артур О'Салливан предлагает модель рационального преступника [11, с. 687], в основе выбора преступного поведения которого заложена стоимость предполагаемой выгоды от совершенного преступления. Причем суммой предполагаемой прибыли измеряется и совесть преступника. У кого-то совесть оценивается в 5 копеек, у кого-то она значительно «дороже». Стойкое внутреннее неприятие преступлений, т.е. непривлекательность совершения преступления ни при какой цене, носит, скорее всего, условный характер. В данном случае речь идет не о чистой прибыли, выраженной в денежном

эквиваленте. Определение деяний преступлениями носит характер исторической изменчивости. В связи с этим утверждать, что есть люди, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не будут совершать преступления, было бы опрометчиво.

Как и при совершении любого преступления любым преступником, рациональный преступник «руководствуется» определенными причинами: 1) он овладел в определенной мере высоким уровнем криминального мастерства, имеет навыки избегания наказания (характерно для профессиональных преступников, для которых совершение преступлений – основной и единственный источник дохода); 2) для некоторых людей занятость каким-либо законным трудом не покрывает издержки, связанные с совершением преступления и отбыванием наказания в местах лишения свободы; 3) отсутствие уважения к обществу и неприятие преступления, поэтому для них достаточной является относительно небольшая прибыль, чтобы преступление оказалось стоящим.

Модель рационального преступника можно использовать применительно к преступлениям, вызванным экономиче-

скими мотивами, но не к преступлениям, вызванным порывами страсти, или к насильственным преступлениям. Используя экономический подход, исходят из того, что и преступники, и жертвы действуют рационально в своих решениях, основываясь на ожидаемых выгодах и издержках, связанных с разными вариантами действий. Рациональный человек совершает имущественное преступление, если ожидаемые выгоды от него превышают ожидаемые издержки (характерно больше для преступлений коррупционной направленности).

Таким образом, поиск и анализ причин преступности открывает широкие возможности исследования преступности, ее структурных составляющих. Возможности применения традиционных подходов и обращение к методам, «обслуживающим» научные направления неюридического цикла, позволяют углубить имеющиеся знания о причинах преступности, определить тесноту связи между конкретными причинами и уровнем преступности, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность выявления, устранения, нейтрализации причин преступности.

Список литературы

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 520 с.
2. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
3. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2005. 658 с.
4. Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник. М.: Финансы и статистика, 2001. 228 с.: ил.
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., коммент. и ст. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
6. Кристи Н. Плотность общества / пер. с норвежск. Е. Рачинской. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. 140 с.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г. Швейника. СПб.: Амфора, 2001. 272 с.
8. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
9. Ольков С.Г. Общественные болезни. Тюмень, 1996. 330 с.
10. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
11. О'Салливан А. Экономика города. 4-е изд.: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2002. XXVI, 706 с.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

КУЛИЦКАЯ Л.И., KULITSKAYA L.I.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
Kulitsckaya@mail.ru Kulitckaya@mail.ru
Кафедра оперативно-разыскной Chair of crime detection
и административной деятельности; and administrative activities;
Владивостокский филиал Vladivostok Branch of the Far East
Дальневосточного юридического института Law Institute of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Kotelnikov St. 21, Vladivostok, 690087,
690087, г. Владивосток, Russian Federation
ул. Котельникова, 21

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ ЛИЦ, СМЕРТЬ КОТОРЫХ НАСТУПИЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ СОВЕРШЕННОГО ИМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Аннотация. Автором ставится проблема определения места и способа погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, рассматриваются вопросы возможности выдачи тел террористов родственникам, анализируется порядок погребения с применением обычая. Обращено внимание на то, что согласно действующему законодательству место захоронения определяется органом предварительного расследования, а способ погребения определяется органом следствия либо специализированной службой по вопросам похоронного дела. Орган предварительного следствия выдает родственникам только уведомление о том, в какой орган загса им необходимо обратиться за получением свидетельства о смерти. Исследуется правовая основа, которой руководствуется следователь при избрании им формы и места погребения. Сделан вывод о том, что разрешение поставленных вопросов связано с определением правового режима тела человека после его смерти.

Ключевые слова: терроризм; погребение тел террористов; волеизъявление; похоронная деятельность.

THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE BURIAL OF PERSONS WHOSE DEATH OCCURRED AS THE RESULT OF THE SUPPRESSION OF THE TERRORIST ACT COMMITTED BY THEM

Annotation. The author raises the problem of determining the place and way of the burial of persons whose death occurred as the result of the suppression of the terrorist act committed by them. The questions connected with the possibility of issuing terrorist bodies to the relatives are considered. The burial order by using the custom is considered. The author pays attention to the fact that, according to the current legislation, the place of burial is determined by the body of preliminary investigation, and the way of burial is determined by the investigative body or by the specialized funeral service. The preliminary investigation body issues only a notice about which registry office the relatives need to apply for a death certificate. The legal framework that guides the investigator in choosing the form and place of burial is studied. It is concluded that the solution of the issues raised is connected with the definition of the legal regime of the human body after his (her) death.

Keywords: terrorism; burial of the bodies of terrorists; declaration of will; funeral activities.

Распространение терроризма сегодня не ограничивается рамками одного государства, а является мировой проблемой, которая ставит перед обществом все новые правовые вопросы. В литературе обращается внимание на необходимость разработки новых направлений противодействия экстремизму и терроризму и новых форм «противостояния

данном явлениям как на законодательном уровне, так и на практике» [1, с. 163]. Одним из инструментов, используемых для противодействия терроризму, могло бы стать решение проблемы правового регулирования погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенной ими террористической акции.

В связи с тем, что Россия является участницей международных договоров, она должна соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе и в сфере погребения и похоронной деятельности. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)* каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, на свободу в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений при захоронении. Подобная норма содержится и в пункте 1 статьи 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод**.

Согласно Всеобщей декларации прав человека «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»***, а в соответствии с Конституцией Российской Федерации достоинство личности охраняется государством, никто не должен подвергаться унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

В статье 14.1 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. N 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее — Закон о погребении)**** закреплены гарантии погребения умершего с учетом его волеизъявления, выраженного при жизни, и с учетом пожелания родственников. Устанавливая правила погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенной ими террористической акции, закон закрепляет, что тела таких лиц родственникам для захоронения не выдаются, и о месте захоронения не сообщается. Порядок погребения таких лиц установлен Постановлением Правительства РФ от 20 марта 2003 г. N 164 «Об утверждении Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террори-

стического акта»***** (далее — Постановление Правительства РФ N 164).

Понятия «терроризм» и «террористический акт» имеют в настоящее время легальное закрепление. Согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под терроризмом понимается идеология насилия и воздействие на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления и международными организациями*****.

При этом насилие должно проявляться в виде устрашения населения или в виде иных противоправных насильственных действий. В части первой статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации содержится понятие террористического акта, под которым понимаются действия, осуществляемые с целью дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо с целью воздействия на принятие ими решений, в том числе действия по совершению взрыва или поджога. Кроме того, это могут быть иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Президентом РФ 5 октября 2009 г. была утверждена Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации*****, в которой указано, что целью противодействия терроризму в Российской Федерации является «защита личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма». Согласно данной Концепции «общегосударственная система противодействия терроризму включает в себя деятельность не только по предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности», но и по минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма. Одним из инструментов по минимизации последствий проявлений терроризма является

* Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

*** Рос. газ. 1998. 10 дек.

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 3. Ст. 146.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 12. Ст. 1139.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146.

***** Рос. газ. 2009. 20 окт.

порядок погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта.

Согласно Закону о погребении и Постановлению Правительства РФ N 164 погребение лиц, чья смерть связана с участием в террористической акции, осуществляется специализированными службами по вопросам похоронного дела, в которые орган предварительного следствия с целью осуществления погребения умершего направляет копию постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении умершего лица. Место погребения определяется органом предварительного расследования. Орган предварительного следствия выдает родственникам только уведомление о том, в какой орган загса им необходимо обратиться за получением свидетельства о смерти.

Таким образом, вопросами погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, должны заниматься следственные органы. Что является правовой основой для следователя при решении им вопроса об избрании формы и места погребения? Закон о погребении предусматривает следующие формы погребения умершего: предание тела земле (захоронение в могилу, склеп); предание тела огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом); предание тела воде (захоронение в воду), а также следующие места погребения: кладбища, стены скорби для захоронения урн с пеплом после сожжения тел, крематории для предания тел умерших огню, иные здания и сооружения, предназначенные для осуществления погребения умерших. Специальной нормы, предусматривающей форму и место погребения террористов, Закон о погребении не содержит.

Кроме того, закрепленные в Законе о погребении гарантии погребения умершего с учетом его волеизъявления и с учетом пожеланий его близких и родных ставят перед органом следствия еще один вопрос: может ли следователь при определении формы и места погребения учитывать волеизъявление умершего, выраженное им при жизни? Известно, например, что «Мухаммед Атта, лидер террористов, захвативших американские авиалайнеры

11 сентября 2001 г., составил завещание, в котором детально расписал процедуру своих похорон и расположение могилы», кроме того, выразил желание, «чтобы на его могилу никогда не приходили женщины» [2].

Согласно российскому законодательству деятельность специализированных служб по вопросам похоронного дела – это самостоятельный вид деятельности по оказанию похоронных услуг. Субъектами правоотношений, возникающих в результате погребения террористов, являются органы предварительного следствия и специализированные службы по вопросам похоронного дела. Объект правоотношения – тело умершего. Заказчиком и потребителем услуги в соответствии с законом является государство в лице органа предварительного следствия, который решает вопросы погребения, минуя родственников и близких людей. Надо полагать, что определение формы и места захоронения террористов осуществляется похоронными службами, поскольку пункт 8 Постановления Правительства РФ N 164 указывает, что специализированная служба по вопросам похоронного дела самостоятельно составляет акт о произведенном погребении и направляет его органу предварительного следствия, который приобщается к уголовному делу. Кроме того, специализированные службы по вопросам похоронного дела, осуществляя погребение террористов, не обязаны выяснять наличие волеизъявления умершего и его содержание, так как действующее законодательство такого порядка не предусматривает.

Между тем проблема погребения тел террористов на практике связана с решением множества вопросов. Особую остроту приобретают вопросы о выдаче тел террористов родственникам для погребения, о местах захоронения тел (на кладбище или за его пределами), о праве родственников и иных лиц на информацию о месте погребения и др.

Представляется, что разрешение поставленных вопросов тесно связано с определением правового режима тела человека после его смерти. Тот факт, что тело умершего человека давно уже является объектом гражданских прав, не вызывает сомнений, так как оно может быть передано для использования в медицинских, научных и

учебных целях*, подвергнуто криоконсервации [3, с. 114], подвергнуто транспортировке, хранению в морге и так далее. Тело умершего может являться объектом предпринимательских или гражданско-правовых договоров. Однако законодательно до сих пор не определено, кто является собственником тела человека после его смерти, а в научной литературе указанный вопрос только обсуждается [4, с. 97].

В поле правового регулирования находятся лишь вопросы, определяющие, что родственники лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, не вправе определять форму и место захоронения и произвести погребение в соответствии с волеизъявлением умершего и с религиозными традициями и обычаями. А вправе ли это сделать следователь или похоронное бюро? Предусмотренный законом для таких умерших перечень социальных похоронных услуг является минимальным. Он включает в себя оформление документов, необходимых для погребения; облачение тела; предоставление гроба; перевозку тела к месту погребения или к месту кремации и само погребение.

Право собственности, включающее в себя три правомочия собственника: владение, пользование и распоряжение, предполагает, что только собственник вправе определять судьбу принадлежащего ему имущества (в данном случае судьбу тела умершего человека, в том числе форму и место его погребения). Если признать, что собственником тел умерших террористов, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, является государство, то государство в лице органов власти либо государственных специализированных служб по вопросам похоронного дела

должно осуществлять погребение в соответствии с законом, предусматривающим форму погребения и место. Такой закон в настоящее время отсутствует. Одним из инструментов решения исследуемой проблемы может служить рассмотрение возможности создания специальных государственных кладбищ для погребения тел террористов либо специальных крематориев.

Нормы закона о невыдаче родственникам тел террористов для погребения существуют наряду с нормами закона о том, что каждый имеет право на достойное отношение к его телу после смерти и право быть погребенным согласно традициям и обычаям. Обычаи как источники права — это правила поведения людей, которые передаются из поколения в поколение и часто являются более важными, нежели нормы закона. Они повторяются многократно и в результате этого становятся традицией и попадают в сферу государственных интересов. Издревле на Руси церемония похорон происходила с соблюдением таких обычаев, как присутствие родственников, прощание, панихида. Несоблюдение обычаев может привести к осуждению и даже к ссоре между родными людьми.

Не нарушает ли существующий порядок погребения тел террористов прав родственников умершего? Например, родственники А. Масхадова, убитого в марте 2005 г., обращались даже в Конституционный Суд РФ с требованием выдать им тело террориста, считая, что нарушаются их конституционные права на погребение согласно обычаям. Тело А. Масхадова было похоронено в безымянной могиле.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ по указанному вопросу заключается в том, что выдача родственникам для захоронения тел нецелесообразна и может «создать угрозу общественному порядку», «правам и законным интересам других лиц, их безопасности», «привести к разжиганию ненависти, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, что может повлечь за собой новые жертвы, а места захоронений участников террористических актов могут стать местами культового поклонения отдельных, экстремистски настроенных лиц, будут использоваться ими в качестве средства пропаганды идеологии терро-

* См.: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724; Об утверждении Правил передачи неотребованного тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях, а также использования неотребованного тела, органов и тканей умершего человека в указанных целях: постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 г. N 750 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 31. Ст. 4375.

ризма и вовлечения в террористическую деятельность»*.

Порядок погребения лиц, умерших в результате пресечения совершенной ими террористической акции, до ноября 2002 г. законодательно никак не регулировался. Впервые законодательное закрепление того, что тела террористов родственникам для погребения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается, произошло в связи с принятием Федерального закона от 21 ноября 2002 г. N 144-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон "О борьбе с терроризмом"»**.

До этого времени известны случаи выдачи тел террористов родственникам, но чаще всего при определении формы и места погребения имел место обычай, согласно которому тела террористов родственникам не выдавались, и их погребение издревле происходило отдельно от погребения других лиц. Примером может служить погребение Александра Ульянова, старшего брата В.И. Ленина, который был похоронен в крепости Орешек – по месту казни. При этом никто из высшего общества того времени даже не подумал о том, чтобы хлопотать за достойное погребение сторонника «системного террора» [5]. Что касается современных событий, то, например, тело Т. Царнаева, который обвинялся в исполнении теракта во время Бостонского марафона 15 апреля 2013 г., также было похоронено за пределами штата Массачусетс, в котором он жил [6].

Таким образом, погребение тел террористов на практике большей частью является анонимным либо осуществляется в специально отведенных местах. Не пора ли придать такому порядку правовую форму?

В Казахстане, например, обычай получил законодательное закрепление. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 26 августа 2013 г. N 858 были

утверждены Правила погребения лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате совершения ими акта терроризма, а также при пресечении совершаемого ими акта терроризма***, которыми определено место для погребения террористов. Это специально отведенные места, которые называются кладбищами для безродных. После погребения террористов специализированная похоронная служба, осуществившая захоронение, «производит соответствующую запись в регистрационной книге и выдает регистрационный номер на могилу» [7]. Фамилия, имя и отчество умершего не указываются даже в регистрационной книге. Организация, осуществившая погребение, выдает удостоверение о захоронении, в котором указывается дата погребения. Удостоверение передается в орган следствия для приобщения к уголовному делу. По решению органа предварительного следствия родственникам выдаются только копии врачебного свидетельства о смерти и личные вещи умершего. Погребение в Казахстане осуществляется за счет средств местного бюджета» [7].

Такую практику следует признать частично уязвимой, поскольку отсутствие сведений о фамилии, имени и отчестве умершего лица на месте его погребения и в регистрационной книге способно повлечь невозможность осуществления наследственных прав лицами, которые своевременно не были по тем или иным причинам призваны к наследству. Юридическое закрепление имени умершего и места его погребения необходимо и в случаях возникновения у наследников спора о наличии либо отсутствии родства с умершим террористом, когда указанные вопросы должны разрешаться путем проведения эксгумации.

Таким образом, учитывая современные тенденции в развитии общественных отношений, необходимо отметить необходимость определения и юридического закрепления места и формы погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта. Необходима разработка новых государственно-правовых и ведомственных подходов к исследуемому вопросу.

* По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой: постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. N 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 27. Ст. 3346.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 47. Ст. 4634.

*** См.: URL: <http://online.zakon.kz>

Список литературы

1. Горелик В. Что делать с мертвым террористом? // Партнер. 2016. N 10. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/5549151/> (дата обращения: 4 авг. 2017 г.).
2. Канунникова Н.Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 3 (29). С. 163-169.
3. Кулицкая Л.И. Крионика – как альтернативная форма погребения: правовой аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. N 1. С. 112-115.
4. Кулицкая Л.И. Правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека после смерти лица, не оставившего завещания // Власть Закона. 2016. N 2 (26). С. 96-106.
5. Как хоронить террористов? URL: <http://sine-or.livejournal.com/6983.html/> (дата обращения: 8 авг. 2017 г.).
6. URL: <http://www.newsru.com/world/10may2013/albarzakh.html><https://news.mail.ru/incident/26086182/> (дата обращения: 6 авг. 2016 г.).
7. URL: <https://news.mail.ru/incident/26086182/> (дата обращения: 6 авг. 2016 г.).

СУРГУТСКОВ В.И.,
кандидат юридических наук,
Surgutskov55@mail.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Омская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
644092, г. Омск,
просп. Комарова, 7

SURGUTSKOV V.I.,
Candidate of Legal Sciences,
Surgutskov55@mail.ru
Chair of administrative law
and administrative activities
of the internal affairs bodies;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ПРАВО ГРАЖДАН РОССИИ НА ХРАНЕНИЕ И НОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ ЛЕТАЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ЦЕЛЯХ САМООБОРОНЫ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

Аннотация. В статье дана критическая оценка идеи легализации в Российской Федерации отдельных образцов летального оружия, прежде всего огнестрельного нарезного короткоствольного оружия, в целях самообороны граждан. Приводится исторический и сравнительно-правовой анализ оборота летального оружия в России и за рубежом. Проанализированы попытки законодательных инициатив, направленных на разрешение гражданам приобретать летальное оружие самообороны. Отмечается, что оборот такого вида оружия в нашей стране возможен при соблюдении следующих условий: расширение пределов усмотрения при применении сотрудниками правоохранительных органов оружия на поражение посягающего; наличие развитого гражданского общества; повышение эффективности принимаемых правоохранительными органами профилактических мер, направленных на предупреждение утрат и хищений оружия; установление повышенных мер юридической ответственности лиц, нарушивших требования, предъявляемые к обороту летального оружия самообороны. Предложены направления совершенствования правовой регламентации оборота гражданского оружия самообороны.

Ключевые слова: гражданское оружие; летальное оружие; огнестрельное нарезное короткоствольное оружие; применение оружия; самооборона; правоохранительные органы; меры принуждения.

THE RIGHT OF RUSSIAN CITIZENS TO POSSESSION AND WEARING CERTAIN TYPES OF LETHAL WEAPONS FOR SELF-DEFENSE (INVITATION TO DISCUSSION)

Annotation. A critical assessment of the idea of the legalization of certain types of lethal weapons in self-defense for citizens in the Russian Federation, primarily fire rifled short barreled weapons, is given in the article. Historical and comparative legal analysis of trafficking in lethal weapons in Russia and abroad is given. The attempts of legislative initiatives aimed at allowing citizens to acquire a lethal weapon for self-defense are analyzed. It is noted that the turnover of such weapons in our country is possible under the following conditions: expanding the limits of discretion law enforcement officers' use of weapons to defeat the encroaching person; existence of the developed civil society; increasing the effectiveness of preventive measures taken by law enforcement agencies, aimed at preventing the loss and theft of weapons; establishing the increased measures of legal responsibility to persons who violated the requirements for turnover of lethal weapons of self-defense. The directions for improving the legal regulation of the turnover of civilian self-defense weapons are suggested.

Keywords: civilian weapons; lethal weapons; fire rifled short barreled weapons; use of weapons; self-defense; law enforcement agencies; measures of coercion.

В последние годы в России ведется полемика, касающаяся разрешения оборота отдельных образцов летального оружия*, и прежде всего огнестрельно-

* Под термином «летальное оружие» в настоящей статье понимается оружие, предназначенное для причинения смерти или вреда здоровью, опасного для жизни.

го нарезного короткоствольного оружия (далее – ОНКО) как наиболее распространенной его разновидности, в качестве гражданского оружия самообороны [1, с. 32-35; 2, с. 25-29; 3, с. 80-82; 4, с. 99]. Сторонники самой идеи такой легализации в качестве возможного положительного эффекта предполагают снижение

количества преступлений против жизни и здоровья граждан, их собственности, совершаемых, как правило, в общественных местах.

Обращаясь к истории вопроса, следует напомнить, что в начале XX в. подданные Российской империи имели право на хранение и ношение ОНКО [5, с. 104]. При этом революционные настроения на рубеже XIX-XX вв. обусловили для властей необходимость существенного ограничения правомерного оборота такого вида оружия, а также надзора за передачей его «в руки» только политически благонадежным лицам. Правовое регулирование торговли ОНКО, порядка получения разрешений на его приобретение, хранение и ношение осуществлялось в основном посредством секретных циркуляров и инструкций Департамента полиции МВД и постановлений губернаторов, которым были предоставлены обширные полномочия по изданию локальных актов в сфере оборота оружия [6, с. 57-58].

В советский период истории государства самооборона не рассматривалась в качестве целевого предназначения гражданского оружия.

Указом Президента РФ от 8 ноября 1992 г. N 1341 «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия»* в целях защиты жизни, здоровья и собственности граждан от противоправных посягательств был легализован оборот оружия самообороны, в том числе газового оружия**.

Отдельными нормативными правовыми актами гражданам, ведущим крестьянское (фермерское) хозяйство, в целях усиления личной и имущественной безопасности разрешалось приобретать, хранить, а также использовать гладко-

ствольное охотничье оружие и боеприпасы к нему***.

В Законе РФ от 20 мая 1993 г. N 4992-1 «Об оружии»**** (утратил силу) впервые на законодательном уровне было установлено право использовать гражданское оружие в целях самообороны. К такому оружию закон относил газовое оружие самообороны, а именно: пистолеты, револьверы, механические распылители и аэрозольные устройства, снаряженные слезоточивыми раздражающими веществами, разрешенными к применению Министерством здравоохранения РФ.

В настоящее время в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии»***** (далее – Закон об оружии) оружие в зависимости от целей его использования соответствующими субъектами, а также по основным параметрам и характеристикам подразделяется: 1) на гражданское, 2) служебное, 3) боевое ручное стрелковое и холодное. К гражданскому оружию относится оружие, предназначенное для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, а также в культурных и образовательных целях. Перечень видов гражданского оружия самообороны установлен в п. 1 ч. 2 ст. 3 Закона об оружии. Указанный пункт не предусматривает права граждан на владение ОНКО или другими видами летального оружия. При этом ОНКО разрешено использовать в качестве: гражданского – для занятий спортом (спортивное оружие), в культурных и образовательных целях; служебного (ОНКО отечественного производства с дульной энергией не более 300 Дж); боевого ручного стрелкового оружия.

Вместе с тем было бы не совсем правильно говорить о полном запрете оборо-

* Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. N 46. Ст. 2650.

** О мерах по выполнению Указа Президента Российской Федерации от 8 ноября 1992 г. N 1341 «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия»: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 11 февр. 1993 г. N 109 // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. N 7. Ст. 568.

*** О разрешении приобретения, хранения и использования гладкоствольного охотничьего оружия гражданами, ведущими крестьянское (фермерское) хозяйство: указ Президента РФ от 8 нояб. 1992 г. N 1342 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. N 46. Ст. 2651.

**** Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. N 24. Ст. 860.

***** Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ: ред. от 29 июля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681; URL: <http://pravo.gov.ru>

та летального оружия в целях самообороны для населения в России.

Согласно п. 7 Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях руководители данных организаций вправе передавать для хранения и ношения огнестрельное короткоствольное оружие с комплектом патронов в количестве, равном емкости двух магазинов (барабанов), отдельным категориям военнослужащих и сотрудников государственных военизированных организаций, находящихся на пенсии*.

Кроме того, право на постоянное хранение и ношение боевого ручного стрелкового оружия имеют действующие сотрудники военизированных организаций. Например, сотрудникам органов внутренних дел на постоянное хранение и ношение может выдаваться табельное боевое ручное стрелковое оружие (пистолеты, револьверы), состоящее на вооружении в органах внутренних дел Российской Федерации, а в исключительных случаях, на период осложнения оперативной обстановки, по решению начальника органа внутренних дел на постоянное хранение и ношение сотрудникам — автоматы или пистолеты-пулеметы**. Предельная штатная численность сотрудников органов внутренних дел составляет 756 859 человек***.

* Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях: постановление Правительства РФ от 15 окт. 1997 г. N 1314; ред. от 13 сент. 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 42. Ст. 4790; URL: <http://pravo.gov.ru>

** Об утверждении Инструкции о порядке выдачи табельного боевого ручного стрелкового оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации на постоянное хранение и ношение: приказ МВД России от 17 нояб. 1999 г. N 938 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. N 52.

*** О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 мая 2014 г. N 300; ред. от 16 мая 2017 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Следовательно, каждый из этих сотрудников потенциально имеет право на постоянное ношение и хранение ОНКО.

Помимо сотрудников органов внутренних дел правом на постоянное ношение и хранение ОНКО для личной защиты обладают сотрудники Следственного комитета РФ, Прокуратуры РФ, уголовно-исполнительной системы, таможенных органов, судебные приставы, военнослужащие войск национальной гвардии РФ, лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии РФ и имеющие специальные звания полиции, сотрудники ряда других государственных органов, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, а также по защите прав и свобод человека и гражданина.

ОНКО может выдаваться судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов, подлежащим государственной защите, при наличии угрозы их жизни и здоровью и при условии, что применения иных мер безопасности недостаточно****.

Необходимо отметить, что после вступления в силу Закона об оружии попытки законодательного урегулирования общественных отношений по поводу владения гражданами ОНКО и некоторыми другими видами летального оружия (например, огнестрельным гладкоствольным короткоствольным оружием) в целях самообороны предпринимались неоднократно — в 1999, 2003, 2005, 2012 гг.***** и

**** О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апр. 1995 г. N 45-ФЗ; ред. от 1 июля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 17. Ст. 1455.

***** См.: Паспорт проекта федерального закона N 99051296-2 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оружии»»; паспорт проекта федерального закона N 303728-3 «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон «Об оружии»»; паспорт проекта федерального закона N 232362-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии»»; паспорт проекта федерального закона N 123846-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дважды в 2013 г.* В 2003 и 2013 гг.** разработчики, судя по пояснительным запискам к своим законопроектам, апеллировали к положительному опыту тех государств, в которых в целях самозащиты населения разрешен оборот летального оружия и, как следствие, отмечается снижение числа насильственных преступлений, прежде всего убийств, по сравнению с теми странами, в которых такой оборот запрещен. Как отмечали авторы проекта федерального закона N 303728-3 «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон “Об оружии”», внесенного Калининградской областной Думой в 2003 г., его принятие преследует цель стимулирования самостоятельного обеспечения гражданами Российской Федерации собственной безопасности, осуществления самостоятельной защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, гарантированных Конституцией РФ. Разработчики проекта федерального закона N 99051296-2 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об оружии”» 1999 г. обращали внимание на рост вооруженных нападений на бизнесменов, политиков, ответственных государственных служащих.

Все представленные к принятию законопроекты предусматривали введение условий, ограничений и запретов относительно владения гражданским населением ОНКО. Например, в проекте 1999 г. предусматривалось право граждан на владение таким видом оружия без права ношения, за исключением сотрудников государственных военизированных организаций, которым законодательством было предоставлено право на хранение и ношение оружия. Концепция законопроекта 2005 г.*** вводила для граждан Российской Федерации возрастной ценз на владение ОНКО – 21 год.

* Паспорт проекта федерального закона N 282023-6 «О внесении изменений в статьи 3 и 13 Федерального закона «Об оружии»»; паспорт проекта федерального закона N 302993-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Проект Федерального закона N 282023-6 внесен депутатом ГД ФС РФ Р.И. Худяковым.

*** Законопроект внесен депутатами ГД ФС РФ В.В. Жириновским, Н.В. Курьяновичем.

В проекте 2013 г.**** предусматривалось разрешение гражданам владеть нарезным короткоствольным оружием отечественного производства, но не допускалось его приобретение гражданами, имеющими в собственности огнестрельное гладкоствольное оружие менее пяти лет.

Все законопроекты были отклонены при рассмотрении Государственной Думой РФ. Основные аргументы отрицательных официальных отзывов, писем и заключений, подготовленных Правительством РФ, Правовым управлением Аппарата Государственной Думы РФ и ее профильными комитетами, преимущественно сводились к следующему: 1) легализация ОНКО в качестве гражданского оружия самообороны приведет к осложнению состояния правопорядка и росту преступлений, связанных с его неправомерным использованием, хищением и утратой; 2) увеличится численность сотрудников лицензионно-разрешительных подразделений, что потребует дополнительных средств из федерального бюджета; 3) произойдет перекладывание обязанности государства по защите прав и обеспечению личной безопасности граждан на них самих, что противоречит ст. 2 Конституции РФ; 4) современные образцы разрешенного для самообороны огнестрельного оружия ограниченного поражения обладают достаточным останавливающим воздействием на нападающего.

Следует согласиться с выводом Е.Д. Шелковниковой о том, что «как только огнестрельное оружие становится легко доступным населению, вероятность гибели людей в результате насильственных преступлений увеличивается» [7, с. 125]. В качестве примера можно привести США – государство, позиционирующее себя как страну с давно сложившимися в обществе либеральными ценностями. Право на владение летальным оружием в целях самообороны гарантировано второй поправкой к Конституции США, которая гласит: «Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться».

**** Проект федерального закона N 302993-6 внесен депутатами ГД ФС РФ И.В. Лебедевым, С.В. Ивановым, В.В. Семеновым.

Напомним, что, в отличие от России, правовое регулирование оборота оружия в США осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Последние обладают и, что самое примечательное, активно используют свое право на принятие норм, устанавливающих правила приобретения и владения оружием, в том числе так называемым гангстерским оружием. По критерию жесткости законодательства А.А. Шурус выделяет штаты со строгим, либеральным и умеренным оружием законодательством [8, с. 322].

По данным зарубежного издания «The Washington Post», которые приводит «Российская газета», «за первые пять месяцев 2015 года американские полицейские застрелили 385 человек. В январе – марте 2015 года американская полиция убила 111 человек. Любопытно, что с 1900 года вся полиция Великобритании убила 52 человека. В среднем в результате стрельбы правоохранителей ежедневно в США гибнут два человека. В целом подавляющее большинство жертв – более 80 % – были вооружены огнестрельным или холодным оружием. Как выяснилось, из 385 случаев гибели людей от пуль полицейских лишь по трем делам правоохранителям были предъявлены уголовные обвинения, что составляет менее 1 %. За последнее десятилетие американские полицейские открывали огонь на поражение тысячи раз, а уголовные обвинения выдвигались лишь в 54 случаях» [9].

Полиция США традиционно обладает широкими дискреционными полномочиями по доставлению, задержанию, а также применению силы и оружия [10, с. 94-97; 11, с. 152-158]. Во многом такое усмотрение обусловлено необходимостью обеспечить личную безопасность полицейского от потенциально вооруженного правонарушителя.

Проведенное Э.Л. Сидоренко исследование позволило ей прийти к выводу, что при наибольшем количестве легального огнестрельного оружия в США самый высокий уровень вооруженной преступности, а в Японии, наоборот, при наименьшем объеме оружия у населения – самый низкий уровень преступности. Вместе с тем указанный автор справедливо считает неуместным проводить прямую зависимость между количеством оружия и уровнем преступности, исходя из различных тради-

ций, ментальности и культуры обращения с оружием [12, с. 146].

Например, в законодательстве таких азиатских государств, как Япония и Китай, использование гражданами оружия для самообороны не предусмотрено. Жесткий надзор за оборотом оружия и повышенные санкции за нарушение соответствующих правил в этих странах в целом позволяют удерживать вооруженную преступность на низком уровне [13, с. 124-128; 7, с. 71-78]. Монополия власти на охрану и защиту населения от противоправных посягательств подчеркивает азиатский стиль государственного управления, основанный на принципе патернализма.

Считаем, что легальный оборот ОНКО в качестве оружия самообороны в России возможен только в случае достижения следующих условий:

1. Существенное расширение пределов усмотрения сотрудников правоохранительных органов, применяющих меры непосредственного принуждения. При этом, как показывает практика, в настоящее время основными проблемами при возникновении условий, связанных с применением боевого оружия, по-прежнему остается недостаточная профессиональная подготовка (физическая, огневая, психологическая) сотрудников, а также страх ответственности за превышение своих полномочий [9].

Увеличение полномочий полиции, вероятнее всего, не найдет поддержки у той части гражданского общества, представители которой постоянно поднимают вопрос о разрешении в России оборота ОНКО в качестве оружия самообороны, но в то же время болезненно воспринимают любое, даже самое рациональное, предложение о наделении полиции дополнительными правами. Так, широкий общественный резонанс вызвал законопроект N 147239-7*, внесенный 11 апреля 2017 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ группой ее депутатов, который предусматривал расширение полномочий сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия и, в частности, право

* Паспорт проекта федерального закона N 147239-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

применять оружие с целью предотвращения террористического акта, освобождения заложников, отражения вооруженного группового нападения на критически важные и потенциально опасные объекты, а также административные здания органов государственной власти. Законопроектом предлагалось наделить сотрудников полиции правом применения огнестрельного оружия в отношении женщин (за исключением женщин с видимыми признаками беременности). Кроме того, авторы законопроекта предложили следующую формулировку ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*: «при попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, прикоснуться к его огнестрельному оружию *или совершить иные действия, дающие основание расценить их как оказываемое противодействие* (курсив наш. — В. С.), сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 настоящего Федерального закона»**. Вскоре данный законопроект был отозван.

Таким образом, профессиональная компетентность сотрудников правоохранительных органов, психологически готовых применить оружие в любой экстремальной ситуации, подкрепленная знанием закона, выступает важной гарантией защиты прав и законных интересов законопослушных граждан и самих сотрудников от преступных посягательств с применением оружия и способствует поддержанию высокого уровня общественного доверия к правоохранительным институтам.

2. Наличие развитого гражданского общества, основу которого составляют граждане, воспитанные в духе неукоснительного соблюдения законов, нравственных норм, уважения к правам и свободам

других граждан, высокой личной ответственности за свои поступки и принимаемые решения.

Система мер, направленных на повышение правовой культуры владения оружием, должна иметь концептуальную основу. Составляющими последней могут стать: проведение постоянного мониторинга с целью определения уровня опасности, которую испытывает население в результате чьих-либо противоправных действий с оружием; разработка мер по сокращению незаконного оборота оружия и числа правонарушений, связанных с его использованием; разработка программ, направленных на обучение владельцев оружия правомерному его использованию. При этом необходимо отметить, что даже в случае реализации указанного условия могут возникать сбои, приводящие к тяжело воспринимаемым в цивилизованном мире трагедиям.

Легализация ОНКО в целях самообороны сопряжена с высоким риском его неправомерного использования неподготовленными гражданами. Потребуется введение обязательного страхования гражданской ответственности владельцев ОНКО, создание специализированных организаций, осуществляющих их подготовку и периодическую проверку, по примеру подготовки сотрудников правоохранительных органов, и прежде всего полиции. Так, в соответствии с чч. 4 и 7 ст. 18 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия. Сотрудник, не прошедший такую проверку, проходит аттестацию на соответствие замещаемой должности. До вынесения решения о соответствии замещаемой должности он отстраняется от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением огнестрельного оружия.

Относительно граждан этот вопрос может быть урегулирован в ст. 24 Закона об оружии следующим образом: «Граждане обязаны проходить ежегодную проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением ОНКО в целях самообороны. Гражданин, не прошедший ежегодную проверку на пригодность к

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 29 июля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Паспорт проекта федерального закона N 828616-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действиям в условиях, связанных с применением ОНКО в целях самообороны, проходит повторную проверку не ранее 3 месяцев с момента проведения предыдущей проверки. До вынесения решения о пригодности к действиям в условиях, связанных с применением ОНКО в целях самообороны, оружие изымается и передается на хранение федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному в сфере оборота оружия, или его территориальному органу. У гражданина, не прошедшего повторную проверку, разрешение на хранение и ношение ОНКО в целях самообороны аннулируется».

В связи с этим заслуживает одобрения предложение Э.Л. Лещины и А.А. Шмидта о необходимости утверждения Правительством РФ типовых правил проведения практических стрельб из гражданского и служебного оружия либо правил безопасного обращения с оружием при проверке наличия навыков безопасного обращения с оружием [14, с. 87].

3. Повышение эффективности реализуемых правоохранительными органами профилактических мер, которые направлены на предупреждение утрат и хищений оружия, в том числе повышение качества организации индивидуальной профилактической работы в отношении владельцев оружия. Следует отметить, что Росгвардия и МВД России, выступающие основными субъектами контроля за оборотом оружия, обладают достаточным арсеналом способов и средств убеждения, позволяющих не прибегать к принудительному воздействию. Их умелое сочетание минимизирует опасность совершения правонарушений с применением оружия.

Кардинальным образом должны быть пересмотрены организация и правовое обеспечение деятельности правоохра-

нительных органов по контролю в сфере оборота оружия, а также на более высоком уровне организовано их взаимодействие.

4. Введение повышенных мер юридической ответственности к лицам, нарушающим требования, предъявляемые к обороту ОНКО. Например, в Канаде сообщение ложных данных для получения лицензии на оружие считается преступлением. К уголовной ответственности также привлекаются лица, не сдавшие незамедлительно в надзорный орган оружие после отзыва у них лицензии [15, с. 128-133]. В нашей стране подобного рода меры принуждения также могут быть введены, например, в КоАП РФ, с целью усиления предупредительной составляющей, учитывая существенную общественную опасность, исходящую от лиц, которые не заслуживают права владения ОНКО. К будущим владельцам ОНКО необходимо применять более строгие меры административной ответственности, в частности лишение специального права на ОНКО даже в случае однократного нарушения ими соответствующих правил его оборота. Кроме того, целесообразно ввести уголовную ответственность за небрежное хранение ОНКО, повлекшее его утрату или хищение и создавшее условия для его использования другим лицом в целях совершения преступления.

Полагаем, что только при достижении всех этих условий возможно инициировать серьезные обсуждения о разрешении оборота отдельных образцов летального оружия самообороны в нашей стране. Разумеется, в современных реалиях речи об этом быть не может. Сама идея легализации такого оружия без соответствующего фундамента в настоящее время выглядит авантюрной и обречена на заведомый неуспех.

Список литературы

1. Панов С.Л. Легализации короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. N 1. С. 32-35.
2. Семенов В.В. Современные тенденции законодательства, регламентирующего оборот гражданского оружия в России и США // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. Т. 1. N 20. С. 25-29.
3. Пахомова Е.А. Современные либералы о праве граждан на оружие // Юристы-Правоведь. 2013. N 2. С. 80-82.
4. Яшин К.Л., Алексеева А.В. Проблемы легализации оружия. Анализ законодательства США и России // Современная наука: теория и практика. 2014. N 3. С. 94-99.
5. Субанова Н.В., Шелковникова Е.Д. Теоретические и правовые основы становления и развития разрешительной системы оборота оружия в России до 1917 года // Право в вооруженных силах. 2016. N 4. С. 100-106.

6. Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли гражданским огнестрельным оружием в Российской Империи на рубеже XIX-XX веков // Академический юридический журнал. 2012. N 4. С. 57-58.
7. Шелковникова Е.Д. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия и вооруженной преступностью в Китайской Народной Республике // Научный портал МВД России. 2009. N 2.
8. Шурус А.А. Право на оружие в США: соотношение федерального законодательства и законов штатов // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. N 12.
9. Фалалеев М. Стой. Стрелять не буду // Рос. газ. 2015. 9 июня.
10. Корнев А.П., Соловей Ю.П. Дискреционные полномочия полиции США // Советское государство и право. 1982. N 4. С. 94-97.
11. Сергевнин В.А. Использование сотрудниками правоохранительных органов США силы: нормативная база и практика применения: // История государства и права. 2015. N 12. С. 52-58.
12. Сидоренко С.Л. Зарубежные модели легализации оружия и криминологическая безопасность личности // Общество и право. 2011. N 1.
13. Морозов Н.А. Законодательное регулирование оборота огнестрельного оружия в Японии, Китае и Филиппинах // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2011. N 2. С. 71-78.
14. Лещина Э.Л., Шмидт А.А. Административно-правовая политика обеспечения правил оборота гражданского оружия и патронов к нему // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 3.
15. Сулейманова С.Т. Уголовная политика Канады в сфере оборота оружия // Наука. Общество. Государство. 2013. N 2. С. 128-133.

Раздел 3. Административная деликтология

КОРКИН А.В., кандидат юридических наук, доцент, andreikorkin@mail.ru Кафедра административного права и административной деятельности органов внутренних дел; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66	KORKIN A.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, andreikorkin@mail.ru Chair of administrative law and administrative activities of the internal affairs bodies; Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Korepina St. 66, Ekaterinburg, 620057, Russian Federation
--	---

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЗНАК МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. Автором статьи выделено пять критериев (признаков) процессуальности мер административного принуждения на примере мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: наличие документа, которым оформляется факт применения меры, требования к содержанию и форме которого определены нормативно; должностная и территориальная подведомственность по применению процессуальных мер административного принуждения; последовательность действий, выполнение которых образует обязательные процедуры (элементы), составляющие производство по применению процессуальной меры административного принуждения; закрепленные сроки применения процессуальных мер административного принуждения; наличие у участников специфических прав и обязанностей, обусловленных содержанием применяемой меры, которые являются специальными по отношению к общим правам и обязанностям, возникающим в связи с ограничением полицией прав граждан. Предложены определения понятий «производство по делам об административных правонарушениях сотрудниками органов внутренних дел (полиции)» и «меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях».

Ключевые слова: процессуальные меры административного принуждения; полиция; производство по делам об административных правонарушениях; административное правонарушение.

PROCEDURALITY AS A CHARACTERISTIC OF MEASURES FOR ENSURING THE PROCEEDINGS IN CASES CONCERNING ADMINISTRATIVE OFFENCES

Annotation. The author of the article outlines the five criteria (characteristics) of the procedural nature of the measures of administrative coercion on the example of the measures for ensuring the proceedings in cases concerning administrative offences: the existence of the document that formalizes the application of the measure, the requirements for the content and form of which are defined normatively; official and territorial jurisdiction for the application of procedural measures of administrative coercion; the sequence of actions, the execution of which forms the compulsory procedures (elements) that constitute the proceedings in cases concerning the application of the procedural measure of administrative coercion; the fixed terms for the application of procedural measures of administrative coercion; the fact that the participants have specific rights and obligations determined by the content of the applied measure, which are special in relation to the general rights and obligations arising in connection with the restriction of the citizens' rights by the police. The definitions of the concepts "proceedings in cases concerning the administrative offences committed by law enforcement officers (police)" and "measures for ensuring the proceedings in cases concerning administrative offences" are proposed.

Keywords: procedural measures of administrative coercion; police; proceedings in cases concerning administrative offences; administrative offence.

Охрана общественного порядка является одним из предназначений российской полиции*. Как и любая другая полицейская деятельность, правоприменительная деятельность сотрудников полиции по охране общественного порядка предполагает не только использование методов убеждения, но и активное применение государственного принуждения (с учетом рассматриваемой сферы — прежде всего административного принуждения).

Административное принуждение давно и традиционно находится под пристальным вниманием ученых-административистов. Среди них практически нет авторов, которые не затрагивали бы в своих работах его отдельные аспекты. Наибольший вклад в исследование вопросов административного принуждения внесли Ю.Е. Аврутин, А.П. Алехин, Д.Н. Бахрах, В.В. Денисенко, А.С. Дугенец, М.И. Еропкин, А.И. Каплунов, А.П. Ключниченко, Ю.М. Козлов, П.И. Кононов, М.Я. Масленников, В.И. Майоров, М.И. Никулин, Б.В. Россинский, Н.Г. Салищева, В.Д. Сорокин, Ю.П. Соловей, Ю.Н. Стариков, А.П. Шергин, Н.Ю. Хаманева, А.Ю. Якимов, работы которых смело можно отнести к классике российской науки административного права. В последнее время фундаментальные научные исследования в этой сфере провели А.Н. Дерюга, Н.В. Макареико, В.А. Мельников, Д.В. Осинцев, А.Ю. Соколов, Н.Н. Цуканов. Поскольку многие работы были посвящены проблемам административного принуждения до вступления в силу Закона о полиции, актуальность дальнейшего исследования этой сферы продолжает оставаться высокой.

В ходе осуществления полицейской деятельности по охране общественного порядка основное количество юридических фактов, оказавшихся в сфере внимания сотрудников полиции, приходится на факты совершения административных правонарушений в общественных местах. Наиболее распространенными из них являются хулиганство и появление в общественных местах в состоянии опьянения (статьи 20.1 и 20.21 КоАП РФ).

За 2015 год только судьями были вынесены постановления по делам об ад-

министративных правонарушениях о назначении административного наказания по этим статьям КоАП РФ в отношении практически 683 тысяч граждан**, а за 2016 год — в отношении почти 707 тысяч граждан***. Следовательно, имеется тенденция роста случаев совершения указанных административных правонарушений. Учитывая, что по данным составам административных правонарушений квалифицирующим признаком объективной стороны является общественное место, а полиция является основным государственным правоохранительным органом, большинство сотрудников которого призваны нести службу в общественных местах, именно незамедлительность реагирования, а также решительность и законность действий сотрудников полиции по пресечению этих административных правонарушений являются одними из основных факторов, влияющих на формирование общественного мнения о деятельности полиции, а в конечном итоге — о деятельности всех государственных институтов.

При этом в большинстве случаев совершения мелкого хулиганства и практически в каждом случае появления в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, сотрудники полиции применяют не только меры административного пресечения в виде применения физической силы, специальных средств или иные меры административного принуждения, например, доставку граждан, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации, но и меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде доставления и административного задержания для про-

** См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях N 1-АП за 2015 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3577>

*** См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях N 1-АП за 2016 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>

* Часть 1 статьи 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции). См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

цессуального оформления факта совершения административного правонарушения и привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Особенностью мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как это следует из названия, является их применение в ходе правоприменительной деятельности по привлечению к административной ответственности. Понятие «производство по делам об административных правонарушениях» остается нормативно не определенным. В юридической литературе отмечается, что оно «является составной частью административно-юрисдикционного процесса и представляет собой регламентированную административно-процессуальными нормами деятельность органов государственной власти, направленную на разрешение дел об административных правонарушениях и применение административно-принудительных мер» [1, с. 112]. В то же время, исходя из содержания одноименного раздела КоАП РФ*, можно сделать вывод, что в анализируемое производство входят не только стадии производства, но и вопросы доказывания и применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Производство по делам об административных правонарушениях сотрудниками ОВД (полиции) можно определить как урегулированную КоАП РФ, а в случаях, прямо предусмотренных его четвертым разделом, еще и подзаконными нормативными правовыми актами, деятельность уполномоченных должностных лиц ОВД (полиции), состоящую в применении процессуальных мер административного принуждения, осуществляемую для всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела об административном правонарушении, разрешения его в соответствии с законом, обеспечения исполнения вынесенного постановления и выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Производство по делам об административных правонарушениях и другие виды административных производств образуют административный процесс, кото-

рый можно понимать в трех значениях: 1) как правоприменительную деятельность; 2) отрасль научного знания (в этом случае обычно говорится об административном процессуальном праве); 3) учебную дисциплину, изучаемую на юридических факультетах образовательных организаций.

Одним из видов мер административного принуждения, применяемых при привлечении виновных лиц к административной ответственности, являются меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, регламентированные гл. 27 КоАП РФ. Понятие исследуемых мер также не раскрыто в законодательстве, что обуславливает неоднозначное толкование таких мер в научной литературе. В современный период применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях посвящается не так много фундаментальных научных работ. Например, под мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в юридической литературе предлагается понимать «...урегулированные федеральным законодательством меры административного принуждения, применяемые органами исполнительной власти (их должностными лицами) и судом в целях обеспечения нормального течения производства по делам об административных правонарушениях в связи с обнаружением признаков правонарушения либо при достаточных основаниях для предположения о наличии таких признаков в строго определенном процессуальном порядке в рамках производства по делу об административном правонарушении к лицам, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, а также к иным участникам производства, направленные на ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, имущественных прав либо субъективных прав управления транспортным средством соответствующего вида» [2].

Согласно другой точке зрения искомые меры – это «...совокупность процессуальных действий, которые осуществляются уполномоченными лицами в процессе возбуждения и разрешения дел об административных правонарушениях, обнаружения и приобщения (процессуаль-

* Раздел IV КоАП РФ «Производство по делам об административных правонарушениях».

ного оформления) орудий и предметов правонарушений, выявления и установления личности правонарушителя, а также обнаружения, закрепления и приобщения доказательств по делу об административном правонарушении» [3]. Не вдаваясь в дискуссию о существенных характеристиках и других признаках мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, необходимо заметить, что в любом случае общепризнанный атрибутивный признак мер обеспечения производства, называемый практически каждым автором при раскрытии содержания понятия таких мер, — то, что исследуемые меры являются административными процессуальными, но при этом не тождественны и не исчерпывают всю классификационную группу процессуальных мер административного принуждения, а лишь образуют одну из разновидностей последних. В то же время понятие «процессуальность» в научной литературе, как правило, не раскрывается. Учитывая наличие практически устоявшегося в юридической науке подхода к пониманию административного процесса, его признакам и особенностям, следует отметить, что атрибутивный признак процессуальности мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и других процессуальных мер административного принуждения выражается в обязательном наличии приведенных ниже критериев (признаков) процессуальности.

Во-первых, предусмотрен документ, которым оформляется факт применения меры, требования к содержанию и форме которого определены нормативно. Например, обязательное составление рапорта сотрудником полиции о каждом факте вхождения (проникновения) в жилое помещение или о каждом случае применения физической силы, в результате которого причинен вред здоровью гражданина или материальный ущерб (п. 4 ч. 5 ст. 15, ч. 8 ст. 19 Закона о полиции), не свидетельствует о процессуальности этих мер, поскольку содержание такого рапорта нормативно не определено, а вот протокол о доставлении или протокол об административном задержании (ч. 3 ст. 27.2, ст. 27.4 КоАП РФ), наоборот, подчеркивает процессуальность соответствующих мер, даже несмотря на формальное отсутствие

требований к содержанию протокола о доставлении, поскольку в этих и других случаях составления протокола действуют общие требования к нему, которые можно раскрыть на примере содержания протокола об административном задержании.

Во-вторых, полномочиями по применению процессуальных мер административного принуждения наделены не все сотрудники (служащие) и даже не все должностные лица органа административной юрисдикции, а лишь строго определенные из них и только при выполнении служебных обязанностей на подведомственной территории обслуживания, т.е. существует должностная и территориальная подведомственность по применению процессуальных мер административного принуждения. Например, если применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие (при наличии для этого оснований и с соблюдением установленного порядка) в некоторых ситуациях уполномочен каждый сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток (ч. 2 ст. 27 и п. 5 ч. 3 ст. 28 Закона о полиции), то применять большинство мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях уполномочены только прямо поименованные в нормативных правовых актах должностные лица органов внутренних дел (полиции)* в пределах территории обслуживания, а две меры

* Так, административное задержание, осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства, задержание судна, арест товаров, транспортных средств и иных вещей, временный запрет деятельности уполномочены применять должностные лица полиции, поименованные в приложении к приказу МВД России от 30 августа 2017 г. N 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание». См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

обеспечения производства (помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, и залог за арестованное судно) — только суд.

В-третьих, наличие определенной последовательности действий, выполнение которых образует обязательные процедуры (элементы), составляющие производство по применению процессуальной меры административного принуждения. В качестве таких процедур следует признать: установление фактических и юридических оснований применения процессуальной меры административного принуждения; разъяснение прав и обязанностей лицам, участвующим в производстве по применению процессуальной меры административного принуждения; осуществление действий по непосредственному применению меры; составление документа о применении меры; вручение копии документа о применении меры лицу, в отношении которого она применялась. При этом из последовательных действий складываются отдельные процедуры внутри производства по применению конкретной процессуальной меры административного принуждения, а из таких отдельно взятых производств состоит административный процесс (действие — процедура — производство — административный процесс).

В-четвертых, наличие закрепленных сроков применения процессуальных мер административного принуждения. Эти сроки могут быть охарактеризованы как абсолютно либо относительно определенные или обусловленные какими-либо юридическими фактами. Абсолютно определенным сроком является период времени, обозначенный в часах, сутках, днях, месяцах. В качестве примера можно привести административное задержание или задержание судна, доставленное в порт Российской Федерации (ст. 27.5, ч. 4 ст. 27.13 КоАП РФ). Относительно определенным сроком является период времени, обозначенный оценочными показателями, типа «возможно короткий», как это сделано для доставления, или «незамедлительно», как это сделано для задержания транспортного средства (ч. 2 ст. 27.2, чч. 8 и 10 ст. 27.13 КоАП РФ). Срок, обусловленный какими-либо юридическими фактами

связан, например, с доставлением или вытрезвлением задержанного, либо с принудительным выдворением за пределы Российской Федерации иностранного гражданина (ч. 4 ст. 27.5, ч. 1 ст. 27.19 КоАП РФ), а равно иными юридическими фактами, с которыми нормы статей гл. 27 КоАП РФ связывают динамику административно-процессуальных правоотношений.

В-пятых, наличие у субъектов, участвующих в процедурах применения процессуальных мер административного принуждения, специфических прав и обязанностей, обусловленных содержанием применяемой меры, которые являются специальными по отношению к общим правам и обязанностям, возникающим у субъектов в связи с применением полицией мер административного принуждения. Например, общими правами гражданина, в отношении которого применяется мера административного принуждения сотрудником полиции, следует считать права гражданина, возникающие из корреспондирующих им обязанностей сотрудника полиции, сформулированных Законом о полиции: «...назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения» и далее «...разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина» (ч. 4 ст. 5 Закона о полиции). А равно право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (п. 1 ст. 51 Конституции РФ) и право обжаловать действия сотрудника полиции его вышестоящему начальнику*, прокурору** или оспаривать в судебном порядке (гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Специфическими правами являются, например, право лица, в отношении которого применяются процессуальные меры административного принуждения,

* См.: О порядке рассмотрения обращений граждан: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060.

** См.: О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 47. Ст. 4472.

получить копию протокола о применении такой меры, а также представить объяснения и замечания по содержанию протокола, которые прилагаются к протоколу.

Общими обязанностями гражданина при применении к нему меры административного принуждения сотрудником полиции являются обязанность выполнять законные требования сотрудника полиции, не препятствовать выполнению его законной деятельности (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ), а также обязанность не совершать действий, которые могут быть квалифицированы как оскорбление представителя власти, применение в отношении его насилия, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов при исполнении им своих должностных обязанностей (ст.ст. 317-319 УК РФ).

Специфическими обязанностями гражданина в связи с применением к нему процессуальной меры административного принуждения являются, например, обязанность покинуть водительское место при отстранении от управления транспортным средством, обязанность представителя юридического лица, индивидуального предпринимателя или его представителя присутствовать при осмотре принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (ч. 1 ст. 27.13 и ч. 2 ст. 27.8 КоАП РФ).

Следует согласиться с тем, что «...административно-деликтное законодательство детально регламентирует меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отдельной кодифицированной главе» [2]. При этом необходимо понимать, что, помимо гл. 27 КоАП РФ, еще более детальная регламентация производства по применению большинства мер обеспечения осуществляется в подзаконных актах, а нормы КоАП РФ зачастую устанавливают лишь общие требования к основаниям и порядку применения таких мер, что, конечно же, не является допустимым с точки зрения обеспечения соблюдения прав и свобод граждан при применении мер обеспечения.

В связи с этим крайне необходимо, чтобы все существенные условия применения мер обеспечения регламентировались нормативным правовым актом, имеющим юридическую силу не ниже, чем феде-

ральный закон, как, собственно, этого и требует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В то же время это может повлечь неоправданное с точки зрения экономии правовой материи и относительной простоты привлечения к административной ответственности увеличение объема норм, содержащихся в КоАП РФ. В условиях этого парадокса и осуществляется правоприменительная деятельность сотрудников полиции по реализации мер обеспечения при охране общественного порядка. Следует признать вполне допустимым положение, когда нормы КоАП РФ устанавливают лишь основания, условия, порядок и пределы ограничения прав граждан применительно к мерам обеспечения, а различные моменты, напрямую не ограничивающие правовой статус и не устанавливающие обязанности граждан, предусматриваются подзаконными нормативными правовыми актами. Возникает закономерный вопрос о разумном балансе обеспечения требования соблюдения прав и свобод граждан и обеспечения реализации полномочий (компетенции) полиции. Рассмотрение этого вопроса является задачей науки административного права.

Остается вопрос и о целях применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В части 1 ст. 27.1 КоАП РФ названы общие для всех анализируемых мер цели: пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления. В главе 27 КоАП РФ применительно к конкретным мерам обеспечения относятся некоторые из приведенных целей, при этом для отдельных мер обеспечения в соответствующих, посвященных им статьях КоАП РФ, цели не названы. Это создает неизбежные сложности в полицейской правоприменительной практике и может привести к нарушению прав и свобод граждан.

Дискуссионным остается и вопрос о целях применения мер обеспечения. Нередко по данной проблематике авторы

воспроизводят текст КоАП РФ в части указания единых целей для всех мер обеспечения производства [4, с. 200]. Имеются и мнения о том, что меры обеспечения производства обеспечивают сами себя [5, с. 55]. Обращение к аналогии уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях, а также нормативного закрепления деятельности по реализации уголовной и административной ответственности в УПК РФ и КоАП РФ соответственно позволяет сделать вывод о том, что в уголовном судопроизводстве собирание доказательств по уголовному делу осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), а меры процессуального принуждения служат целям обеспечения участниками установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора (раздел IV УПК РФ). В производстве по делам об административных правонарушениях эти цели достигаются путем применения мер обеспечения производства. Кроме того, отчасти собирание доказательств по делу об административном правонарушении осуществляется и путем применения иных обеспечительных процессуальных мер административного принуждения, закрепленных в иных главах КоАП РФ (не в гл. 27 КоАП РФ).

К иным обеспечительным процессуальным мерам административного принуждения, предусмотренным в КоАП РФ, следует отнести: административное расследование, осмотр места совершения административного правонарушения, отобрание объяснений, дачу показаний, назначение экспертизы, поручения и запросы по делу об административном правонару-

шении, истребование сведений и внесение представлений об устранении причин и условий.

В связи с этим представляется, что меры обеспечения производства в настоящее время служат для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств по делу об административном правонарушении, а также для соблюдения субъектами, участвующими в производстве по делам об административных правонарушениях, установленного порядка реализации административной ответственности. В то же время представляется необходимым цели применения конкретной меры обеспечения производства указать в соответствующей статье КоАП РФ, а от указания в КоАП РФ на общие цели для всех мер обеспечения отказаться вообще.

Таким образом, с учетом изложенного меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях могут быть определены как особая группа процессуальных мер административного принуждения, состоящая в урегулированных гл. 27 КоАП РФ, а в случаях, прямо предусмотренных статьями этой главы, раскрытых, кроме того, в подзаконных нормативных правовых актах, принудительных процессуальных действиях должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, применяемых для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств по делу об административном правонарушении, а также для соблюдения субъектами, участвующими в производстве по делам об административных правонарушениях, установленного порядка реализации административной ответственности.

Список литературы

1. Гречкина О.В., Майоров В.И. Административный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. 186 с.
2. Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. М.: Норма, 2015. 320 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Жеребцов А.Н., Махина С.Н., Помогалова Ю.В. Комментарий к главе 27 «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Лещина Э.Л., Магденко А.Д., Агаджанов А.А. Административная ответственность и административный процесс: учеб. пособие. Челябинск: Цицеро, 2016. 247 с.
5. Осинцев Д.В. Производство по делам об административных правонарушениях (вопросы теории и практики): учеб. пособие для бакалавров, специалистов и магистров. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2017. 192 с.

- ЖИЛЬЦОВ А.В.,
кандидат юридических наук,
liktor1977@mail.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
660131, г. Красноярск,
ул. Рокоссовского, 20
- ZHILTSOV A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
liktor1977@mail.ru
Chair of administrative law
and administrative activities
of the internal affairs bodies;
Siberian Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Rokossovskogo St. 20, Krasnoyarsk, 660131,
Russian Federation
- ДИМИТРОВА Е.А.,
кандидат юридических наук,
dimitr-elena@yandex.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
660131, г. Красноярск,
ул. Рокоссовского, 20
- DIMITROVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences,
dimitr-elena@yandex.ru
Chair of administrative law
and administrative activities
of the internal affairs bodies;
Siberian Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Rokossovskogo St. 20, Krasnoyarsk, 660131,
Russian Federation
- КУДАШОВА И.В.,
кандидат философских наук,
08irina1971@mail.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
660131, г. Красноярск,
ул. Рокоссовского, 20
- KUDASHOVA I.V.,
Candidate of Philosophical Sciences,
08irina1971@mail.ru
Chair of administrative law
and administrative activities
of the internal affairs bodies;
Siberian Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Rokossovskogo St. 20, Krasnoyarsk, 660131,
Russian Federation

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБЛЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация. В статье на основе анализа отдельных проблем в сфере административно-правового воздействия на несовершеннолетних потребителей наркотических средств и психотропных веществ предлагается авторский подход к решению вопроса о совершенствовании данной деятельности. Обоснована необходимость модернизации законодательства, регламентирующего применение органами государственной власти административно-принудительных средств воздействия на несовершеннолетних потребителей наркотиков. В частности, для повышения эффективности воздействия на несовершеннолетних за совершение правонарушений, квалифицируемых по статьям 6.8 и 20.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предлагается предусмотреть возможность применения к ним наказания в виде обязательных работ. Аргументируется целесообразность законодательного закрепления новой административно-предупредительной меры принуждения — профилактического надзора, предусмотрев возможность установления запретов (ограничений).

Ключевые слова: административное принуждение; административная ответственность; несовершеннолетний; потребление наркотических средств; потребление психотропных веществ.

TO THE ISSUE OF UPDATING THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL TOOLS FOR COUNTERACTION TO USING NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY MINORS

Annotation. Basing on the analysis of some problems in the sphere of administrative and legal impact on the juvenile consumers of narcotic drugs and psychotropic substances, the author's approach to the issue of improving this activity is proposed in the article. The necessity to modernize the legislation regulating the application of administrative and coercive means of influence on juvenile drug users by public authorities is substantiated. In particular, to improve the effectiveness of the impact on minors for committing offences that are classified under articles 6.8 and 20.20 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, it is proposed to provide the possibility of applying punishment in the form of compulsory works to them. The expediency to introduce and fix the new administrative preventive measure of coercion in the legislation – a preventive supervision with the possibility of establishing prohibitions (restrictions) is argued.

Keywords: administrative coercion; administrative responsibility; minor; consumption of narcotic drugs; consumption of psychotropic substances.

Несмотря на меры, предпринимаемые государством, одной из социальных проблем остается проблема наркотизации населения. В особой зоне риска находятся дети и подростки, чрезвычайно восприимчивые к деструктивному внешнему воздействию, исходящему от их окружения и среды [1, с. 7-8, 11-14].

Согласно статистическим данным МВД России, ситуация с выявлением и привлечением к административной ответственности несовершеннолетних лиц за потребление наркотиков в последние годы несколько стабилизировалась. Так, количество несовершеннолетних лиц, в отношении которых были составлены протоколы об административных правонарушениях, составило:

– по ст. 6.9 КоАП РФ в 2015 году – 2149 (4,7 % от общего числа лиц); в 2016 году – 1968 (3,3 % от общего числа лиц);
– по ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ в 2015 году – 1557 (11,2 % от общего числа лиц), в 2016 году – 1275 (9,1 % от общего числа лиц)*.

Анализ приведенных данных свидетельствует о снижении не только абсолютных показателей, но и удельного веса несовершеннолетних в общем числе

привлеченных к административной ответственности потребителей наркотиков.

Указанные статистические данные не в полной мере отражают имеющуюся картину, поскольку административные правонарушения, связанные с потреблением наркотиков, обладают высокой латентностью. Это подтверждается результатами социологического изучения наркоситуации в Красноярском крае в 2016 году, согласно которым более 96 % опрошенных лиц в возрасте 14-17 лет имеют опыт потребления наркотиков (в том числе разового), при этом возраст первой пробы у 26,5 % – до 15 лет [2, с. 241, 246].

Система противодействия правонарушениям и антиобщественному поведению несовершеннолетних действует довольно давно, однако законодательство, регламентирующее эти вопросы, ориентировано преимущественно на реализацию профилактических мер воздействия. Так, в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») эта деятельность сводится к реализации системы мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних (подп. 2, 8, 9 п. 1 ст. 21), к проведению индивидуальной профилактической работы с самими несовершеннолетними и их семьями (подп. 1 п. 1 ст. 21), а воздействие на несовершеннолетних потребителей оказывается путем

* Сводные отчеты по России. Сведения об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ за январь – декабрь 2015 г., январь – декабрь 2016 г. (данные предоставлены ГУ МВД России по Красноярскому краю).

применения к ним и к их родителям (иным законным представителям) мер административной ответственности*. В настоящее время эта работа проводится с достаточной степенью интенсивности.

Использование указанных форм воздействия не способно коренным образом изменить положение дел в сфере потребления несовершеннолетними наркотических средств и психотропных веществ. Правовое средство обладает значительным превентивным потенциалом, однако в силу несовершенства законодательства и сформировавшейся практики правоприменения, а также проблем организационного характера внутри юрисдикционных и иных органов оно зачастую не достигает своей цели.

Очевидно, что в основе характеризуемого вида девиантного поведения несовершеннолетних лежит целый комплекс причин, исследованию которых посвящено множество работ по социологии, психологии, педагогике, криминологии, административной деликтологии и другим наукам [3; 4; 5].

Исходя из сказанного и отдавая отчет в том, что перечень проблем чрезвычайно обширен, нашим вниманием будут охвачены лишь те из них, которые могут быть разрешены посредством применения мер административно-принудительного характера, направленных на противодействие потреблению несовершеннолетними лицами наркотических средств и психотропных веществ. К мерам административно-принудительного характера, на наш взгляд, относятся следующие.

1. Проблема эффективности юридически значимых последствий применения административной ответственности за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ.

В зависимости от возраста несовершеннолетнего и места потребления наркотических средств или психотропных веществ к нему либо к его родителям (иным законным представителям) может применяться административная ответственность, предусмотренная КоАП РФ.

Например, в случае потребления наркотического средства или психотропного вещества в общественном месте несовер-

шеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет подлежит административной ответственности по ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ; если указанное деяние совершено в квартире, в подвале, на чердаке или в ином месте, которое не может быть отнесено к категории публичных мест (общественных мест), требуется квалификация по ст. 6.9 КоАП РФ. Факт потребления наркотического средства несовершеннолетним в возрасте до 16 лет независимо от места совершения деяния, а равно нахождение такого лица в состоянии опьянения подлежит квалификации по ст. 20.22 КоАП РФ. В случае нахождения несовершеннолетнего (в возрасте от 16 до 18 лет) в общественном месте в состоянии наркотического опьянения, при условии, что его внешний вид и поведение оскорбляют человеческое достоинство и общественную нравственность, должен решаться вопрос о возбуждении дела по ст. 20.21 КоАП РФ. Однако необходимо учитывать, что независимо от нормы КоАП РФ, применяемой к несовершеннолетнему, целью привлечения к административной ответственности является предупреждение потребления этим лицом наркотических средств или психотропных веществ в будущем.

Важно отметить, что одни правовые последствия привлечения к административной ответственности, на наш взгляд, не обеспечивают достижение обозначенной выше цели, а другие содержат чрезмерный правоограничительный потенциал. Думается, что обнаружение необходимого баланса возможно при учете ряда обстоятельств.

Во-первых, совершение административных правонарушений, связанных с потреблением наркотиков, обусловлено не только внешними причинами и общей девиантной направленностью поведения, но и зависимостью, устранение которой невозможно без применения комплекса мер, направленных на лечение и реабилитацию [6, с. 8].

Во-вторых, если несовершеннолетний делинквент продолжает общение в кругу лиц с устойчивым девиантным поведением, факт привлечения к административной ответственности может не только не обеспечить предупреждение потребления наркотиков в будущем, но и стать условием, способствующим умышленному

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177.

продолжению данной формы антиобщественного поведения.

В-третьих, в соответствии с ч. 2 ст. 32.2 КоАП РФ при отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетних административный штраф, являющийся согласно санкциям ст. 6.9 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ единственным административным наказанием, которое может быть назначено несовершеннолетнему, взыскивается с его родителей. При этом достижение цели административного наказания не всегда возможно.

Полагаем, что по замыслу законодателя такие меры должны были стимулировать родителей к повышению активности в вопросе воспитания детей. Однако, на наш взгляд, возложение на родителей, и без того предпринимающих значительные усилия к спасению своего ребенка, обязанности претерпевать негативные последствия административной ответственности не может быть признано бесспорным. Следует согласиться с Н.Н. Цукановым и Л.А. Мицкевич, которые указывают: «Насколько бы жесткой ни была ответственность, налагаемая на родителя, она не сможет гарантированно обеспечить отказ несовершеннолетнего от употребления наркотиков, особенно в случаях, если зависимость от наркотического средства уже сформировалась» [7, с. 33].

Аналогичная ситуация складывается при применении административной ответственности, предусмотренной ст. 20.22 КоАП РФ, в соответствии с которой обязанность претерпевать лишения, связанные с исполнением административного наказания, возлагается на родителей или законных представителей несовершеннолетнего потребителя наркотиков, при этом ситуация усугубляется тем, что юридическая оценка вины родителей не дается, то есть ответственность применяется на основе объективного вменения [7, с. 34].

В-четвертых, привлечение к административной ответственности связано с рядом правовых последствий, которые не всегда являются очевидными для несовершеннолетнего делинквента, но зачастую более серьезными, нежели любое из предусмотренных законодательством административных наказаний. Привлечение к административной ответственности за потребление наркотических средств мо-

жет привести к ограничению возможности поступления на государственную службу, к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, например, в медицине или фармакологии и т.д.

В-пятых, существенной проблемой является коллизия в порядке освидетельствования несовершеннолетнего на состояние наркотического опьянения. Согласно п. 2 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» при медицинском освидетельствовании несовершеннолетнего в целях установления состояния наркотического либо иного токсического опьянения (за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев приобретения несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста) информированное согласие на освидетельствование дает один из его родителей*.

В соответствии с п. 3 указанной нормы родителю и иному законному представителю предоставляется право на отказ от освидетельствования или его прекращение. При этом речь идет именно о праве соответствующих лиц, за отказ от реализации которого не может наступать административная ответственность. Вероятно, законодатель счел данное право более ценным по отношению к необходимости административно-юрисдикционной оценки всех случаев выявления признаков описываемой формы противоправного поведения [7, с. 33].

Очевидно, что при отказе родителей или иных законных представителей от освидетельствования не может быть возбуждено дело об административном правонарушении по факту потребления наркотиков, что исключает возможность применения не только административного наказания, но и своевременной реакции со стороны медицинских и реабилитационных организаций на факт зависимости от наркотиков.

Кроме того, не может быть положительно решен вопрос о привлечении к ответственности несовершеннолетнего и его родителя (законного представителя) за отказ от выполнения законного требования

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724.

уполномоченного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

2. Проблема целенаправленности, достаточности и системности мер административно-правового характера, направленных на противодействие вовлечению в потребление наркотиков лиц, не достигших 18 лет.

По данным Управления по наркотикам и преступности ООН и Международного комитета по контролю над наркотиками, в мире ежегодно в потребление наркотических средств и психотропных веществ один наркоман вовлекает до 10 человек, примерно половина из них к моменту возникновения зависимости не достигает возраста 14 лет [8]. На наш взгляд, этому способствует отсутствие административно-правовых мер, способных эффективно ограничить возможность негативного влияния на несовершеннолетних, находящихся в группе риска, со стороны их окружения, в первую очередь их сверстников, входящих в группы антиобщественной направленности.

Основными субъектами нейтрализации обозначенной проблемы являются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, осуществляющие эту работу в соответствии с Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. N 845* (далее – Инструкция). Анализ практики деятельности подразделений по делам несовершеннолетних позволяет сделать вывод о том, что ими проводится большая работа по постановке несовершеннолетних потребителей наркотиков на профилактический учет с заведением учетно-профилактической карточки (п. 49 Инструкции), а в случае выявления группы антиобщественной направленности – с заведением наблюдательного дела – по сбору информации о несовершеннолетних потребителях наркотиков и осуществлению индивидуальной профилактической работы с ними. При этом возможности непосредственного воздействия существенно ограничены действующим законодатель-

ством и сводятся в основном к применению должностными лицами метода убеждения.

3. Проблема достаточности, системности и целенаправленности воздействия на факторы среды, являющиеся причинами и создающие условия для рецидива потребления наркотических средств и психотропных веществ.

В настоящее время органы, образующие систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, осуществляют сбор информации о семейно-бытовых условиях жизни несовершеннолетнего, о лицах, с которыми он общается, и о характере их влияния, о местах концентрации участников групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, об обстоятельствах, связанных с приобретением и употреблением несовершеннолетними наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, и т.д. Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что соответствующие органы не обладают административно-принудительным инструментарием, позволяющим эффективно нейтрализовать выявленные негативные факторы, создающие условия для потребления наркотиков несовершеннолетними.

Основными субъектами, призванными осуществлять эту деятельность, являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и органы внутренних дел.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в пределах своей компетенции обеспечивают осуществление мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, при этом выносятся постановления, обязательные для исполнения органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, являясь органом административной юрисдикции, уполномоченным в соответствии со ст. 23.2 КоАП РФ рассматривать дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, об-

* Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. N 11.

ладают правом вынесения представления о принятии мер по устранению причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению (ст. 29.13 КоАП РФ), а на организации и должностных лиц — адресатов таких представлений возлагается обязанность принятия соответствующих мер.

Здесь необходимо отметить, что указанные правовые инструменты обеспечивают лишь общепреventивное воздействие, но не позволяют возложить на несовершеннолетнего или его родителей дополнительные обязанности или ограничить их в правах. Например, сегодня органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не обладают правом ограничения круга общения несовершеннолетнего, его доступа к сети Интернет, посещения определенных мест в определенное время и т.д.

Исходя из сказанного, считаем, что необходимым условием преодоления обозначенных выше проблем является расширение арсенала административно-принудительных средств воздействия на несовершеннолетних потребителей наркотиков.

Во-первых, представляется целесообразным закрепление в ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» новой административно-предупредительной меры принуждения — профилактического надзора за несовершеннолетними потребителями наркотических средств и психотропных веществ, с возможностью установления запретов (ограничений), позволяющих исключить деструктивное влияние на этих лиц со стороны их окружения (связей) и факторов внешней среды, например, запрет на контакты с лицами, занимающимися противоправной деятельностью, лицами, потребляющими наркотики, и лицами, с которыми они ранее совершали противоправные действия, запрет на посещение определенных мест, запрет на получение информации определенного вида и (или) из определенных источников.

Анализ публикаций отечественных ученых [6; 9] позволяет сделать вывод о целесообразности использования обязанностей, стимулирующих дальнейшее социально одобряемое поведение, например, обязанностей: пройти диагностику, а при

необходимости курс лечения и реабилитации, периодически сообщать в уполномоченный орган государственной власти об источнике получения средств к существованию, периодически представлять сведения о себе и своем образе жизни, периодически проходить тестирование для установления фактов потребления наркотических средств и (или) психотропных веществ и т.д.

Правом принятия решения об установлении рассматриваемого вида надзора предлагается наделить суды, а процедуру его принятия закрепить в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации. Функции контроля за соблюдением установленных обязанностей и соблюдением запретов возложить на территориальные органы МВД России.

Важно отметить, что предлагаемый инструмент административно-принудительного воздействия на несовершеннолетних потребителей наркотиков предполагает вторжение в область их прав и свобод, которые являются объектом особой правовой защиты. Данное обстоятельство делает необходимой дальнейшую научную проработку вопросов о допустимости и достаточности конкретных административных ограничений и дополнительных обязанностей, об определении границ применения рассматриваемого правового инструмента, оснований и порядка его применения, вопроса организации деятельности предполагаемого субъекта правоприменения и т.д.

Во-вторых, представляется необходимым установить возможность освобождения несовершеннолетнего или его родителей (законных представителей) от административной ответственности в случае установления за несовершеннолетним потребителем наркотических средств или психотропных веществ профилактического надзора, закрепить данное основание в КоАП РФ.

В-третьих, исключить из КоАП РФ ст. 20.22, предусмотрев потребление несовершеннолетними в возрасте до 16 лет наркотических средств, психотропных веществ и т.д. как последствие ненадлежащего исполнения обязанностей их родителями, иными законными представителями в ст. 5.35 КоАП РФ в качестве квалифицированного состава.

В-четвертых, для повышения эффективности воздействия на несовершеннолетнего потребителя наркотиков административной ответственности предусмотреть возможность применения за правонарушения, предусмотренные ст.ст. 6.9 и 20.20 КоАП РФ, наказания в виде обязательных работ.

В-пятых, следует расширить практику возложения на несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ.

В-шестых, при выявлении фактов, свидетельствующих о потреблении несовершеннолетним наркотиков, и в случае отказа его законных представителей дать согласие на прохождение несовершеннолетним процедуры медицинского освидетельствования, сотрудникам органов внутренних дел необходимо:

1) составить постановление о направлении несовершеннолетнего на медицинское освидетельствование, перечислив внешние признаки, дающие основание полагать, что лицо находится в состоянии наркотического опьянения;

2) получить объяснение несовершеннолетнего и свидетелей, стремясь обеспечить достоверное установление факта потребления несовершеннолетним наркотических средств, психотропных и (или) иных одурманивающих веществ, места и времени их потребления;

3) получить объяснение законных представителей несовершеннолетнего о причинах отказа от освидетельствования;

4) вынести определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. В описательной части определения необходимо перечислить признаки, дающие основание полагать, что несовершеннолетний находится в состоянии наркотического опьянения, установочные данные свидетелей, подтверждающих факт потребления наркотика, а также зафиксировать факт отказа законных представителей от прохождения медицинского освидетельствования. В резолютивной части определения зафиксировать необходимость принятия законным представителем несовершеннолетнего мер по предупреждению потребления наркотиков лицом, в интересах которого они действуют, и предупредить о возможности привлечения их к ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних) в случае повторного выявления фактов потребления несовершеннолетним запрещенных психоактивных веществ;

5) разъяснить законным представителям несовершеннолетнего:

— медицинские и социальные последствия отказа от прохождения медицинского освидетельствования в случае, если несовершеннолетний нуждается в соотвествующей помощи;

— возможность освобождения от административной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 6.9 КоАП РФ до направления дела об административном правонарушении на рассмотрение в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, если после установления факта потребления несовершеннолетним с их согласия добровольно обратится в медицинскую организацию для лечения.

Список литературы

1. Мониторинг наркоситуации и профилактика наркопотребления в молодежной среде в Красноярском крае: отчет о НИР (заключительный) / Сибирский юридический институт ФСКН России; рук. Невирко Д.Д.; исполн.: Шинкевич В.Е. [и др.]. Красноярск, 2012. 465 с. N ГР 01301251736. Инв. N 02201262934.

2. Мониторинг состояния наркоситуации в Красноярском крае (по результатам социологических исследований): отчет о НИР (заключительный) / Сибирский юридический институт ФСКН России; рук. Невирко Д.Д.; исполн. Бен Е.Н. [и др.]. Красноярск, 2016. 285 с. N ГР АААА-А16-116021950186-2.

3. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости: монография. М., 2001. 192 с.

4. Готчина Л.В., Коробицина Т.В., Жижко Е.В. Методики профилактики наркомании. Белгород: Белгородский юрид. ин-т МВД России, 2006. 71 с.
5. Космодемьянская Е.Е. Тактико-психологические аспекты допроса несовершеннолетних наркозависимых лиц // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. N 1. С. 50-59.
6. Димитрова Е.А., Рублева Т.Ю. Основы комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, потребляющих наркотики в немедицинских целях: курс лекций. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. 100 с.
7. Цуканов Н.Н., Мицкевич Л.А. Реализация органами наркоконтроля положений статьи 20.22 КоАП РФ: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2015. N 1. С. 31-35.
8. Доклад рабочей группы Госсовета РФ «О мерах по усилению противодействия употреблению наркотиков среди молодежи». URL: <http://www.fskn.gov.ru/includes/penodics/review/2011/0418> (дата обращения: 18 апр. 2017 г.).
9. Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2009. 223 с.

ПЕРЕДЕРНИН А.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
peredernin@gmail.com
Кафедра административного
и финансового права;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

PEREDERNIN A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
peredernin@gmail.com
Chair of administrative and financial law;
Tyumen State University,
Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОЙ ДЕЛИКТОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рост теневой экономики в Российской Федерации свидетельствует, в частности, о недостаточной эффективности усилий государства по укреплению налогового правопорядка, что, в свою очередь, вызывает необходимость более глубокого научно-прикладного исследования всей совокупности проблематики ответственности за нарушения налогового законодательства. В рамках административной и налоговой деликтологии автор статьи сосредоточил внимание на критическом анализе понятий «налог» и «ответственность». Понятие «налог» является одним из ключевых в налоговом праве и деликтологии, и в этом значении оно во многом определяет содержание их понятийного аппарата в целом. Нуждаются в уточнении понятие и содержание ответственности за нарушение налогового законодательства. Имеющиеся существенные расхождения в этом вопросе негативно влияют на деятельность налогоплательщиков и уполномоченных органов государства.

Ключевые слова: налоговая деликтология; административная деликтология; налог; изъятие и уплата налога; ответственность; налоговый деликт; налоговое администрирование.

SOME THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF THE TAX DELICTOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The growth of the shadow economy in the Russian Federation testifies to the insufficient effectiveness of the efforts of the state to strengthen the tax law and order, which, in its turn, causes the need for a deeper scientific and applied research of the entire set of problems concerning the liability for violations of tax legislation. The author of the article focuses his attention on the critical analysis of the concepts of "tax" and "liability" within the framework of administrative and tax delictology. "Tax" is one of the key concepts of the tax law and tax delictology, and in this sense it largely determines the content of their conceptual apparatus as a whole. The concept and content of the liability for violation of tax legislation need to be clarified. The existing significant differences in this issue negatively affect the activities of both the taxpayers and the competent authorities of the state.

Keywords: tax delictology; administrative delictology; tax; withdrawal and payment of tax; liability; tax tort; tax management.

В системе налогообложения взаимодействуют два противоречивых интереса. С одной стороны, это необходимость удовлетворения бюджетных потребностей государства и муниципальных образований, с другой – обязанность практически всего населения страны уплачивать законно установленные налоги и сборы, что по разным причинам негативно воспринимается многими налогоплательщиками, которые стремятся минимизировать налоги и нередко совершают налоговые и административные правонарушения в сфере налогообложения, приводящие к росту теневой экономики и другим негативным последствиям.

По экспертным оценкам специалистов Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров, теневой оборот (за пределами системы государственного регулирования, контроля и налогообложения) в экономике Российской Федерации составляет 33,6 трлн. руб., или 39 % от ВВП страны [1]. Налоговые потери государства составляют 5-6 трлн. руб., что обеспечило бы бездефицитное финансирование текущих и инвестиционных бюджетных расходов.

Пресечению развития подобных негативных тенденций и обеспечению законности в налоговых правоотношениях,

наряду с другими мерами, способствует деятельность уполномоченных органов государственной власти и муниципального самоуправления, опирающаяся на научные рекомендации в системе административной и налоговой деликтологии.

По своей правовой природе налоговая деликтология ближе всего к административной деликтологии (составы административных деликтов в сфере налогообложения содержатся в главах 16, 18 НК РФ и в главах 14, 15, 17, 19 КоАП РФ).

Прежде всего, нуждается в уточнении понятийный аппарат налоговой деликтологии, начиная с понятия налога, некоторых его признаков, неотвратимости ответственности правонарушителей и других ключевых понятий и принципов налогового права и налогообложения, имеющих прямое отношение к налоговой деликтологии.

Налог является одним из главных элементов налогообложения и ключевым понятием налогового права и деликтологии, которое в этом значении определяет как содержание понятийного аппарата в целом, так и направленность практической деятельности уполномоченных органов государства и налогоплательщиков в налоговых правоотношениях, что обусловило начало исследования автора именно с этого понятия.

За сравнительно короткий период (немногим более 25 лет) становления новой налоговой системы Российской Федерации научное и правовое определение налога претерпело ряд существенных изменений, связанных с поиском и закреплением в налоговом праве его сущности и определяющих признаков.

Согласно ст. 8 НК РФ под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Проблема дефиниции налога исследована многими налоговедами. Например, В.В. Курочкин и Н.И. Осетрова считают задачу уточнения дефиниции налога актуальной [2]. Следует согласиться с мнени-

ем, высказанным в науке: законодательное определение налога является громоздким из-за большого числа слов (27), что усложняет конструкцию этого понятия и не способствует его четкому восприятию.

Следовательно, определение налога должно быть более лаконичным и предельно точным, что побудило многих специалистов предлагать свои поправки в НК РФ. Авторским коллективом А.В. Брызгалина справедливо отмечено, что решающее значение дефиниция налога приобретает именно в праве, поскольку, во-первых, точное уяснение содержания категории «налог» способствует правильному и единообразному применению норм законодательства, ограничивающих право частной собственности плательщика; во-вторых, понятие налога должно быть одной из отправных точек при подготовке законов, регулирующих порядок установления и взимания налоговых платежей; в-третьих, четкое понимание термина «налог» позволяет определить объем полномочий и компетенцию налоговых органов. Не менее важным является то обстоятельство, что без ясного определения термина «налог» невозможна правильная реализация как финансовой, так и иных видов ответственности [3, с. 81].

Законодательное определение налога впервые было дано в ст. 2 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы Российской Федерации». Согласно определению «под налогом, сбором, пошлиной и другим платежом понимается обязательный взнос в бюджет соответствующего уровня или во внебюджетный фонд, осуществляемый плательщиками в порядке и на условиях, определяемых законодательными актами»*.

Данное определение следует признать неудачным, поскольку оно не раскрывает существенных правовых признаков налога и не дает юридических критериев для отличия налогового платежа от неналогового.

Восполняя пробелы и неточности в законодательстве и в теории налогового права, проблему дефиниции налога пытался разрешить Конституционный Суд Россий-

* Об основах налоговой системы в Российской Федерации: закон РФ от 27 дек. 1991 г. N 2118-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 35. Ст. 4130. (Утратил силу).

ской Федерации, который в своем постановлении от 11 ноября 1997 г. N 16-П указал, что налоговый платеж — это основанная на законе денежная форма отчуждения собственности с целью обеспечения расходов публичной власти, осуществляемого, в том числе, на началах обязательности, безвозвратности, индивидуальной безвозмездности*, и, добавим, обеспеченная мерами государственного принуждения.

Конституционный Суд Российской Федерации выделил ряд важнейших юридических признаков налога, необходимых для понимания его сущности, которые нашли свое правовое закрепление в НК РФ. Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

В правовой норме законодатель указывает на принудительный характер взимаемого платежа, что не соответствует правовой природе налога и психологическим установкам абсолютного большинства налогоплательщиков, которые вполне сознательно, добровольно и с убеждением в объективной потребности участвовать в формировании бюджетной основы деятельности государства, платят налоги.

В связи с этим иллюстрацией являются слова Ш. Монтескье о том, что действительно свободный народ готов обложить себя такими высокими налогами, какими не решится обременить своих подданных даже самый неограниченный самодержец [4].

По сути, налог следует рассматривать как добровольный платеж государству, необходимый для более надежного обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, что возможно определить формулой: больше свободы, выше налоги.

В соответствии со ст. 57 Конституции Российской Федерации обязанность пла-

тить налоги возложена на каждое физическое и юридическое лицо. Однако в ст. 8 НК РФ обязанность налогоплательщика трансформирована в право взимания платежей. В то же время полномочиями по взиманию налогов ни один орган государства не наделен. Федеральная налоговая служба (ФНС России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов, сборов и страховых взносов. Недоимка и штраф не взимаются, но взыскиваются в установленной процессуальной форме**.

В допетровскую эпоху практиковалось откупное налогообложение. Откупщики выкупали у государства право взимать налоги и бесконтрольно обогащались на этом. Таким образом, определение налога, сформулированное в ст. 8 НК РФ, не соответствует Конституции и налоговому законодательству Российской Федерации, отражает сугубо фискальный характер платежа, неверие и недоверие к налогоплательщику как к законопослушному субъекту. Термин «взимаемый» из ст. 8 НК РФ следует исключить и определить налог, как платеж в бюджеты государства и муниципальных образований, осуществляемый в форме отчуждения. При этом понятие «отчуждение» включает в себя как добровольную уплату налога, так и его взыскание по указанным в законе основаниям (ст.ст. 45-48 НК РФ).

Следует подчеркнуть, что взыскание, а не изъятие является одним из процессуальных действий в налоговом, административном, уголовно-процессуальном праве и других процессуальных отраслях правовой системы, связанных с приобщением к делу вещественных доказательств и документов (ч. 8 ст. 94 НК РФ).

Особая «живучесть» термина «взимание», по всей видимости, объясняется его историческими корнями, так как прямое указание о взимании налога находим в указах Петра I (и даже ранее), в трудах

* По делу о проверке конституционности статьи 11.1 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года «О государственной границе Российской Федерации» в редакции от 19 июля 1997 года: постановление Конституционного Суда РФ от 11 нояб. 1997 г. N 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. N 6.

** Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: постановление Правительства РФ от 30 сент. 2004 г. N 506 // Рос. газ. 1994. 4 окт.

М.М. Сперанского и Н.И. Тургенева, упоминание об этом встречается в работах таких государствоведов, как Н.М. Коркунов и Р. Моль [5; 6, с. 692; 7, с. 226].

Определение налога в НК РФ способствовало дальнейшему укреплению фискальной нацеленности налоговой системы Российской Федерации. В официальной терминологии Минфина России и ФНС России, в налоговой литературе и в обыденном сознании налогоплательщиков в качестве критерия оценки эффективности налогового администрирования укоренилась «собираемость» налогов*. Это свидетельствует о сформировавшемся и внедрившемся стереотипе мышления как у официальных, так и неофициальных лиц и специалистов.

Таким образом, в качестве критерия эффективности налогового администрирования должна быть не собираемость налогов, а их уплачиваемость. Критерий уплачиваемости налогов адресуется прежде всего налогоплательщикам, что совершенно обоснованно и справедливо. В свою очередь, это порождает обязанность налоговых органов обеспечивать полноту и своевременность уплаты налогов, т.е. работать с налогоплательщиками, формировать их налоговое правосознание, добиваться соблюдения налогового законодательства путем широкой гласности в работе, обеспечения неотвратимости наказания нарушителей и другими мерами.

Экономическое содержание налога проявляется в отчуждении части дохода (прибыли) собственника на нужды государства. Формы отчуждения имущества могут быть разными — добровольная уплата, взыскание налога с нарушителей-неплательщиков. Правовой формы изъятия налога в отечественном законодательстве не установлено.

Однако в ст. 2 НК РФ «Отношения, регулируемые законодательством о налогах и сборах» установлено, что законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов,

страховых взносов в Российской Федерации (и далее по тексту статьи).

В то же время все положения ч. 2 НК РФ, в которых определяется порядок уплаты (не изъятия) тех или иных налогов и сборов, адресованы прежде всего налогоплательщикам, обязанным самостоятельно правильно исчислить и своевременно уплатить налоги и сборы.

Ошибочное определение части предмета правового регулирования налогообложения (изъятие налога) приводит к постепенной утрате уполномоченными лицами и органами уважения к строгому соблюдению процессуальных норм и форм в своей деятельности и усилению фискального давления на законопослушных налогоплательщиков.

В системе налоговой деликтологии необходимо выделить и уточнить второе по значимости понятие ответственности по налоговому законодательству Российской Федерации в связи с отсутствием ясной и четкой законодательной информации об этом институте налогового права.

В период становления налоговых отношений на основе рыночной экономики в 90-е годы прошлого столетия ответственность за нарушение налогового законодательства носила исключительно административно-карательный характер и применялась по упрощенной протокольной процессуальной форме органами Государственной налоговой службы России, Федеральной службой налоговой полиции Российской Федерации и органами МВД России.

В частности, в соответствии с федеральным законом органам Федеральной службой налоговой полиции Российской Федерации были предоставлены права:

— составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществлять административное задержание и применять другие меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях;

— налагать административный арест на имущество юридических и физических лиц с последующей реализацией этого имущества в установленном порядке в случаях невыполнения указанными лицами обязанностей по уплате налогов, сборов и других обязательных платежей для обеспечения своевременного поступления сумм сокрытых налогов, сборов и других

* Основные направления налоговой политики в Российской Федерации на 2008-2010 гг. // Налоги и налогообложение. 2007. N 12; Доклад ФНС России о результатах и основных направлениях деятельности на 2008-2010 годы // Налоги и налогообложение. 2007. N 8. С. 15-39.

обязательных платежей в соответствующий бюджет;

– пользоваться правами, предоставленными налоговым органам;

– осуществлять дознание и предварительное следствие по делам о преступлениях, отнесенных законодательством к ведению федеральных органов налоговой полиции, проводить судебно-экономические и связанные с исследованием документов криминалистические экспертизы, проводить государственную дактилоскопическую регистрацию, а также получать и использовать дактилоскопическую информацию в соответствии с законодательством Российской Федерации*.

Из анализа перечисленных полномочий налоговой полиции следует вывод о применении к нарушителям налогового законодательства преимущественно административной ответственности и других административно-правовых мер.

Природа, содержание и основания административной ответственности хорошо изучены в правовой науке. Однако настоящая тема не потеряла актуальности и практического значения. В связи с принятием и введением в действие НК РФ с 1 января 1999 г. появился новый институт налогового права – институт налоговой ответственности. Обоснованность, а следовательно, легитимность налоговой ответственности как нового вида юридической ответственности вызывали сомнения, и в теории права такая новация законодателя в большинстве своем не нашла поддержки. С 1 января 2007 г. в НК РФ налоговая ответственность трансформировалась в ответственность по налоговому законодательству, что не добавило ей родовой определенности и не ответило на вопрос о ее правовой природе**.

В правовой науке указывается финансовая природа ответственности налогоплательщиков или ее административно-

правовые признаки, направленные на защиту налоговых правоотношений, а также она считается следствием терминологической неточности законодателя.

Бесспорно, что вневидовую ответственность (не относится к признанным в правовой теории видам) по налоговому законодательству нельзя признать удачным законодательным нововведением. Однако согласиться с утверждением о комплексном характере налоговой ответственности нет достаточных причин, так как она имеет свои основания и признаки, и в то же время по своей правовой природе она ближе к административной деликтологии и деликтности.

Административно-правовую природу ответственности по налоговому законодательству характеризуют такие признаки, как:

– внесудебный порядок применения;

– применение в рамках реализации полномочий органов исполнительной власти;

– штрафной характер налоговых санкций;

– применение по результатам административно-контрольной деятельности налоговых органов;

– установление ее фактического основания – налогового правонарушения, которое вполне можно рассматривать как разновидность административных деликтов;

– административно-процессуальное содержание производства по делам о налоговых правонарушениях;

– административный порядок апелляции и иного обжалования решений о привлечении лица к ответственности и другие признаки [8, с. 101].

Изложенные выше аргументы позволяют рассматривать ответственность по налоговому законодательству не как новый вид юридической ответственности, а как разновидность административной ответственности в налоговом праве. Все «родовые» признаки последней ей присущи в полной мере, однако она имеет нормативное, фактическое, юридическое основания и другие особенности, что позволяет признать ее в качестве административной ответственности по налоговому законодательству (сокращенно – налоговая ответственность) и определить ее как обязанность налогоплательщика и иного субъекта претерпеть неблагоприятные последствия нарушения налогового

* О федеральных органах налоговой полиции: закон РФ от 24 июня 1993 г. N 5238-1 // Рос. газ. 1993. 15 июля. (Утратил силу).

** О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования: федер. закон от 27 июля 2007 г. N 137-ФЗ // Рос. газ. 2007. 29 июля.

законодательства, которая реализуется путем применения налоговых санкций.

В пользу признания ответственности по налоговому законодательству в качестве разновидности административной ответственности свидетельствуют и другие обстоятельства. Наиболее существенными из них являются: содержательная близость ряда составов налоговых и административных правонарушений; определение понятия должностного лица и установление его ответственности за нарушение налогового законодательства в КоАП РФ (глава 15), равно как и установление административной ответственности виновных лиц за противодействие или воспрепятствование контрольной де-

ятельности налоговых органов (главы 17 и 19 КоАП РФ); наличие существенных пробелов и противоречий в правовом регулировании отношений по реализации ответственности по налоговому законодательству, преодолеть которые возможно лишь по аналогии с административным правом. Речь идет о таких важнейших отношениях, как работа с доказательствами в ходе проведения налоговых проверок и иных мероприятий налогового контроля, производство по делам о налоговых правонарушениях, назначение и проведение экспертизы и других проверочно-процессуальных действий.

Эту проблематику автор надеется изложить в следующих статьях.

Список литературы

1. Макаров О., Фейнберг А. Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой // Экономика. 2017. 30 июня. URL: <http://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения: 20 сент. 2017 г.).
2. Курочкин В.В., Осетрова Н.И. К вопросу о понятии налога. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-naloga/> (дата обращения: 20 сент. 2017 г.).
3. Налоги и налоговое право: учеб. пособие / под ред. А.В. Брызгалина. М.: Аналитика-Пресс, 1999. 600 с.
4. Монтескье Ш. О зависимости между взиманием податей и размерами государственных доходов, с одной стороны, и свободой – с другой. URL: <https://uchebniki-besplatno.com/nalogovoe-pravo-nalogi/sharl-monteske-ego-znamenitnye-idei-20433.html> (дата обращения: 20 сент. 2017 г.).
5. У истоков финансового права. М.М. Сперанский, Н.И. Тургенев, М.Ф. Орлов / под ред. А.Н. Козырина; сост. А.А. Ялбулганов. М.: Статут, 1998. 432 с.
6. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть Особенная. 6-е изд. / под ред. и с доп. М.Б. Горенберга. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1909.
7. Моль Р. Энциклопедия государственных наук / пер. А. Попова. СПб.: Издание книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа в Гостином Дворе NN 18, 19 и 20, 1868.
8. Передернин А.В. Некоторые проблемы формирования правообеспечительной модели налогового администрирования // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию профессора Севрюгина В.Е. (Тюмень, 17 апреля 2015 г.). Тюмень, 2015. С. 169-175.

СИСАКЬЯН А.К.,
кандидат юридических наук,
arussisakyan@mail.ru
Кафедра права;
Троицкий филиал Челябинского
государственного университета,
457100, г. Троицк, ул. Разина, 9

SISAKYAN A.K.,
Candidate of Legal Sciences,
arussisakyan@mail.ru
Chair of law;
Troitsk Branch of Chelyabinsk
State University,
Razina St. 9, Troitsk, 457100,
Russian Federation

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОПОНИМАНИЯ НА АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Большинство административно-правовых отношений возникает вследствие совершения субъектами правомерных, то есть не нарушающих требования административного законодательства действий. Однако ряд административных правоотношений возникает как результат несоблюдения административно-правовых норм, неисполнения административно-правовых предписаний. Административно-деликтные правоотношения возникают по поводу противоправного поведения. Автор статьи исследует первопричину зарождения административно-деликтных отношений, а именно дефекты и пробелы в административном правосознании, образующие баланс между правомерным и противоправным поведением. Анализируется степень влияния административного правосознания на административно-деликтное поведение, взаимообусловленность административного правосознания и состояния административной деликтности. Аргументируется, что достижение высокого уровня административного правосознания позволит стабилизировать состояние административной деликтности. В развитие позиции И.А. Ильина о государственном правосознании как некоей духовной сущности, коллективного сознания, сделавшего возможным объединение людей в государство, в статье рассматривается содержание административного правосознания государства.

Ключевые слова: административно-деликтное поведение; деликт; административное правосознание; правопонимание; административно-правовой запрет.

TO THE QUESTION OF THE DEGREE OF THE INFLUENCE OF ADMINISTRATIVE LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL UNDERSTANDING ON THE ADMINISTRATIVE-DELICTUAL BEHAVIOR

Annotation. The majority of the administrative legal relations arise as the result of the commission of lawful, that is, not violating the requirements of administrative legislation, actions by the subjects. However, a number of administrative legal relations arise as the result of the violation of administrative legal norms, the default of administrative legal regulations. Administrative-delictual legal relations arise out of unlawful conduct. The author of the article investigates the root cause of the emergence of administrative-tortious relations, namely, the defects and gaps in the administrative legal consciousness, forming a balance between lawful and unlawful behavior. The degree of the influence of administrative legal awareness on the administrative-delictual behavior, as well as the interdependence of administrative legal consciousness and the state of administrative tortiousness, are analyzed. It is argued that achieving a high level of administrative legal consciousness will allow to stabilize the state of administrative delinquency. Developing the point of view of I.A. Ilyin about the public legal consciousness as a kind of spiritual essence, the collective consciousness that made it possible to unite the people into the state, the author of the article examines the content of the administrative legal consciousness of the state.

Keywords: administrative-delictual behavior; delict; administrative legal consciousness; legal understanding; administrative law prohibition.

Понимая деликт как некий «рубеж» между правомерным и неправомерным поведением, представляется возможным оценивать административный проступок не только как внешнее выражение нарушения административно-правовой нормы,

но и как коллизию интересов государства, отраженных в правовой норме, и интересов правонарушителя. Казалось бы, это может ассоциироваться с усложнением проблемы, но, во-первых, облегчение задачи может повлечь за собой еще боль-

шую опасность, а во-вторых, следует вести речь не о ее затруднении и не о механическом повышении числа исследуемых факторов административной деликтности.

В сложившейся ситуации требуется качественно новый механизм проникновения в сущность изучаемого социально-правового явления.

Воспринимая культуру как совокупность способов и приемов, правил и норм человеческой жизнедеятельности, а правовую культуру – в качестве производной от общей культуры индивидуума, воспринявшей от нее все положительное, совершенно обоснованной становится взаимосвязь состояния правопорядка и правовой культуры, демонстрирующей фактическое состояние социума на конкретном этапе его развития. В ситуации, когда право статично либо относительно неизменно, состояние правовой культуры будет фиксированным. Таким образом, большинство конкретных правоотношений будет определяться уровнем правосознания субъектов.

Первопричиной зарождения административно-деликтных правоотношений являются дефекты и пробелы в административном правосознании. Именно они образуют баланс между правомерным поведением и противоправным поведением. В таком случае правосознание следует считать системой, а административно-деликтные правоотношения – отражением правосознания субъектов этих правоотношений.

Научный анализ содержания категории административного правосознания требует изучения вопроса о структуре сознания как основного элемента изучаемого нами феномена. Так, В.В. Миронов и А.В. Иванов предлагают вообразить сознание личности в виде окружности, разделенной на четыре сферы. Первая сфера, как они полагают, «может быть названа сферой телесно-перцептивных способностей и получаемых на их основе знаний. К телесно-перцептивным способностям относятся ощущения (внешние и внутренние), восприятия и конкретные представления, с помощью которых человек получает первичную информацию о своем внешнем окружении, о процессах, происходящих в его собственном теле, и о его взаимоотношениях с другими телами» [1, с. 14].

Вторая сфера – есть сфера Логоса. Здесь реализуются возможности индивида к обобщению и систематизации умений и ощущений, понимание себя и окружающего мира. Через названные сферы мы воспринимаем окружающую действительность в ее предметно-телесной интерпретации. Следуя суждениям В.В. Миронова и А.В. Иванова, третья сфера сознания – эмоционально-аффективная – не имеет опосредованной связи с внешней действительностью. Такая сфера содержит «глубоко субъективные состояния, переживания и предчувствия, а также эмоционально-жизненные отношения к другим человеческим “Я” и ситуациям, с которыми сталкивался, сталкивается или может столкнуться человек» [1, с. 17]. Четвертая сфера отнесена исследователями к ценностным составляющим нашего сознания. «Целью и регулятивом бытия этой сферы сознания выступают красота, правда и справедливость, то есть не истина как форма согласования мысли с предметной действительностью, а ценности как формы согласования действительности с нашими духовными смыслами и целями, носящими идеально-модельный характер» [1, с. 19].

Качественно высокий уровень правосознания предполагает значительно меньшее количество совершаемых административных проступков и, как следствие, реже возникающие административно-деликтные правоотношения. И все же подобная, казалось бы, логически верная взаимообусловленность не всегда имеет столь однозначный характер.

Регулярную взаимообусловленность административного правосознания и состояния административной деликтности не следует понимать так досконально, поскольку она символизирует лишь функциональную взаимосвязь между ними. Более того, административная деликтность, детерминированная лишь уровнем административного правосознания, неизбежно приведет к некорректному пониманию того, каким именно должно быть административное правосознание, к лишенным практического значения утопическим суждениям о том, что вероятно постичь такой уровень правового сознания в социуме, когда административные проступки не совершались бы совсем.

Гипотетически возможно представить вероятную взаимообусловленность административного правосознания и состояния административной деликтности, вообразив ее как графическое изображение, на котором близкая к параболе кривая никогда не пересечет соответствующие им координатные оси. Достижение высокого уровня административного правосознания будет способствовать стабилизации состояния административной деликтности.

В специальной юридической литературе вопрос о целях такого социального феномена, как административная деликтность, не нашел должного освещения. Административный проступок всегда совершается с определенной целью. Более того, состав административного правонарушения предусматривает цель в качестве непременного условия субъективной стороны неправомерного деяния. Возможно ли представить себе лишенный всякой цели проступок? Теоретически вероятно, например, когда деликвент совершает административный проступок неосознанно. С позиции теории права не существует деликтов, лишенных целевого назначения. Таким образом, все административные проступки объединены общей целью — нарушить административно-правовой запрет.

Рассуждая об административной деликтности как совокупности правонарушений, влекущих наступление административной ответственности, о существовании общей цели следует говорить исключительно в теоретическом аспекте. В правоприменительной практике значение приобретает лишь конкретная цель, например обогащение, что требует подтверждения при квалификации административного проступка.

Уменьшение количества совершаемых административных проступков, повышение уровня правовой культуры, устранение дефектов административного правосознания — это не только цель деятельности органов государственной власти, но и показатели степени их эффективного воздействия на соответствующие процессы.

Специфика административно-правового воздействия на личность заключается в том, что оно осуществляется посредством управления поведением индивида и общества в целом. На ступени развития

телесно-перцептивных возможностей личности возникают эмоции и понимание правил поведения по типу «воздействие — подчинение». На этой ступени еще отсутствует элемент административного правосознания, но складывается его психоэмоциональная предоснова.

Сознание индивида с момента его рождения складывается под влиянием окружающего мира, социальной среды, следовательно, информация, воспринимаемая от этой среды, детерминирует логико-понятийные компоненты сознания личности. Например, ребенок, воспитываемый в среде, пропагандирующей почитание закона и недопустимость совершения административного правонарушения, формирует собственные личностные и ценностные составляющие административного правосознания. Таковые уже не предоснова, а базис формирования административного правосознания. Окружающая среда способствует возникновению позитивного или негативного отношения к нормативным положениям административного права и субъектам правоприменения.

В ходе применения административных норм возникают предпосылки зарождения ценностных установок индивида, например таких, как правда и справедливость, осуществляется сознательное оценивание собственных поступков индивида и деяний окружающих людей, происходит изучение норм административного права, соотнесение их содержания с реальной действительностью их применения.

В процессе постоянного становления личности ее самосознание непрерывно впитывает в себя информацию о правовых явлениях. С момента первоначальной рефлексии, как только зарождается административное правосознание, и до момента соединения сознания с высшими духовными правовыми установками, может пройти длительный отрезок времени.

В действительности тесное взаимодействие уполномоченных органов с гражданами может стать объективным индикатором уровня административного правосознания конкретного общества. Практика их взаимодействия вовсе не свидетельствует об абсолютном совпадении их интересов.

Формирование государственного мышления можно считать основой админи-

стративного правосознания. Оно позволяет воспитывать личность государственного порядка, вне зависимости от социального статуса индивида. «Государственный подход» индивида к собственным действиям, реализация функций государственного управления, принятие административно-правовых нормативных актов, правоприменение их в практической деятельности в связи с исполнением своих административных прав и обязанностей позволяет нам говорить, что индивид сформировал в себе «здоровое» административное правосознание.

Имеется некая духовная сущность, коллективное сознание, в отсутствие чего непостижимо объединить людей в государство. Такое сознание возникает как правосознание, превалирующее над правосознанием отдельной личности, однако являющееся объединяющей их причиной. Правовед И.А. Ильин называет такое правосознание государственным. Государственное правосознание подразумевает «единую, объективную и высшую цель» [2, с. 97], которая зарождается как всеобщая необходимость граждан конкретного государства. Эта цель требует некоторого количества обеспечивающих целей, позволяющих достичь высшей цели. Обеспечивающие цели позволяют организовать государственное эффективное управление общими делами социума, обеспечить права и свободы, безопасность личности. Параллельно с формированием государственной управленческой цели зарождается административное правосознание государства. Таковое обеспечивается правом, соответствующей идеологией и наделяет государство статусом субъекта административных правоотношений.

Содержание административного правосознания государства порождается управленческими целями государства. Оно формируется под влиянием политических установок, потребностей общества, представлений о путях и способах правовой регламентации управленческих отношений. Управленческие цели государства определяются политикой, продиктованной экономическим состоянием общества. Административное правосознание государства подразумевает публичный интерес, преобразуемый в совокупность административных нормативных актов высшего уровня. Например, Ю.А. Тихомиров отме-

чает: «В административном праве публичный интерес выражен весьма определенно. Государственные служащие призваны добросовестно исполнять должностные обязанности, действовать в рамках компетенции органа, быть независимыми от каких-либо влияний. Государственные органы должны неукоснительно выполнять свои публичные функции и соотносить их с их характером ведомственные интересы, которые не должны им противопоставляться» [3, с. 256]. Административное правосознание государства зиждется на основе полнокровного духовного достоинства государственных решений и социальной ценности административного права.

Административное правосознание государства является основой для формирования государственного административного правового сознания определенных социальных общностей и индивидов. Среди социальных общностей следует назвать органы государственного управления, органы местного самоуправления, органы внутреннего управления организаций и учреждений. Государственное административное правосознание органов государственного управления детерминировано административным правосознанием государства.

Таким образом, содержание и структура государственного административного правосознания органов государственного управления полностью совпадает с содержанием административного правосознания государства. Однако следует помнить, что деятельность органов государственного управления направлена на регулярное изменение социально-экономической действительности как непосредственного объекта государственного управленческого воздействия. В связи с этим государство уполномочивает органы государственного управления правом административного усмотрения. В юридической литературе административное усмотрение чаще всего считают полномочием органов государственного управления в принятии распорядительных решений. Административное усмотрение — не что иное, как индивидуализация административных велений государства в рамках конкретных задач и целей, соответствующей обстановки, в которой органы государственного управления принимают свои решения. Следовательно,

административное усмотрение осуществляется не только в процессе правоприменительной деятельности, но и в ходе административного нормотворчества. И все же духовный компонент, характерный для административного правосознания государства, должен соответствовать государственному административному правосознанию органа государственного управления. Сказанное относится и к административному правосознанию органов управления государственных организаций и учреждений, а также служащих органов государственного управления.

Становление государственного правосознания, административного правосознания граждан как его составляющей предполагает активную воспитательную работу всего социума и государственных органов. Реализация конституционных политических прав способствует формированию у граждан государственного административного правосознания. Государственное административное правосознание граждан формируется благодаря духовному достоинству государства и его граждан как неразрывной и единой сущности. В основу взаимодействия государственного административного правосознания гражданина и административного правосознания государства должен быть положен закон взаимного духовного признания.

Нарушение административно-правовых запретов — своего рода конфликт интересов государства и деликвента. В случае установления административного проступка между правонарушителем и наделенным административно-юрисдикционными полномочиями органом возникают административно-деликтные отношения. Следует подчеркнуть, что не совсем корректно сводить административно-деликтные правоотношения к состоянию разрозненности и несовпадения интересов.

Отдельное административное правонарушение образует связь между правонарушителем и органом, обеспечивающим правопорядок, в то время как общая и многочисленная масса административных проступков подразумевает посягательство на интересы всего общества [4, с. 67]. Следовательно, административно-деликтные правоотношения предполагают совпадение правомерных интересов законопослушных граждан и государства.

Несмотря на то, что для явления административной деликтности характерны такие свойства, как стихийность, хаотичность, нерегулярность, имеют место определенные системные закономерности. В то же время массовость административных проступков уравнивает иррегулярные отклонения. Так зарождаются общие тенденции и даже константность сторон исследуемого явления.

Значительно более сложным является процесс оценивания уровня административного правосознания, его воздействия на развитие административно-деликтных отношений. Подавляющее большинство административно-правовых отношений возникает вследствие совершения субъектами правомерных действий, т.е. действий, которые не нарушают требования административного законодательства. Вместе с тем существует внушительное количество административных правоотношений, возникающих как результат несоблюдения административно-правовых норм, неисполнения административно-правовых предписаний. Безусловно, что в первом случае правоотношения образуют «здоровое» с точки зрения права поведение, а административно-деликтные правоотношения возникают по поводу противоправного поведения.

Отнесение того или иного деяния к категории противоправных требует его соответствующей квалификации, что подразумевает установление, обоснование и юридическое подтверждение полного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава административного правонарушения. Юридическая квалификация административного проступка, являющаяся непременным условием при решении вопроса о привлечении лица к административной ответственности, по мнению Г.И. Петрова, не дает ответа на вопрос о факторах влияния на характер поведения субъекта [5, с. 79]. В то же время понимание природы и причин поведения субъекта приобретает особую важность как в теоретическом, так и в практическом значении. В связи с этим следует отметить, что факторы влияния на характер поведения субъекта составляют объективную сторону состава правонарушения, что, в свою очередь, является ответом на вопрос, сформулированный Г.И. Петровым.

Явление «административное правосознание» следует воспринимать как некую абстракцию, результат фактической действительности, сформированный вследствие принятия и осознания участниками общественных отношений административно-правовой жизни. Индивид развивается, с одной стороны, под воздействием особенностей своей психоэмоциональной реакции: эмоций, возбуждений, переживаний, проявлений воли, с другой — под влиянием поступающей ему информации.

Необходимо выделить два варианта предопределенности поведения субъектов правоотношения: 1) законопослушные субъекты, обладающие стойким пониманием необходимости соблюдения юридических предписаний; 2) потенциальные правонарушители, характеризующиеся готовностью нарушить административно-правовые запреты [6, с. 124]. Представленная классификация позволяет разграничить поведение субъектов на категории, исходя из уровня их административного правосознания.

Количество выявленных административных проступков позволяет судить не только о сложившейся в действительности ситуации в сфере обеспечения законности и правопорядка общественных отношений, регулируемых нормами административного права, но более всего демонстрирует степень заинтересованности и инициативности органов, наделенных административно-юрисдикционными полномочиями.

Кроме того, существует критерий, определяющий относительно перманентные параметры состояния административной деликтности на протяжении длительного времени. Таковым является состояние административного правосознания, характеризующееся уверенной пассивностью и стабильностью.

Оценивая поведение конкретного субъекта административного правоотношения, следует учитывать специфику его персонального правосознания. Индивидуальное правовое сознание участника правоотношения всегда более подвижно. Так, даже законопослушный гражданин может пренебречь административно-правовым запретом в случае искаженного понимания его смысла.

Административное правосознание — явление, безусловно, индивидуальное.

Оно зарождается в образе осознания воспринимаемой правовой действительности. Административно-правовая информация, влияя на сознание индивида, формирует административное правосознание в качестве позитивного или негативного отношения к источнику этой информации и к ней самой. Административное правовое сознание находится в процессе перманентного развития от психоэмоционально-примитивного до возможно высшего уровня восприятия ценности административного права. Административное правосознание как философская категория предполагает бесконечно формирующуюся взаимосвязь сознания личности с всевозможными формами реализации административного права. Подобная взаимосвязь есть не что иное, как вечно развивающийся процесс взаимного обмена информацией административно-правовой материи и самосознания личности, в результате которого происходит становление административного правосознания.

Каждый участник административно-правового отношения имеет собственные интересы и потребности, влияющие на формирование содержания норм административного законодательства и механизм его реализации. Хотелось бы верить, что каждый участник административных правоотношений обладает столь высоким уровнем административного правосознания, который не позволит ему отклониться от принципов всеобщего блага и справедливости, обеспечения законных прав и свобод человека. И все же собственные потребности и интерес чаще всего доминируют над высокими идеалами административно-правового регулирования общественных отношений, деформируя, таким образом, административно-правовую жизнь.

Как справедливо отмечают В.В. Малько и В.В. Субочев, «далеко не случайно в развитии правовой жизни просматриваются два противоположных направления: одно связано с организацией социальных связей, другое — с их дезорганизацией» [7, с. 245]. Деформация административного правосознания под влиянием собственного интереса отдельной личности особенно опасна, когда она имеется у законодателя, должностного лица, формирующих и применяющих нормы административного

права. Правоприменители в области государственного управления свой собственный интерес способны реализовывать в рамках административного усмотрения. Это также свидетельствует о деформации административного правосознания. Наконец, гражданин в своих интересах может не исполнять административную обязанность.

К числу задач науки административного права относится, в частности, и изучение достаточного нормального правосознания. Категорию «нормальное правосознание» в научный оборот вводит И.А. Ильин, понимая под таковым «...прежде всего, волю к цели права, а поэтому и волю к праву; а отсюда проистекает для него и необходимость знать право и необходимость жизненно осуществлять его, то есть бороться за право» [8, с. 346].

Таким образом, невозможно сформировать достаточный уровень административного правосознания в условиях, когда субъект не знает содержания норм административного законодательства.

Высокий уровень административного правосознания зарождается благодаря правосознанию и правопониманию. В связи с этим особую важность приобретает такой компонент, как правовое воспитание. Индивид, воспитанный в духе уважения к праву, справедливости и правды, не будет неосознанно исполнять нормы административного права. Уровень его правосознания позволит ему отграничить нормы административного права от общественных установок, противоречащих идее ценности человеческой жизни, свободе и справедливости. Основная роль в формировании достаточного административного правосознания личности принадлежит именно науке административного права. Она призвана сформировать у индивида понимание духовной ценности и высокой значимости административного права как возможности эффективного государственного управления социально-экономическими процессами и обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов общественных отношений. Сформировавшееся под влиянием научных представлений о ценности административного права достаточное правосознание личности регулирует частный интерес, ограничивает его воздействие на административное

нормотворчество и правоприменительную деятельность.

Неоспорима роль науки административного права в становлении достаточного общественного административного правосознания. Таким образом, достижение правомерного поведения предполагает разрешение проблемы административного правосознания и соответствующего правопонимания.

Правосознание и правопонимание в равной степени являются оценочными категориями. С ними отождествляется как бы искомое и желаемое право [9, с. 25]. Правосознание – это совокупность непосредственных, психоэмоциональных реакций, тогда как правопонимание – явление более рационального порядка; это понимание о должном поведении субъекта.

Правопонимание подразумевает наличие определенного уровня правовой культуры и юридической грамотности. Принципиальное значение имеет то, как именно исследуется правопонимание: «либо с точки зрения субъективного права я имею право», либо с позиций «мерки, в рамках которой я могу реализовать свое субъективное право», при этом второй случай связан с обязательным выходом на конкретные нормы КоАП РФ. На практике имеет место сочетание обоих вариантов, при этом проблема их взаимосвязи может быть удачно описана через анализ соотношения правосознания и правопонимания [10, с. 13]. В данном случае речь следует вести о корректном толковании нормы права. Правильность понимания означает действительную трактовку и восприятие нормы права, верное осознание порядка реализации субъективного права, установленного законодателем.

Правовая норма преломляется сквозь правосознание, включающее в себя психоэмоциональные факторы, личное отношение субъекта к праву. Правопонимание – более серьезная категория, посредством которой «законодатель реализует внутренний закон жизни всей нации» [10, с. 13]. Данный закон должен быть реализован в таком виде, в каком его принял законодатель, а значит, верное толкование нормативных актов является частью правопонимания.

Правопонимание должно быть присуще всем субъектам административно-правовых отношений, вне зависимости от

того, является ли лицо рядовым гражданином или сотрудником правоохранительного органа, наделенного административно-юрисдикционными полномочиями.

Правосознание, невзирая на его автономность, — все же результат взаимодействия правосознания большого количества индивидов (отдельной личности, а может, и социальных формирований). Следовательно, можно говорить о существовании правосознания человека и гражданина, правосознания общества в целом, правосознания органов государства, наделенных административно-юрисдикционными полномочиями, органов государственного управления, правосознания должностных лиц и т.д.

Правосознание и правопонимание нуждаются не только в профессиональном оценивании, но и в обсуждении их лицами, не обладающими специальным юридическим образованием. Любой гражданин, опираясь на собственное понимание и умения, прочтя и проанализировав нормы, например, КоАП РФ, может самостоятельно оценить действия других участников правоотношений. Итогом его субъективного анализа и оценивания может быть жалоба на неправомерные действия органов государственной власти.

Наряду с субъективным пониманием административно-правовых норм, оцениванием действий уполномоченных органов существует еще одна сторона, наделенная административно-юрисдикционными полномочиями и априори имеющая другой уровень правопонимания и правосознания.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Первопричиной зарождения административно-деликтных правоотношений являются дефекты и пробелы в административном правосознании, образующие в итоге баланс между правомерным и противоправным поведением. Административно-деликтные правоотношения есть не что иное, как отражение правосознания субъектов этих правоотношений.

2. Достижение высокого уровня административного правосознания позволит стабилизировать состояние административной деликтности.

3. Административные проступки связаны общей целью — нарушить административно-правовой запрет.

4. Государственное административное правосознание органов государственного управления детерминировано административным правосознанием государства.

5. Административно-деликтные правоотношения подразумевают совпадение правомерных интересов законопослушных граждан и государства.

6. Административное правосознание предполагает бесконечно формирующееся взаимодействие сознания личности с всевозможными формами реализации административного права.

7. Достаточное правопонимание предполагает разрешение проблемы влияния административного правового сознания на правомерное административно-деликтное поведение.

Список литературы

1. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М.: Гардарики, 2005. 447 с.
2. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 2008. 216 с.
3. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007. 485 с.
4. Вогленко Н.Н. Толкование права. Волгоград, 2007. 126 с.
5. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. 157 с.
6. Стариков Ю.Н. Административное право. История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998. 392 с.
7. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. 359 с.
8. Ильин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1994. 624 с.
9. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора. Воронеж, 2003. 248 с.
10. Денисенко В.В. Административная деликтность, средства воздействия на нее и их оценка. Ростов н/Д., 1999. 500 с.

Раздел 4. Уголовный закон

НОВОСЕЛОВ Г.П., доктор юридических наук, профессор, genn.nowoselow2010@yandex.ru Кафедра уголовного права; Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21	NOVOSELOV G.P., Doctor of Legal Sciences, professor, genn.nowoselow2010@yandex.ru Chair of criminal law; Ural State Law University, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation
---	--

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ: СИСТЕМА И АЛГОРИТМ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье определяется последовательность действий при квалификации деяния в качестве преступления против жизни. Основные этапы этого процесса составляет решение вопросов разграничения деяний против жизни, предусмотренных главой 16 и иными главами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; причиняющих смерть другому лицу и побуждающих его к совершению самоубийства; предполагающих умысел и неосторожную форму вины, содержащих признаки основного или квалифицированного либо привилегированного состава преступления. Определение статьи, ее части, предусматривающей ответственность за инкриминируемое деяние, можно считать завершением первого этапа уголовно-правовой квалификации. Целью второго этапа квалификации преступлений против жизни является определение признаков состава преступления, сформулированных в статьях Общей части уголовного закона.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация; алгоритм; преступления против жизни; доведение до самоубийства; причинение смерти по неосторожности; простое убийство; квалифицированное убийство; убийство со смягчающими обстоятельствами.

CRIMES AGAINST LIFE: SYSTEM AND ALGORITHM OF QUALIFICATION

Annotation. The sequence of actions during the qualification of an act as a crime against life is defined in the article. The main stages of this process are the solution of the issues connected with the delineation of acts against life, provided by Chapter 16 and other chapters of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: causing death to another person and encouraging him (her) to commit suicide; involving intent and reckless form of guilt, containing the elements of the basic or qualified or privileged corpus delicti. The definition of the article and its part, providing the responsibility for the alleged act, can be considered as the completion of the first stage of the criminal law qualification. The purpose of the second stage of qualification of crimes against life is the determination of the elements of the crime defined in the articles of the General Part of the criminal law.

Keywords: criminal law qualification; algorithm; crimes against life; bringing to suicide; causing death by negligence; manslaughter; qualified homicide (murder); murder with extenuating circumstances.

Жизнь — одно из наиболее сложных понятий, в каком бы смысле — естественно-научном (биологическом), философском, социальном или ином — оно не использовалось. Оперируя такими категориями, как зарождение жизни на земле, способ бытия, формы проявления жизни, смысл жизни, качество жизни и т.д., представители разных наук уже давно пытаются выработать единое, общепризнанное определение данного понятия. Предпочитая ориентироваться на общетеоретические представления о понятии жизни, уголовное право как отрасль законодательства или науки никогда не претендовало и по

очевидным причинам не может претендовать на создание своего определения данного явления.

Однако столь же бесспорным является то, что уголовное право предполагает свой собственный аспект изучения жизни, в соответствии с которым оно относит ее к естественным, нематериальным, прирожденным, неотчуждаемым человеческим благам и характеризует его с позиций одного из важнейших объектов, нуждающихся в охране с помощью уголовно-правовых средств. Не затрагивая всего множества вопросов, возникающих в связи с этим перед уголовно-правовой

наукой*, можно с уверенностью утверждать, что часть из них непосредственно относится к разработке алгоритма принятия решения об уголовно-правовой квалификации деяния в качестве преступления против жизни, т.е. к определению последовательности и содержания взаимосвязанных между собой действий (набора конкретных инструкций), которые нужно выполнить, чтобы решить такую задачу.

Потребность в уголовно-правовой квалификации возникает только в отношении такого деяния, которое представляет общественную опасность и поэтому может или должно быть предусмотрено в УК РФ в качестве преступления. Решение вопроса о том, предусмотрено ли фактически в таком качестве инкриминируемое деяние, и если да, то какой именно статьей (статьями) УК РФ, представляет собой процесс, в котором все стадии уголовно-правовой квалификации целесообразно условно сгруппировать в два основных этапа. К первому, основному этапу, следует отнести такие стадии уголовно-правовой квалификации, целью которых является определение наличия признаков состава преступления,

формулируемых непосредственно в статьях Особенной части УК РФ. Ко второму этапу — определение наличия тех признаков состава преступления, которые формулируются статьями Общей части УК РФ.

Актуальность первого этапа обусловлена, в частности, тем, что жизнь нередко выступает объектом уголовно-правовой охраны не только в главе 16 УК РФ, но и в других главах Особенной части УК РФ: в главе 34, например, это подразумевается в ст. 357 (геноцид); в главе 32 — в ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа); в главе 31 — в ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование); в главе 29 — в ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) и т.д. Подразумевая наличие в других главах Особенной части УК РФ названных (обозначим их как «непрофильных») статей, в теории уголовного права обычно утверждается, что в них жизнь выступает не основным, как в главе 16 УК РФ, а дополнительным или факультативным объектом, и именно в силу двухобъектности они предусматривают повышенную ответственность за посягательство на жизнь в указанных случаях [1, с. 21-22]. Поддерживая такое мнение, при уголовно-правовой квалификации содеянного важно одновременно дать ответ и на вопрос о том, почему законодатель в «непрофильных» статьях основным объектом уголовно-правовой охраны признает не жизнь, а что-то иное (при геноциде — безопасность человечества; при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа — нормальную деятельность правоохранительных органов; при посягательстве на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, — нормальную деятельность суда и правоохранительных органов и т.д.).

Определяясь с тем, почему одним объектам законодатель отводит роль основного, а другому — неосновного (дополнительного или факультативного) объекта уголовно-правовой охраны состава преступления, следует обращать внимание не столько на их сравнительную ценность, сколько на то, является или не является причинение или попытка причинения вреда одному объекту способом посягатель-

* В их числе следует указать и вопросы о том, в каком качестве жизнь должна рассматриваться в связи с совершением преступления против жизни. В юридической литературе часто признают жизнь в качестве объекта этих преступлений, оставляя открытым вопрос о том, что в таком случае может или должно восприниматься как предмет преступления. Некоторые авторы предпочитают называть объектом преступлений не саму по себе жизнь, а общественные отношения, возникающие по поводу нее, охраняющие ее и т.д. Исходя из того, что объектом любого преступления выступает тот, в отношении кого оно совершается, автор данной статьи видит в предмете преступления материальное или нематериальное благо, незаконное обращение с которым причиняет или создает угрозу причинения вреда его обладателю, выступающего в качестве объекта преступления. Полагая, что под уголовно-правовую охрану ставится то благо, которое способно удовлетворять какую-либо потребность его обладателя и которое в преступлении играет роль его предмета, жизнь можно рассматривать как предмет посягательства и одновременно объекта уголовно-правовой охраны. Во избежание недоразумений автор данной статьи отдает предпочтение обозначению жизни в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

ства на другой объект. По подсчетам некоторых ученых, из 288 статей Особенной части УК РФ свыше 230 так или иначе в большей или меньшей степени подразумевают посягательство на жизнь или здоровье [1, с. 21]. Это, скорее всего, не учитывают авторы, усматривающие в данном случае «разногласие между положениями ст. 2 Конституции РФ о том, что человек – это высшая ценность, и УК РФ» и предлагающие исключить из УК РФ статьи 277, 295 и 317 УК РФ в силу того, что для охраны лиц, осуществляющих правосудие и государственное управление, достаточно п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ [2, с. 114-121].

В вышеперечисленных «непрофильных» статьях УК РФ, а также в иных статьях, в том числе в ст. 277 УК РФ, в которой речь идет о посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, лишение жизни другого человека – не самоцель, а способ воздействия на такие объекты уголовно-правовой охраны, посягательство на которые позволяет рассматривать деяние, как совершенное в отношении многих лиц. К числу таких деяний следует относить и случаи, когда в результате совершенного деяния непосредственно причиняется или может быть причинен вред многим лицам (например, создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (ст. 209 УК РФ), нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК РФ), нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ).

На первом этапе уголовно-правовой квалификации деяния в качестве преступления против жизни изначальной (первичной) должна быть такая стадия, на которой решается вопрос о том, является или не является посягательство на жизнь человека способом совершения преступления в отношении многих лиц. Положительный ответ на этот вопрос, с одной стороны, исключает возможность вменения таких статей Особенной части УК РФ, в которых посягательство на жизнь рассматривается как преступление, совершаемое в отношении отдельных лиц, а с другой – в этом случае становится востребованным алгоритм квалификации деяний, являющихся преступлениями, совершаемыми в отношении

многих лиц и перечисленными в разделах IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», X «Преступления против государственной власти», XI «Преступления против военной службы» и XII «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РФ*. Если же на поставленный вопрос о том, является ли посягательство на жизнь человека способом совершения преступления в отношении многих лиц, дается отрицательный ответ, то, напротив, тем самым исключается возможность квалификации деяний по разделам IX-XII УК РФ и в последующем предполагается использование другого алгоритма – квалификации деяний в качестве преступлений, совершаемых в отношении отдельных лиц.

Что является наиболее важным для характеристики данного алгоритма? Ответ очевиден: представления о круге деяний, образующих в Особенной части УК РФ подсистему преступлений против отдельных лиц. Несомненно, к ней относятся не только преступления против жизни, но и все иные преступления против личности (раздел VII УК РФ): преступления против здоровья (гл. 16 УК РФ); преступления против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ); преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ); преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ); преступления против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ). Перечисленные преступления объединяет то, что совершение любого из них выражается в посягательстве на такое благо, которое принадлежит конкретному индивиду и незаконное обращение с которым причиняет или способно причинить ему, как обладателю блага, определенный вред. Однако, по сути, то же самое имеет место при совершении преступлений в сфере экономики (раздел VIII УК РФ), с той лишь разницей, что здесь предполагается посягательство на иные по характеру – имущественные – блага, обладателями которых являются отдельные лица, как физические, но и юридические, т.е. различного рода коммерческие и некоммерческие организации, имеющие обособленное иму-

* Автор настоящей статьи планирует посвятить этому алгоритму отдельные исследования.

щество и отвечающие им по своим обязательствам, способные от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцами и ответчиками в суде (ст. 48 ГК РФ)*. Поскольку понятие преступлений против отдельных лиц охватывает деяния двух разных — VII и VIII — разделов Особенной части УК РФ, то вполне закономерно возникает потребность в разграничении преступлений против личности и преступлений в сфере экономики. Данная стадия предполагает существование в процессе уголовно-правовой квалификации и соответствующей ее стадии, в рамках которой с целью такого разграничения должен быть поставлен и решен вопрос о том, является или не является инкриминируемое деяние посягательством на нематериальные блага.

При решении данного вопроса следует исходить из ст. 150 ГК РФ, согласно которой к числу нематериальных благ должны относиться жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом.

* Это касается и государственной собственности, в отношении которой могут осуществлять права определенные органы и лица (ст. 125 ГК РФ) или государственные предприятия и учреждения, за которыми было закреплено имущество, находящееся в государственной собственности (ст.ст. 294, 296 ГК РФ). Согласно ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами. К таким субъектам гражданского права применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

С этой точки зрения не должно признаваться нематериальным благо, которое может отчуждаться или передаваться иным образом. При посягательстве на такое благо речь уже может идти о принадлежащих отдельным лицам материальных благах, уголовно-правовая охрана которых предусмотрена разделами VIII УК РФ и, как следствие, о разграничении преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ), преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ). Посягательство же на нематериальное благо, определяемое ст. 150 ГК РФ как принадлежащее гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемое и непередаваемое иным способом благо, означает, что инкриминируемое деяние может подпадать под признаки какой-либо статьи, содержащейся в разделе VII УК РФ.

Поскольку в системе Особенной части УК РФ все предусмотренные данным разделом преступления распределены по пяти его главам, то возникает необходимость выделения в уголовно-правовой квалификации стадий, на которых с учетом различий между этими главами осуществляется определение той из них, в которой может содержаться статья, предусматривающая ответственность за конкретно совершенное деяние. При этом необходимо руководствоваться следующим:

1) интересующие нас в данном случае преступления (перечисленные в гл. 16 УК РФ) отличаются от преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина не тем, что первые не предполагают, а вторые предполагают нарушение предусмотренных Конституцией РФ прав и свобод, а тем, что в последнем случае под уголовно-правовую защиту ставятся блага, принадлежащие гражданину в силу закона, а не от рождения, как это предусмотрено во всех других главах раздела VII, в том числе в гл. 16 УК РФ;

2) ставя под уголовно-правовую защиту в данном разделе Особенной части, и в частности в гл. 16 УК РФ, принадлежащие от рождения блага, обладателями которых способны быть любые физические лица, вне зависимости, в том числе, от их возраста и семейного положения, законодатель впервые в УК РФ обособил гл. 20,

в которой под уголовно-правовую охрану поставлено то, что может принадлежать не любому физическому лицу, а только несовершеннолетнему или (и) члену семьи (право на надлежащее воспитание, материальное содержание и т.д.);

3) глава 16 УК РФ отличается от всех других глав раздела VII УК РФ, в том числе от глав 17 и 19, специфическим характером благ, поставленных под уголовно-правовую охрану (связанностью с состоянием биологического организма человека).

На практике обычно не возникает сложностей с отграничением преступлений, предусмотренных гл. 16, от иных преступлений против личности. Это, однако, не дает основания не включать в алгоритм квалификации деяния в качестве преступлений против жизни решение вопросов о том, природным или приобретенным является нематериальное благо, на которое посягает преступление, зависит или не зависит возможность обладания данным благом от возраста и семейного положения посягающего, связано или не связано оно непосредственно с его физическим, психическим и психофизическим состоянием.

Лишь после того, как получены ответы на все данные вопросы, в процессе уголовно-правовой квалификации возникает необходимость определения дальнейшей последовательности действий применительно к выбранной конкретной главе раздела VII УК РФ, а в данном случае — к гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья». Характеристика последовательности действий применительно к этой главе осложняется тем, что в юридической литературе не сложилось единство мнений относительно того, сколько видов (групп) преступлений здесь обособляется. Признавая предпочтительной позицию авторов, придерживающихся двухчленного деления и различающих лишь преступления против жизни и преступления против здоровья, на данной стадии уголовно-правовой квалификации следует сразу же поставить и решить вопрос о том, на какое именно благо — на жизнь или на здоровье — посягает квалифицируемое деяние. Более обоснованное мнение отстаивается сторонниками трехчленного деления, при котором, помимо двух указанных видов, выделяются еще так называемые преступления, «ставящие в опасность жизнь или

здоровье» [см., напр.: 3, с. 81]. Более корректным представляется именовать эти преступления как поставление в опасное для жизни или здоровья состояние либо оставление в таком состоянии.

Если ориентироваться на вторую точку зрения, то сначала преступления против жизни нужно отграничить от преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье, а только затем — от преступлений против здоровья*. Но как при двухчленном, так и при трехчленном делении в качестве преступлений против жизни имеются в виду следующие уголовно наказуемые деяния: 1) убийство (ст. 105 УК РФ), 2) убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), 3) убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), 4) убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 101.2 УК РФ).

Характеризуя преступления против жизни применительно к УК РФ, их обычно подразделяют в зависимости от формы вины на убийства и иные преступления против жизни. Безусловно, такая классификация имеет смысл, но при разработке алгоритма уголовно-правовой квалификации на данной стадии должен решаться вопрос не о том, является или не является содеянное убийством, а для начала о том, что именно послужило или могло послужить непосредственной причиной смерти:

* Преступления против жизни и преступления против здоровья отличаются от преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье, в частности тем, что в первом случае жизнь и здоровье ставятся под уголовно-правовую охрану отдельно друг от друга, безальтернативно; во втором случае — альтернативно в рамках одного состава преступления. Однако при уголовно-правовой квалификации больший интерес представляет специфика последствий деяния, которые могут выражаться в одном случае в причинении или создании угрозы причинения вреда жизни или здоровью, а в другом — в создании опасности причинения вреда.

инкриминируемое виновному деяние или действия самого потерпевшего? В иной формулировке это вопрос о том, что отличает все виды убийства и неосторожное лишение жизни другого человека от доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и недавно включенные в уголовный закон новые составы. Первый из них — это склонение к совершению самоубийства или содействие ему (ст. 110.1 УК РФ); второй — организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

В случаях, когда смерть или покушение на лишение жизни были следствием действий самого потерпевшего, необходимо говорить не о причинении (деяние есть причина) смерти другому человеку, а о суициде, при котором уголовная ответственность для другого лица наступает в трех случаях: 1) при доведении потерпевшего до самоубийства, предполагающем угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего (ст. 110 УК РФ); 2) при склонении к совершению самоубийства, осуществляемом путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, т.е. при угрозах, жестоким обращении и систематической унижении человеческого достоинства (ст. 110.1 УК РФ); 3) при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Различие между этими составами преступления состоит в том, каким образом (каким способом, в какой форме и т.п.) виновным осуществляется побуждение другого лица к совершению им самоубийства: в ст. 110 УК РФ предполагается создание таких условий, при которых человек помимо своей воли вынужденно решается на суицид; в ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ — используется ненасильственное психическое воздействие, направленное на принятие человеком решения о самоубийстве по собственной воле.

Если имеет место или предполагается не суицид, а совершение деяния, результатом которого являлось непосредственное причинение или угроза причинения

смерти другому лицу, то подразумевается стадия уголовно-правовой квалификации, на которой должен быть решен вопрос о наличии умысла на причинение смерти другому лицу. При этом необходимо руководствоваться ст. 25 УК РФ. Она не дает общего определения данной формы вины, но, различая прямой и косвенный умысел, формулирует их обязательные признаки.

Отсутствие данных признаков означает отсутствие умысла, что служит основанием для выяснения причинения смерти другому лицу с другой формой вины — по неосторожности (ст. 26 УК РФ). В данном случае отсутствие неосторожности — это отсутствие вины, а следовательно, и состава преступления, что позволяет завершить процесс уголовно-правовой квалификации с соответствующим выводом. Если констатируется наличие неосторожности, то в определенной последовательности подлежат решению вопросы о возможности вменения ст. 109 УК РФ. При этом: а) первоначально выясняется наличие оснований для квалификации деяния по ч. 3 данной статьи, т.е. как причинение смерти по неосторожности двум или более лицам; б) при отсутствии таких оснований устанавливается наличие или отсутствие оснований для признания деяния причинением смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2) и в) только потом, при отсутствии и этих оснований решаются вопросы о возможности квалификации деяния по ч. 1 ст. 109 УК РФ, т.е. как причинение смерти по неосторожности.

Своя логика и последовательность действий предполагается в случаях, когда с учетом конкретных обстоятельств дела правоприменитель приходит к выводу об умышленном причинении или создании угрозы причинения смерти другому человеку. Это, с одной стороны, исключает квалификацию деяния как причинение смерти по неосторожности и как невиновное причинение смерти, а с другой стороны, требует выяснения наличия в материалах уголовного дела обстоятельств для вменения привилегированного состава умышленного причинения смерти другому человеку. Согласно действующему УК РФ к числу таковых относятся составы, предусмотренные ст. 106 (убийство матерью новорож-

денного), ст. 107 (убийство, совершенное в состоянии аффекта), ч. 1 ст. 108 (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны), ч. 2 ст. 108 (убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление). Во всех случаях в качестве оснований для смягчения санкций предполагаются обстоятельства, которые: а) всегда возникают помимо воли виновного; б) по характеру могут быть субъективными (убийство матерью новорожденного ребенка; убийство, совершенное в состоянии аффекта) или объективными, внешними (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны; убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление); в) обуславливают существенное снижение тяжести уголовно-правовых санкций (вместо «до 15 лет» — до 4, 3 или даже до 2 лет); г) при квалификации содеянного не образуют своей совокупности; д) влекут уголовную ответственность за совершенное привилегированное убийство при условии достижения виновным 16-летнего возраста; е) имеют приоритет по отношению к основаниям для признания убийства квалифицированным.

Поскольку в соответствии с существующими правилами при конкуренции смягчающих и отягчающих обстоятельств при уголовно-правовой квалификации предпочтение должно отдаваться смягчающим обстоятельствам, то о возможности вменения ст. 105 УК РФ может идти речь только при условии отсутствия таких обстоятельств. А поскольку при конкуренции простого и квалифицированного составов подлежит вменению квалифицированный состав, то выяснение возможности применения ст. 105 УК РФ должно начинаться с решения вопроса о наличии (отсутствии) обстоятельств, указанных в ч. 2 данной статьи. На этой стадии уголовно-правовой квалификации следует учитывать то, что законодатель: 1) придает каждому из этих обстоятельств значение самостоятельного основания для признания убийства квалифицированным, а потому при наличии нескольких обстоятельств все они подлежат вменению и отражению при уголовно-правовой квалификации содеянного; 2) предполагает, что некоторые обстоятельства по отношению друг к другу мо-

гут иметь взаимоисключающий характер; 3) не допускает возможность расширения установленного перечня таких обстоятельств за счет включения в него тех, которые прямо не указаны в ч. 2 ст. 105 УК РФ; 4) исходя из однотипности общественной опасности выделенных квалифицированных видов убийств, предусматривает для них единую санкцию, не поддержав тем самым идею деления убийств на квалифицированные и особо квалифицированные виды; 5) объединяя общим перечнем различные по содержанию обстоятельства, определенным образом сортирует их в зависимости от принадлежности к тому или иному элементу состава преступления: в одну группу включены обстоятельства, отражающие специфику направленности посягательства (пп. «а» — «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ); в другую группу — обстоятельства, непосредственно касающиеся способа посягательства (пп. «д» — «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), в третью группу — обстоятельства, характеризующие мотивы или цели лишения жизни (пп. «е. 1» — «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Многообразие обстоятельств, способных обуславливать вменение ч. 2 ст. 105 УК РФ, ставит вопрос о последовательности их рассмотрения и учета при уголовно-правовой квалификации содеянного. Логика этой последовательности требует выяснения в первую очередь возможности вменения такого квалифицированного вида, как совершение убийства двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Если основания для вменения данного обстоятельства отсутствуют, то в этом случае при вменении иных квалифицирующих обстоятельств необходимо, помимо прочего, принимать во внимание правило взаимной исключаемости некоторых из них. Именно данное правило имеется в виду в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1: «По смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпев-

шего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ»*.

В том случае, если содеянное подлежит квалификации как совершение убийства двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ исходит из того, что в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Отсутствие совокупности, однако, не следует воспринимать так, что возможность вменения всех иных, указанных в ч. 2 ст. 205 УК РФ квалифицирующих признаков должна увязываться с совершением лишь какого-то одного из деяний, образующих убийство двух или более лиц. В отношении каждого убийства, обуславливающего применение п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, должен рассматриваться вопрос о его совершении при отягчающих обстоятельствах, в том числе непосредственно относящихся к мотивам и целям посягательства. Но если это так, то при вменении двух или более убийств, например, первое из них может квалифицироваться как совершенное из корыстных или из хулиганских побуждений (пп. «з», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а второе — как совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В случаях, когда исключается вменение квалифицированного вида убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), подлежит решению вопрос о возможности квалификации деяния по ч. 1 ст. 105 УК РФ, т.е. как так называемого простого убийства. Раскрывая его признаки, законодатель ограничивается указанием на то, что таковым нужно признавать умышленное причинение смерти другому человеку. Недостатками этой формулировки является не только то, что она должна быть дополнена признаком противоправности, но и то, что игнорирует различия между общим понятием убийства и понятием простого убийства. Умышленное причинение смерти другому человеку подразумевается при любом виде убийства, и с этой точки зрения данная формулировка есть определение общего понятия убий-

ства. Будучи разновидностью убийства, простое убийство должно включать в себя не только что-то общеобязательное, но и что-то дополнительное, отличительное. Что именно?

Исходя из того, что в ст. 105 УК РФ простое убийство имеет значение основного состава, его отличие от квалифицированных или привилегированных видов убийств может выражаться только в одном — в отсутствии в нем признаков, служащих основанием для вменения квалифицированных или привилегированных видов убийств. Иначе говоря, простое убийство — это убийство, совершенное, в частности, одним лицом (без признаков группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группой), в отношении одного потерпевшего (без признаков двух или более лиц), способом, лишенным признаков общественной опасности и жестокости, при обстоятельствах, не связанных с состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, и т.д. На практике в качестве простого убийства квалифицируются случаи лишения жизни, совершенные в драке, ссоре, на дуэли, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти. Простое убийство нередко вменяется также при детоубийстве, ритуальном убийстве и убийстве, осуществляемом с согласия или по просьбе потерпевшего, в том числе медицинскими работниками.

Определение статьи, ее части, предусматривающей ответственность за инкриминируемое деяние, можно считать завершением первого этапа уголовно-правовой квалификации. Это служит, помимо прочего, обязательной предпосылкой для решения вопросов на втором этапе уголовно-правовой квалификации. Одна часть таких вопросов, сравнительно небольшая, может быть связана с выяснением наличия признаков состава преступления, формулируемых непосредственно в статьях Общей части УК РФ (например, относительно минимального возраста привлечения к уголовной ответственности по конкретной статье Особенной части УК РФ), другая — с установлением возможности применения ряда институтов Общей части УК РФ, и прежде всего института соучастия, предполагающего ссылку на ст. 33 УК РФ в случаях, когда деяние лица квалифицируется как организация, подстрекательство или

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. N 3.

пособничество совершению преступления. В соответствии со ст. 29 УК РФ и при квалификации деяния в качестве неоконченного преступления должна быть ссылка, но уже на ст. 30 УК РФ. Иногда возникает необходимость в определении возможности при-

менения других институтов Общей части: обстоятельств, исключающих преступность деяния, множественности преступлений и т.д. Во всех этих случаях должны использоваться свои алгоритмы и стадии уголовно-правовой квалификации.

Список литературы

1. Винокуров В.Н. Жизнь человека как объект преступления: система Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. N 12. С. 114-121.
2. Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. Т. 2: Особенная часть.
3. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / отв. ред. ЛЛ. Кругликов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012.

МОРОЗОВ В.И., MOROZOV V.I.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
заслуженный юрист associate professor,
Российской Федерации, Honored Lawyer of the Russian Federation,
vik-mor@mail.ru vik-mor@mail.ru
Кафедра правовой подготовки Chair of legal training
сотрудников органов внутренних дел; of law enforcement officers;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации сотрудников of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних of the Russian Federation,
дел Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 Russian Federation

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП И МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК ФОРМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье содержится анализ новелл уголовного закона, касающихся уголовной ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп. Отмечено различное содержание термина «взяточничество» в статьях 291.1 и 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обосновывается вывод о том, что включение в отечественное законодательство норм об уголовной ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп не способствует повышению эффективности общего и специального предупреждения преступлений коррупционной направленности, а также то, что содержание основных объектов уголовно-правовой охраны глав 23 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации не дает оснований для выделения мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества в самостоятельные составы преступлений. Аргументируется, что рассматриваемые новеллы в определенной степени способствуют безнаказанности коррупционных проявлений, в том числе в деятельности правоохранительных органов. Предложены новые редакции статей, предусматривающих ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, в случае их сохранения в кодексе.

Ключевые слова: уголовная ответственность; мелкий коммерческий подкуп; мелкое взяточничество; общее предупреждение преступлений; специальное предупреждение преступлений; уголовно-правовые средства противодействия коррупции.

TO THE QUESTION OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR A MINOR COMMERCIAL BRIBERY AND PETTY BRIBERY AS A FORM OF COMBATING CORRUPTION

Annotation. The article contains the analysis of the novels of criminal law concerning the criminal liability for petty bribery and petty commercial bribery. A different content of the term "bribery" in the articles 291.1 and 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is noted. The author substantiates the conclusion that including the norms on criminal liability for petty bribery and minor commercial bribery into domestic legislation does not contribute to increasing the effectiveness of general and special prevention of corruption-related crimes, as well as the fact that the content of the main objects of the criminal law protection of Chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation does not give grounds for distinguishing minor commercial bribery and petty bribery into independent crimes. It is argued that, to a certain extent, the analyzed novels contribute to the impunity of corruption crimes, including corruption in law enforcement agencies. A new wording of the articles providing the responsibility for minor commercial bribery and petty bribery is proposed.

Keywords: criminal liability; minor commercial bribery; petty bribery; general crime prevention; special crime prevention; criminal legal means of combating corruption.

Противодействие коррупции является важнейшей задачей любого демократического государства, в том числе Российской Федерации. Высокий уровень коррупции в России отмечается как отечественными, так и зарубежными специалистами. Особую

общественную опасность представляет коррупция в правоохранительных органах, не являющаяся, к сожалению, в этой среде редкостью. Так, по данным Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки, в 2016 году за совершение коррупционных

преступлений осуждено 9932 лица, из которых 984 должностных лица – сотрудники правоохранительных органов. При этом отмечается высокий уровень латентности данного вида преступности в правоохранительных органах*. По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, взяточничество и коммерческий подкуп составляют более половины всех зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации**.

Противодействие преступности, в том числе и коррупционной, невозможно представить без использования такой формы, как уголовная ответственность. Как справедливо отмечает И.Я. Козаченко, «для противодействия коррупции нужна тяжелая, в том числе и уголовно-правовая “артиллерия”» [1, с. 71].

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УК РФ был дополнен двумя новыми статьями – 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп» и 291.2 «Мелкое взяточничество»***. Такое решение законодателя воспринимается неоднозначно. Термин «взяточничество», по сути, не являлся уголовно-правовым до включения в УК РФ ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Исходя из «логики, заложенной в диспозиции этой статьи, можно сделать вывод о том, что под взяточничеством понимается процедура дачи и получения взятки, а также посредничества при передаче предмета взятки» [2, с. 47]. Однако, исходя из содержания ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество», под взяточничеством следует понимать только получение и дачу взятки. Таким образом, перед нами очередной недостаток в законодательной технике – одним и тем же термином определены различные по содержанию явления.

* См.: Генпрокуратура: коррупционеры вернули государству более 50 млрд. рублей. URL: <http://www.rusvesna.su/economy/1481199330>

** См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150&item=2881>

*** Рос. газ. 2016. 8 июля.

Вряд ли вызывает сомнение то, что и мелкий коммерческий подкуп, и мелкое взяточничество следует относить к преступлениям коррупционной направленности, однако в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» к таковым отнесены только дача взятки, получение взятки и коммерческий подкуп. Следует согласиться с высказанным в литературе предложением о включении в перечень коррупционных преступлений мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества [2, с. 51].

Внесение изменений в уголовное законодательство должно способствовать достижению целей уголовной ответственности. Какие же цели преследовались при внесении анализируемых нами изменений? Согласно позиции законодателя принятие данных новелл должно привести к усилению уголовной ответственности за коррупционные преступления. Однако анализ санкций уже существовавших ст.ст. 204, 290, 291 и 291.1 УК РФ, подвергшихся изменению, показал, что в некоторых случаях произошла либерализация наказания [3, с. 92].

Что же касается обоснования выделения в отдельные составы преступлений мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, то это мотивировалось тем, что в 2012-2015 гг. подавляющее большинство уголовных дел по факту коммерческого подкупа, дачи или получения взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей. Учитывая небольшую общественную опасность таких преступлений и принимая во внимание необходимость реализации принципа справедливости при назначении уголовного наказания за эти деяния, статьями 204.2 и 291.2 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за коммерческий подкуп, дачу или получение взятки, размер которых не превышает десяти тысяч рублей. При этом в санкциях данных статей устанавливается более мягкое наказание, чем предусмотрено санкциями ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291 УК РФ****.

**** Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/51981>

Фактически в соответствии с действующей редакцией УК РФ, общественная опасность взяточничества и коммерческого подкупа зависит от размера взятки или коммерческого подкупа. Однако основным объектом посягательства при даче и получении взятки является нормальная деятельность публичного аппарата управления, его авторитет [4, с. 189-190], а при коммерческом подкупе – функционирование управленческого аппарата коммерческих и иных организаций [5, с. 52]. Иначе говоря, при совершении таких преступлений подрывается авторитет сложившейся в современной России системы управления. Неужели от дачи взятки предпринимателем в размере, составляющем несколько десятков тысяч рублей, авторитет системы управления страдает больше, чем когда взятку в размере, составляющем несколько тысяч рублей (не более 10 тысяч), вынужден дать пенсионер? Учитывая, что для последнего эта сумма более значима, чем для предпринимателя несколько десятков тысяч рублей, поскольку их доходы несопоставимы, при мелком взяточничестве авторитет управленческого аппарата страдает не меньше.

Таким образом, анализ содержания основного объекта посягательства при взяточничестве и коммерческом подкупе не дает оснований для выделения мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа в самостоятельные составы преступлений. Прямая зависимость уголовной ответственности от размера взятки или коммерческого подкупа уже порождает в среде ученых предложения об отнесении мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества к административному правонарушению по аналогии с мелким хищением и мелким хулиганством [6, с. 47]. С точки зрения логики предложение вполне обоснованное, но по существу оно вряд ли приемлемо, учитывая основной объект уголовно-правовой охраны и наличие очевидной общественной опасности подобных деяний.

Основной утилитарной целью уголовной ответственности является общее и специальное предупреждение преступлений. Следует поддержать точку зрения ученых, согласно которой исправление лица, совершившего преступление, является не «целью – результатом», а «целью

– средством» при привлечении к уголовной ответственности [7, с. 36; 8, с. 24].

Под общим предупреждением преступлений нами понимается психолого-воспитательное воздействие, оказываемое как на сознательном, так и на подсознательном уровне законодательством криминально-правового комплекса, а также практикой его применения и собственно уголовным наказанием, направленное на удержание граждан от совершения преступлений. Речь в данном случае идет о криминально активном населении (то есть о тех лицах, которые в случае совершения ими преступления могли бы быть привлечены к уголовной ответственности), за исключением тех, кто подвергается за совершенное деяние специально-предупредительному воздействию. Наибольшее влияние на успешность такого воздействия оказывает неотвратимость уголовного наказания и устрашающее воздействие угрозы привлечения к уголовной ответственности и наказания.

Учитывая, что при отсутствии специального рецидива за мелкий коммерческий подкуп лишение свободы вообще не предусмотрено, а за мелкое взяточничество максимальный срок лишения свободы не превышает одного года, «устрашающий» потенциал санкций ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ минимален. В связи с высокой латентностью данного вида преступности обеспечение неотвратимости ответственности маловероятно. Таким образом, общепредупредительное воздействие анализируемых норм является низкоэффективным.

Под специальным предупреждением преступлений следует понимать психолого-воспитательное воздействие на лицо, совершившее преступление, оказываемое в процессе применения к нему мер, предусмотренных законодательством криминально-правового комплекса, как на сознательном, так и подсознательном уровне, с целью его удержания от совершения новых преступлений. Основным показателем эффективности этого вида предупреждения преступлений является отсутствие рецидива.

В случае получения взятки или коммерческого подкупа достижению этой цели способствует такой вид наказания, как запрет занимать определенные должности. Однако этот вид наказания в санкциях

ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ вообще не предусмотрен (в отличие от ст. 204 и ст. 290 УК РФ). Более того, закрепление в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ такого квалифицирующего обстоятельства, как наличие судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 290, 291 и 291.1, 291.2 УК РФ, предполагает, что должностное лицо, осужденное за взяточничество, может сохранить свою должность. А если после увольнения со службы имеющий судимость взяточник займет управленческую должность в коммерческой или иной организации и вновь займется поборами, то наличие судимости за взяточничество не будет даже квалифицирующим обстоятельством, поскольку в ч. 2 ст. 204.2 УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства предусмотрена судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 204, 204.1 и 204.2 УК РФ. Учитывая сказанное, вызывает сомнение то, что законодатель стремился к достижению цели специального предупреждения преступлений, конструируя нормы, предусматривающие уголовную ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество.

Анализ квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ, также вызывает много вопросов. Остается неясным, почему получение вознаграждения на сумму не более 10 тысяч рублей за совершение незаконных действий группой лиц, в том числе организованной, или лицом, занимающим государственные должности, либо сопряженное с вымогательством предмета взятки или коммерческого подкупа, не повышает, согласно логике законодателя, общественной опасности содеянного. Вряд ли можно поддержать такую позицию. Учитывая правила назначения наказания по совокупности преступлений и максимальные размеры санкций ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ, общественную опасность содеянного значительно повышает и систематическое совершение подобных деяний, под которым следует понимать совершение одним и тем же лицом не менее трех преступлений, предусмотренных анализируемыми уголовно-правовыми нормами, при условии, что ни за одно из этих преступлений еще не было судимо и не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за все эти деяния.

Необходимо обратить внимание еще на одну «небрежность», допущенную при описании преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 204.2 УК РФ. В отличие от ст. 291.2 УК РФ, диспозиция которой имеет описательный характер, в ней не определено, что понимается под коммерческим подкупом, то есть диспозиция является простой. Еще больше запутывают правоприменителя в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ слова «Те же деяния», то есть получение взятки, дача взятки. При этом ч. 2 ст. 204.2 УК РФ изложена следующим образом: «То же деяние». В таком случае непонятно, о даче или получении коммерческого подкупа идет речь в данной статье. Очевидно, и о том, и о другом. В связи с этим представляется, что диспозиция ст. 204.2 УК РФ должна носить описательный характер, и в ней необходимо указать, что под мелким коммерческим подкупом понимается «получение коммерческого подкупа, дача коммерческого подкупа...». Часть вторую данной статьи следует начать словами «Те же деяния...».

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменены статьи 290 и 204 УК РФ, в соответствии с которыми взятка или коммерческий подкуп получают (передаются) лично или через посредника, в том числе когда они по указанию взяткополучателя или получателя коммерческого подкупа передаются иному физическому или юридическому лицу. Однако, формулируя в этом же законе ст.ст. 291.2 и 204.2 УК РФ, законодатель не придерживается таких конструкций. Так, в статье 291.2 определено, что мелкая взятка получается (передается) лично или через посредника. И умалчивается о том, имеет ли место состав преступления, если взятка в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, по указанию взяткополучателя передается другому физическому или юридическому лицу. Исходя из буквального толкования уголовного закона, состав мелкого взяточничества в этом случае отсутствует. Думается, что, внося изменения, законодатель вряд ли преследовал цель изменить признаки субъекта получения мелкой взятки.

Что же касается мелкого коммерческого подкупа, то в этой норме вообще

не определяется, как уже подчеркивалось выше, что под ним понимается и как он может осуществляться. Кроме того, неясно, является ли субъектом получения мелкой взятки иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации. Как представляется, эти проблемы возникли в связи с нарушением методологических основ построения уголовно-правовых норм.

Учитывая, что в уголовном законе предусмотрена ответственность за дачу и получение взятки (ст.ст. 290, 291 УК РФ), а также за дачу и получение коммерческого подкупа, не было необходимости заново формулировать эти понятия. Это лишь породило трудности и противоречия, которые возникают при применении законодательных новелл. В таких случаях норма должна носить ссылочный характер, то есть в ст. 204.2 УК РФ следует указать: «получение коммерческого подкупа, дача коммерческого подкупа на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей...», а в ст. 291.2 УК РФ — «получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей». В этом случае для уяснения понятия дачи взятки, получения взятки либо коммерческого подкупа, а также всех признаков состава преступления, за исключением суммы взятки либо коммерческого подкупа, правоприменитель должен обратиться к ст.ст. 290, 291, 204 УК РФ. Это позволит соблюсти такой принцип законодательной техники, как «экономия текста закона», и устранить указанные выше противоречия и проблемы применения ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ.

Явной ошибкой законодателя является указание в санкции ч. 2 ст. 291.2 УК РФ на возможность назначения исправительных работ на срок до трех лет, учитывая, что в ч. 2 ст. 50 УК РФ предусмотрено, что исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет.

Какие же цели преследовал законодатель, включая в УК РФ ст.ст. 204.2 и 291.2? Видимо, правы авторы, предполагающие, что «законодатель в данном случае учел в первую очередь интересы правоприменителя, работающего со статистическими данными... поскольку группировать эти преступления в зависимости от сумм достаточно затруднительно». Сложно с ними не согласиться и в том, что «это ни-

как не соответствует принципам юридической техники» [3, с. 94]. При этом было бы целесообразнее выделить в самостоятельные особо квалифицированные составы преступлений дачу (получение) взятки и дачу (получение) коммерческого подкупа в особо крупных размерах. В настоящее время, учитывая, что получение взятки и коммерческого подкупа (в том числе мелких) — частный случай злоупотребления полномочиями (ст.ст. 201, 285 УК РФ) [9, с. 215], мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество являются привилегированными составами служебных преступлений.

Относительно противодействия мелкому взяточничеству в правоохранительных органах следует отметить, что отнесение мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа к категории преступлений небольшой тяжести вряд ли будет стимулирующим фактором для проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению лиц, их совершающих. В связи с этим в настоящее время нет оснований ожидать активизации деятельности по изобличению, в частности, тех должностных лиц правоохранительных органов, которые занимаются поборами на дорогах, при сдаче экзаменов на право управления автотранспортом, при выдаче различных разрешений и т.д.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что выделение в УК РФ самостоятельной уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество криминологически не обосновано, не способствует достижению целей уголовной ответственности и повышению эффективности использования уголовно-правовых средств в противодействии коррупции.

В целях совершенствования механизма уголовно-правового регулирования, при условии сохранения привилегированных уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, в диспозиции ч. 1 ст. 204.2 необходимо указать на обязательность отсутствия квалифицирующих признаков, предусмотренных чч. 3 и 7 ст. 204 УК РФ, а в диспозиции ч. 1 ст. 291.2 УК РФ — на отсутствие квалифицирующих признаков, предусмотренных чч. 3, 4 и 5 ст. 290, а

также чч. 3 и 4 ст. 291 УК РФ. Части вторые ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ следует дополнить таким квалифицирующим признаком, как систематическое совершение деяний, предусмотренных частями первыми данных статей. В санкциях этих статей УК РФ необходимо предусмотреть обязательное дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Таким образом, диспозиция ст. 204.2 УК РФ может быть изложена в следующей редакции:

«Статья 204.2. Мелкий коммерческий подкуп

1. Получение коммерческого подкупа, дача коммерческого подкупа на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 3 и 7 статьи 204 настоящего Кодекса, –

наказывается...

2. Те же деяния, совершенные систематически или лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, пред-

усмотренных статьями 204, 204.1, 290, 291, 291.1, 291.2 настоящего Кодекса либо настоящей статьей, –

наказываются...».

В свою очередь, диспозицию ст. 291.2 УК РФ следует изложить так:

«Статья 291.2. Мелкое взяточничество

1. Получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 3, 4 и 5 статьи 290, частями 3 и 4 статьи 291 настоящего Кодекса, –

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные систематически или лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса либо настоящей статьей, –

наказываются...».

Представляется, что учет этих предложений позволит повысить эффективность использования уголовно-правовых средств в противодействии коррупции, в том числе и в правоохранительных органах.

Список литературы

1. Козаченко И.Я. Нищета коррупционной психологии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 2 (40). С. 66-72.
2. Сабанин С.Н., Лепихин М.О. Соотношение понятий «коррупция» и «посредничество во взяточничестве» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 4 (38). С. 46-52.
3. Алексеева А.П., Иванов А.С. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. N 3. С. 91-96.
4. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. 368 с.
5. Сумачев А.В., Морозов В.И. Преступления против службы в коммерческих и иных организациях. Тюмень, 2010.
6. Гончаров Д.А., Зырянова Ж.Е. Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Викимнология. 2016. N 4 (10). С. 46-50.
7. Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, 2000. 88 с.
8. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М, 1990. 142 с.
9. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. 304 с.

ЕРМАКОВА О.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
ermakova_alt@mail.ru
Кафедра уголовного права
и криминологии;
Барнаульский юридический
институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ERMAKOVA O.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
ermakova_alt@mail.ru
Chair of criminal law
and criminology;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

КОНСТРУКЦИИ СОСТАВОВ И МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДСТРЕКАТЕЛЬСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления вида конструкций составов и момента окончания подстрекательских действий, ответственность за совершение которых предусмотрена Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации. Учитывая тот факт, что законодателем для описания таких деяний используются отглагольные существительные, обладающие двойственным значением процесса совершения деяния и его результата, автор статьи уделяет особое внимание этимологическому значению терминов, используемых законодателем для описания деяния. Детально проанализированы соответствующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также судебные решения по данной категории дел.

Ключевые слова: конструкция состава оконченного преступления; усеченный состав преступления; момент окончания преступления; подстрекательские действия; подстрекатель.

THE STRUCTURE OF THE CORPUS DELICTI AND THE MOMENT OF THE COMPLETION OF THE CRIMES PROVIDING LIABILITY FOR INCITEMENT

Annotation. The article deals with the problem of establishing the type of the structure of elements of crimes and the moment of the completion of the incitement actions, the liability for the commission of which is provided by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Considering the fact that the legislator uses verbal nouns for describing such acts, which can have a dual meaning of the process of committing the act and its result, the author of the article paid special attention to the etymological meaning of the terms used by the legislator to describe the act. The corresponding decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the judicial decisions on this category of cases, are analyzed in detail.

Keywords: elements of the completed crime; inchoate crime; the moment of the completion of crime; incitement actions; inciter.

В настоящее время достаточно распространенным направлением уголовной политики выступает выделение в Особенной части УК РФ в качестве самостоятельных преступлений действий подстрекателя (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Это подтверждается тем, что большинство внесенных в Особенную часть УК РФ изменений связано с нормами, предусматривающими ответственность подстрекателя в отдельных видах преступлений (например, преступления террористической направленности, экстремистской направленности, против жизни и т.д.).

Анализ УК РФ позволяет отнести к составам, предусматривающим ответствен-

ность за подстрекательство, следующие: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ); торговля людьми (в части вербовки) (ст. 127.1 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ); оказание противоправного влияния на результат официального спортив-

ного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ); склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ); склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ); вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ).

Вопрос о видах конструкций составов оконченных преступлений, используемых законодателем в данных составах, а соответственно, и о моментах окончания преступлений относится к числу дискуссионных. Единственным является то, что большинство данных составов не являются материальными, поскольку диспозиции выделенных статей не содержат указания на преступные последствия, с которыми бы связывался момент окончания преступления (исключение составляет состав доведения до самоубийства, закрепляющий последствия в виде самоубийства потерпевшего либо покушения на него).

В этой части достаточно спорными представляются разъяснения Пленума Верховного Суда относительно квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, следующего содержания: «Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по независящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ, либо ст. 151 УК РФ»* (курсив наш. — О.Е.). Очевидно, что данное разъяснение не соответствует законодательной редакции диспозиций статей 150 и 151 УК РФ, в которых

последствия совершения преступлений не получили юридического выражения.

Верховный Суд РФ неоднократно корректировал разъяснения момента окончания преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия.

Например, согласно постановлению Пленума Верховного Суда от 14 февраля 2000 г. N 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (в настоящее время утратило силу) момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий не зависел от того, совершил ли несовершеннолетний какое-либо из указанных противоправных действий**.

В пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» момент окончания вовлечения связывается с моментом совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий.

В постановлении от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» Верховный Суд РФ придерживается предыдущей позиции, не связывающей момент окончания подстрекательских действий с поведением склоняемого лица. В частности, в нем указывается: «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с це-

* О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. N 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 4.

** О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февр. 2000 г. N 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. N 4.

люю принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог»*.

Подобная «мобильность» момента окончания преступлений, предусматривающих ответственность подстрекателя, не только приводит к неоднозначному толкованию норм уголовного закона, но и вызывает сложности в определении конструкции составов преступлений, поскольку установление момента окончания преступления на начальном этапе совершения деяния, вне зависимости от его завершенности свидетельствует о конструкции усеченного состава преступления, а определение момента окончания на этапе завершения преступного деяния — о наличии формального состава.

Представляется, что решение вопроса о виде конструкций составов преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия, и моменте окончания таких преступлений в своей основе связано с разработкой способов отражения в законе конструкции состава и способов отражения момента окончания преступления.

Первая группа способов представляет собой приемы, используемые законодателем для отражения в норме уголовного закона той стадии механизма преступного деяния, на которой установлен юридический момент окончания преступления.

В свою очередь, способы отражения в законе момента окончания преступлений — это те приемы, которые используются для конкретизации момента окончания преступления.

От того, насколько удачным с позиций законодательной техники является отражение вида конструкции состава преступления, зависит правильность установления «границ» юридического момента

окончания преступления; от описания же момента окончания того или иного преступления зависит эффективность правоприменительной деятельности и в конечном итоге — эффективность самого уголовного закона.

Описание преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия, не связано с указанием в диспозициях статей Особенной части на преступные последствия, что свидетельствует об использовании формального или усеченного состава (поскольку именно в этих составах законодатель дает представление о самом совершаемом деянии). В этом случае вывод о конструкции состава преступления должен основываться на толковании признаков самого деяния, демонстрирующих его смысловое значение.

При описании момента окончания преступления с усеченным составом необходимо использовать такие термины (выражения) для обозначения преступного деяния, которые подчеркивают одномоментность (предельную краткость) совершения деяния, независимость начального акта от завершения преступного деяния, и тем более от наступления преступного результата.

Например, использование термина «посягательство на жизнь» (ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ), исходя из этимологии, означающего попытку [1, с. 185], демонстрирует установление уголовной ответственности за начальные действия, независимо от успешности их завершения.

Еще одним способом описания деяния при использовании конструкции усеченного состава выступает указание наряду с преступным деянием на цель деятельности преступника, достижение которой находится за рамками состава преступления (такой способ использован во всех усеченных составах). Данный способ позволяет показать временную протяженность преступления, разделяющую преступное деяние и преступный результат. Так, в составе разбоя (ст. 162 УК РФ) такой отдаленной целью является цель хищения, в составе бандитизма (ст. 209 УК РФ) — нападение на граждан или организации и т.д.

Таким образом, терминологическое оформление деяния при использовании усеченного состава должно отражать незавершенность преступления, признание наказуемым его начального проявления.

* О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. N 4.

Как показывает анализ диспозиций статей Особенной части УК РФ, для описания преступного деяния законодатель использует форму отглагольного существительного, что создает впечатление процесса осуществления деяния, имеющего протяженность во времени.

В русском языке отглагольные существительные употребляются в двух значениях: процесс (действие) и (или) результат процесса [2, с. 233]. Соответственно, законодатель при использовании такого существительного может вложить в его содержание различное значение и «связать момент окончания преступления с любой стадией процесса» [3, с. 76].

При этом представляется, что проблема состоит не в самом использовании отглагольных существительных, а в отсутствии общего правила определения момента окончания преступления, в котором деяние обозначается таким образом.

Так, согласно анализу, представленному в монографии Л.Л. Кругликова, «изнасилование и совершение насильственных действий сексуального характера полагаются оконченными с момента начала совершения таких действий, независимо от их завершения и наступивших последствий; незаконные охота и рыболовство — с момента начала добычи, независимо от того, добыты ли водные животные или растения; изготовление фальшивых денежных знаков — с момента готовности хотя бы одной единицы. Иначе говоря, в одних случаях момент окончания связывается с началом осуществления деятельности, в других — с ее фактическим завершением; в третьих — с успешным (хотя бы частично) итогом для виновного осуществленного им поведения» [3, с. 73-75].

По нашему мнению, с целью единообразного толкования и применения уголовного закона, а также для обеспечения принципов законности и справедливости при определении конструкции состава оконченного преступления и момента окончания преступления, описанного при помощи отглагольных существительных, следует:

1) определить смысловое значение используемого законодателем термина с целью решения вопроса о виде конструкции состава;

2) унифицировать понимание значения отглагольного существительного, используемого для описания деяния.

В частности, в формальном составе преступления отглагольное существительное необходимо понимать исключительно с точки зрения фактического завершения деяния, а в усеченном составе — процесса совершения, независимого от наступления результата.

Применяя представленный алгоритм к преступлениям, по которым предусмотрена ответственность за подстрекательские действия, становится очевидным, что для описания деяния законодатель использует различные термины: «доведение», «склонение», «вовлечение», «оказание влияния», «призывы», «вербовка». При этом в диспозициях статей данные термины не разъясняются, что вызывает необходимость обращения к их этимологическому значению.

Термин «склонение» означает убедить в необходимости какого-либо поступка; «вовлечение» — побудить к участию в чем-нибудь; «влияние» — процесс изменения одним субъектом поведения другого; «вербовка» — вовлекать в состав чего-либо, привлекать к какому-либо делу [1, с. 191]; «призыв» — одна из форм активного воздействия на сознание, волю и поведение людей для формирования в них побуждения к определенному виду деятельности [4, с. 17].

Очевидно, что по своей сути данные термины выступают синонимами с общим смысловым значением, заключающимся в оказании влияния одного лица на другое для достижения определенной цели. Эта цель может касаться как совместного совершения преступления, так и выполнения склоняемым иных непреступных действий (например, самоубийства, занятия проституцией и т.д.).

В научной литературе эти термины также используются в качестве синонимов. Например, в комментариях к УК РФ разъясняется: «Вовлечение в занятие проституцией означает склонение лица к систематическому вступлению в сексуальные отношения за плату» [5, с. 122].

Вывод относительно синонимичности терминов, описывающих подстрекательские действия, свидетельствует о несовершенстве диспозиции ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего», закрепляю-

щей формулировку: «Склонение или иное вовлечение...». В связи с этим считаем необходимым диспозицию ст. 151.2 УК РФ привести в соответствие с ее названием, исключив термин «склонение».

Представленное этимологическое значение терминов «склонение», «вовлечение», «оказание влияния», «призыв», «вербовка» свидетельствует о необходимости их понимания как процесса воздействия на склоняемое лицо, независимо от результативности совершенных действий.

Однако следует отметить, что в научной литературе предлагается и иное понимание данных действий. Отдельными авторами в понятие вербовки включается достижение соглашения между вербовщиком и потерпевшим (в устной или письменной форме) [6, с. 23-26].

Судебные органы в приговорах по данным преступлениям также описывают не только процесс воздействия, но и результат. 21 из 24 проанализированных приговоров по ст. 230 УК РФ содержит указание на совместное употребление наркотических средств как результат склонения (87,5 %). Аналогичное описание используется в приговорах по ст. 240 УК РФ, в которых суд излагает деятельность по оказанию сексуальных услуг вовлекаемым как необходимое условие вовлечения.

В связи с этим содержание отглагольных существительных, используемых в ст.ст. 110.1, 151.2, 230, 240, 280, 280.1 УК РФ, позволяет сделать вывод об усеченной конструкции данных составов, предполагающей установление момента окончания преступления на начальном этапе воздействия, независимо от того, удалось ли виновному лицу достичь преступный результат. Следовательно, в судебном решении необходимо описать воздействие на склоняемое лицо без указания на его результат. В свою очередь, невыполнение подстрекаемым конкретных действий, находится за пределами состава преступления, и отсутствие последних не препятствует признанию преступления окончанным.

Таким образом, следует признать верными разъяснения момента окончания данных преступлений, предлагаемые в научной литературе. Например, применительно к составу публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности указывается: «...публичный призыв к

осуществлению экстремистской деятельности признается окончанным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет» [7, с. 12-13].

Иное значение у термина «доведение», под которым понимается привести в какое-либо состояние, породить в ком-нибудь (чем-нибудь) какие-нибудь последствия [1, с. 193]. Очевидно, что данный термин охватывает не только процесс осуществления, но и тот результат, к которому стремится виновный.

Именно поэтому законодатель в диспозиции ст. 110 УК РФ точно описывает не только доведение, но и те изменения, которые должны произойти после его совершения (речь идет о самоубийстве или покушении на самоубийство).

В части описания преступных последствий диспозицию ст. 110 УК РФ нельзя признать удачной, поскольку термин «покушение» используется в науке уголовного права для обозначения стадии развития преступной деятельности. Включение в термин «покушение» содержания, не связанного с развитием преступной деятельности в пространственно-временном отрезке, приводит к многозначности данного понятия и, как следствие, сложностям толкования уголовного закона. В связи с этим следует поддержать предложения о замене термина «покушение» на термин «попытка» [8, с. 9], который уже используется в диспозиции ст. 304 УК РФ для определения термина «провокация».

На основании изложенного состав доведения до самоубийства следует признать материальным, а момент окончания данного преступления следует связывать только с подстрекательской деятельностью, которая привела к наступлению последствий в виде самоубийства или покушения на него.

Особый интерес представляет судебная практика по применению состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, при наступлении последствий в виде покушения на самоубийство. Так, судебные органы доказывают не только факт доведения, повлекший попытку потерпевшего лишить себя жизни, но и причинение тяжкого вреда здоровью в результате

попытки самоубийства, не приведшее к смерти вследствие своевременно оказанной помощи*. Представляется, что подобное направление практики не соответствует толкованию ст. 110 УК РФ, предусматривающей ответственность за доведение, не только при наступлении последствий в виде самоубийства, но и при наличии покушения потерпевшего на самоубийство, которое может и не связываться с причинением тяжкого вреда здоровью.

Представленное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. При толковании отглагольных существительных, используемых для описания преступного деяния в формальном составе, необходимо их единообразное понимание, предполагающее не только процесс совершения какого-либо действия, но и его результат, с наступлением которого преступление будет признаваться оконченным.

2. Понимание отглагольного существительного в конструкции усеченного

состава включает в его содержание только начальный этап процесса исполнения деяния, независимо от успешности результата.

3. Применительно к преступлениям, предусматривающим ответственность за подстрекательские действия (ст.ст. 110.1, 150, 151, 151.2, 184, 205.1, 205.2, 230, 230.1, 240, 280, 280.1 УК РФ), исходя из этимологического значения синонимичных терминов, описывающих преступное деяние, конструкции составов следует признать усеченными, а момент окончания связывать исключительно с начальными этапами подстрекательства. Исключение составляет состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), который по своей конструкции является материальным, поскольку, во-первых, значение термина «доведение» включает в себя не только процесс осуществления деяния, но и его результат, отсутствие которого не позволяет признать преступление оконченным; во-вторых, в диспозиции ст. 110 УК РФ законодатель описывает преступные последствия в виде самоубийства потерпевшего или покушения (попытки) на самоубийство.

* Уголовное дело N 1-104/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-dubovskij-rajonnyj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-472721187/>

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 928 с.
2. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Юрлитинформ, 2003. 416 с.
3. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 336 с.
4. Галяшина Е.И. Лингвистика против экстремизма. М.: Юрид. мир, 2006. 96 с.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Норма, 2015. 1184 с.
6. Толстухина Т.В., Гусейнов Т.А. Вербовка лиц на первоначальном этапе торговли людьми // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. N 5-2. С. 23-26.
7. Ермакова О.В. Квалификация следователем составов преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282.1-282.2 УК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2014. 59 с.
8. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

БАЙСАЛУЕВА Э.Ф., кандидат юридических наук, baisaluev.ilyas17@gmail.com
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

BAISALUEVA E.F., Candidate of Legal Sciences, baisaluev.ilyas17@gmail.com
Chair of administrative activities of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

НЕЗАКОННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФОРМА УКЛОНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Автор статьи анализирует признаки объективной стороны незаконного освобождения от уголовной ответственности и соответствующие материалы правоприменительной практики. Сделан вывод о том, что данное преступление может быть совершено только путем бездействия, так как прокурор, следователь или дознаватель, незаконно освобождая подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности, не исполняют возложенную на них уголовно-процессуальным законодательством обязанность по осуществлению уголовного преследования. Отсутствие уголовных и процессуальных правовых оснований освобождения от уголовной ответственности порождает объективный повод для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 300 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом нарушение соответствующей процессуальной формы такого освобождения не будет подпадать под признаки незаконного освобождения от уголовной ответственности. Момент окончания рассматриваемого преступления связывается с моментом придания постановлению о прекращении уголовного дела юридической силы – его подписания правоприменителем.

Ключевые слова: преступления против правосудия; уголовная ответственность; прекращение уголовного дела; незаконное освобождение от уголовной ответственности; подозреваемый; обвиняемый; прокурор; следователь; дознаватель.

ILLEGAL EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AS A FORM OF AVOIDING CRIMINAL PROSECUTION BY OFFICIALS

Annotation. The author of the article analyzes the characteristics of the objective side of illegal exemption from criminal liability and the relevant materials of law enforcement practice. It is concluded that this crime can be committed only by inaction, as the prosecutor or investigator do not fulfill the obligation to carry out criminal prosecution imposed on them by the criminal procedure legislation in case they unlawfully release the suspect or the accused from criminal liability. The lack of criminal and procedural legal grounds for exemption from criminal liability gives an objective reason for initiating a criminal case on the basis of the elements of the crime provided by article 300 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this case, the breach of the corresponding procedural form of such release would not fall under the characteristics of illegal exemption from criminal responsibility. The time of the completion of the considered crime is associated with the moment of giving legal effect to the decision to terminate the criminal case – when it is signed by a law enforcer.

Keywords: crimes against justice; criminal liability; termination of criminal proceedings; illegal exemption from criminal liability; suspect; accused; prosecutor; investigator; inquirer.

Посягательство на интересы правосудия со стороны лиц, осуществляющих предварительное расследование, подрывает авторитет не только судебных органов и органов, содействующих правосудию, но и государственной власти вообще. Случаи посягательства на интересы правосудия со стороны работников правоохранитель-

ных органов порождают неверие граждан в способность государства поддерживать правопорядок в стране и сомнение в высшей силе законов, формируют у населения правовой нигилизм. Совершение преступлений лицами, призванными бороться с преступностью, отрицательно влияет на эффективность мер по противодействию

ей, какими бы мотивами ни было обусловлено содеянное.

Одним из таких преступлений является незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ).

Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 300 УК РФ, стабильно, хотя весьма незначительно: в 2010 г. — 10, в 2011 г. — 7, в 2012 г. — 1, в 2013 г. — 2, в 2014 г. — 3 и в 2015 г. — 3 [1, с. 63]. Несмотря на это, вряд ли можно говорить о возможности декриминализации данного деяния, поскольку должностными лицами нарушается один из основных принципов правосудия, согласно которому никто из виновных не должен избежать наказания, а также посредством совершения указанного преступления существенно нарушаются права и интересы потерпевших от преступления.

Представляется, что низкий уровень регистрации данных преступлений обусловлен существующими проблемами законодательного закрепления обязательных признаков деяния, а также проблемами правоприменительного характера, связанными прежде всего с толкованием самого понятия уголовной ответственности, оснований освобождения от уголовной ответственности и процессуальных документов, которые при этом составляются. Кроме того, важно учесть пределы действия данной нормы, т.е. когда освобождение будет считаться незаконным и какие случаи незаконного освобождения охватываются ее диспозицией.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не раскрывает содержание понятия «уголовная ответственность», при доктринальном и судебном толковании нет единства мнений. В теории уголовного права понятие уголовной ответственности дискуссионно. При этом можно выделить три основные позиции: во-первых, уголовная ответственность понимается как обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное в соответствии с уголовным законом. Во-вторых, под уголовной ответственностью понимается фактическая реализация указанной обязанности, т.е. в конечном счете реализация санкции уголовно-правовой нормы. В-третьих, в последние годы уголовная ответственность стала рассматриваться в позитивном пла-

не (так называемая позитивная уголовная ответственность) как ответственность, лежащая в основе правомерного поведения и выражающаяся в осознании индивидом своей обязанности не совершать запрещенного уголовным законом преступного деяния [2, с. 245].

Предполагается, что каждый из указанных подходов к определению понятия уголовной ответственности вполне имеет право на существование, так как по-своему отражает присущие сложному феномену уголовной ответственности особенности ее содержания. Важно лишь правильно определить целевую направленность таких подходов и сферу их практического приложения.

Представляющая же интерес специфика юридической ответственности и разновидности уголовной ответственности, используемой законодателем в данном составе преступления, связаны с мерами государственного принуждения, применяемыми к правонарушителю.

Анализ диспозиции приводит к выводу о том, что данная норма может быть применена при освобождении от уголовной ответственности только подозреваемых и обвиняемых. В.В. Сверчковым справедливо отмечается, что «формально незаконным может быть признано только такое прекращение уголовного дела, которым освобождается от уголовной ответственности подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления. К сожалению, закон не предоставляет возможности применения ст. 300 УК РФ в случае незаконного освобождения от уголовной ответственности лица, не признанного в данном качестве. На практике же прекращение уголовных дел в большей своей части осуществляется в отношении лиц, привлеченных в уголовное судопроизводство в качестве свидетелей, или тех лиц, в отношении которых уголовные дела возбуждены без применения каких бы то ни было мер пресечения, без задержания по подозрению в совершении преступлений» [3, с. 5].

Обязательным признаком деяния данного состава преступления является незаконность освобождения. Незаконность освобождения от уголовной ответственности означает, что отсутствуют основания и условия для такого освобождения.

Освобождение от уголовной ответственности может иметь место лишь в случаях, когда лицо подлежало такой ответственности, т.е. совершило общественно опасное деяние, в котором содержатся все признаки состава преступления [4, с. 132]. Уголовная ответственность не наступает в случаях: декриминализации деяния после его совершения (ст. 10 УК РФ); наличия в содеянном признаков малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ); недостижения лицом возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ); признания лица невменяемым во время совершения общественно опасного деяния (ст. 21 УК РФ); наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст.ст. 37-42 УК РФ); в случаях, предусмотренных Особенной частью УК РФ (примечания к ст.ст. 151, 205.6, 230, 308, 316, 322). В перечисленных случаях лицо не подлежит уголовной ответственности изначально и, следовательно, нет необходимости освобождать его от этой ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности имеет место в тех случаях, когда констатируется отказ государства от реализации его права признать лицо виновным в совершении преступления.

Основания указаны в нормах Общей части УК РФ (в связи с деятельным раскаянием — ст. 75 УК РФ; в связи с примирением с потерпевшим — ст. 76 УК РФ; по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме — ст. 76.1 УК РФ; в связи с назначением судебного штрафа — ст. 76.2 УК РФ; в связи с истечением сроков давности — ст. 78 УК РФ; в связи с амнистией — ст. 84 УК РФ; в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним — ст. 90 УК РФ) и Особенной части УК РФ (примечания к ст.ст. 110.2, 122, 126 и др.).

В статьях УПК РФ перечисляются обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. В соответствии с ч. 1 ст. 212 УПК РФ уголовное дело и уголовное преследование в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности, может быть прекращено при наличии оснований, предусмотренных статьями 24-28.1 УПК РФ.

Отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение по иным основаниям или при иных обстоятельствах будет незаконным. Вместе с тем следует помнить, что законное и обоснованное решение о прекращении уголовного дела является результатом легитимного расследования, и не всегда прекращенное уголовное дело — это итог незаконной деятельности следователя и дознавателя или прокурора.

Из смысла уголовно-процессуальных оснований, исключающих производство по делу, следует, что они выступают одновременно основаниями освобождения от уголовной ответственности. Таким образом, если таких уголовных и процессуальных правовых оснований освобождения от уголовной ответственности не установлено, но подозреваемый либо обвиняемый был освобожден от уголовной ответственности, то налицо объективный повод для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ. Вместе с тем нарушение соответствующей процессуальной процедуры освобождения от уголовной ответственности, то есть процессуальной формы такого освобождения, не будет подпадать под признаки незаконного освобождения от уголовной ответственности.

В силу четко изложенных выше признаков незаконного освобождения от уголовной ответственности сложно согласиться с мнением Л.В. Лобановой, предлагающей диспозицию ст. 300 УК РФ изложить следующим образом: «Освобождение прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, при отсутствии оснований и условий, указанных в уголовном законе» [5, с. 35], поскольку понятие «отсутствие оснований и условий» фактически означает незаконность такого освобождения. Более того, текст уголовно-правовой нормы насыщается дополнительным признаком — «условия», что также осложняет задачу квалификации [6, с. 25]. Это связано с тем, что вопрос об основаниях и условиях освобождения от уголовной ответственности относится к числу дискуссионных. Как отмечает С.Н. Сабанин, многие авторы произвольно оперируют данными терминами. Ряд ученых подменяют одно понятие дру-

гим, некоторые их отождествляют, не видя принципиальной разницы между ними, а иногда термин «основание» вообще употребляется случайно [7, с. 50].

В философии под основанием понимается «необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и служащее их объяснением» [8, с. 256]. Исходя из этого положения Л.В. Лобанова делает вывод, что основанием освобождения от уголовной ответственности является необходимое условие, служащее предпосылкой и одновременно объяснением принятия компетентным органом акта о таком освобождении [5, с. 127]. С.Н. Сабанин, определяя основание как существенный признак, по которому распределяются явления, понятия, причина, достаточный повод, делает вывод, что таким обстоятельством, дающим достаточный повод для освобождения от уголовной ответственности или наказания, является отсутствие либо небольшая степень общественной опасности личности виновного [7, с. 52].

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, следует отметить, что основания освобождения перечислены законодателем в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и рассмотрены нами выше. А условия — это «такие обстоятельства, при наличии которых только и могут действовать основания освобождения» [9, с. 81]. К ним можно отнести: 1) совершение преступления небольшой или средней тяжести; 2) отсутствие или небольшую степень общественной опасности лица, совершившего преступление; 3) нецелесообразность привлечения виновного к уголовной ответственности.

По смыслу рассматриваемой нормы незаконно освободить от уголовной ответственности можно лишь в случае, когда у прокурора, следователя или лица, производящего дознание, уже имеется в производстве возбужденное уголовное дело в отношении конкретного лица, обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого. Следует отметить, что в научной литературе существует позиция, согласно которой незаконное освобождение состоит в отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении при фактическом отсутствии оснований для этого [10, с. 594].

Однако из толкования ст. 300 УК РФ следует, что с предложенной позицией согласиться нельзя, т.к. отсутствие возбужденного уголовного дела свидетельствует об отсутствии подозреваемого (обвиняемого). Вместе с тем только в отношении этих процессуальных фигур законодатель предусматривает возможность применения принуждения. Рассмотренный отказ в возбуждении уголовного дела, однако, также наносит значительный вред интересам правосудия. Опасность отказа в возбуждении уголовного дела заключается в том, что уголовная ответственность остается нереализованной в ситуациях, когда преступление латентно. Д.Н. Хахардин предлагает в диспозиции ст. 300 УК РФ признак «незаконное освобождение от уголовной ответственности» заменить признаками «незаконное прекращение уголовного дела или отказ в возбуждении уголовного дела» (ч. 1) и «незаконное прекращение уголовного преследования» (ч. 2) [11, с. 459]. На практике ситуация складывается таким образом, что необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела — не редкость. Общественная опасность его так же высока, как и общественная опасность незаконного прекращения уголовного дела. Однако, по нашему мнению, нецелесообразно предусматривать ответственность за отказ в возбуждении уголовного дела в диспозиции ст. 300 УК РФ, поскольку обязательным признаком исследуемых деяний является время совершения — время предварительного расследования уголовного дела.

Кроме того, незаконная отмена меры пресечения не образует состав ст. 300 УК РФ. В перечень оснований прекращения уголовной ответственности не входит отмена меры пресечения. Кроме того, незаконная отмена меры пресечения может быть связана с нарушением соответствующей процессуальной процедуры, но не оснований освобождения от уголовной ответственности подозреваемого. С отменой меры пресечения производство по уголовному делу не прекращается. Следовательно, речь идет не об освобождении от уголовной ответственности, а о неприменении отдельных мер принуждения в рамках уголовного преследования.

Рассматриваемое преступление по своей законодательной конструкции име-

ет формальный состав и считается окончательным с момента составления виновным процессуального акта — вынесения и подписания постановления о прекращении уголовного дела.

Вызывает сомнение позиция ученых, согласно которой преступление считается окончательным с момента вынесения соответствующего постановления [10, с. 594].

Данная позиция требует уточнения, а именно: анализируемое преступление следует считать окончательным с момента подписания постановления о прекращении уголовного дела правоприменителем. При наличии неподписанного постановления о прекращении уголовного дела преждевременно говорить об окончательном преступлении, так как с момента вынесения постановления о прекращении уголовного дела до момента его подписания у следователя, прокурора, лица, производящего дознание, имеется возможность отказаться от преступной деятельности.

Для квалификации преступления не имеет значения, санкционировано ли вынесенное вопреки закону постановление следователем, лицом, производящим дознание, у прокурора.

Представляется, что термин «уголовная ответственность» в данном составе преступления необходимо заменить на термин «уголовное преследование». М.А. Кауфман предлагает следующую формулировку ст. 300 УК РФ: «Заведомо незаконные отказ прокурора, следователя или дознавателя от уголовного преследования или его прекращение». В качестве форм совершения такого преступления он называет: а) незаконный отказ в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица; б) задержание лица по подозрению в совершении преступления при наличии оснований для задержания; в) неприменение в отношении лица меры пресечения до предъявления обвинения при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ; г) незаконный отказ от вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого или от составления обвинительного акта; д) вынесение постановления о прекращении уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого при отсутствии оснований для этого [12, с. 137]. Однако такая редакция приведет к значительному расширению пределов действия данной нормы,

распространившись на случаи, когда еще не осуществляется уголовное преследование, а также на случаи, когда не осуществляются отдельные формы уголовного преследования (применение меры пресечения, задержание и т.п.).

Для определения сущности данного деяния необходимо решить вопрос о том, в каких формах оно может выражаться. Даже при анализе действующей редакции нет единой позиции по этому вопросу. Наиболее распространенным является утверждение о том, что оно может совершаться только путем действия, которое заключается в вынесении постановления о прекращении уголовного дела. [10, с. 594]. В литературе также высказывается точка зрения о возможности совершения данного деяния как путем действия, так и бездействия [13, с. 402].

Представляется, что данное деяние должно характеризоваться только бездействием, поскольку, как уже отмечалось, прокурор, следователь или дознаватель не исполняют возложенную на них обязанность осуществления уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ).

По своей юридической сути незаконное освобождение от уголовной ответственности есть форма бездействия, так как лицо не исполняет возложенной на него законом обязанности осуществлять уголовное преследование, т.е. юридически бездействует. А фактически оно может совершать активные действия, телодвижения (выносить постановление о прекращении уголовного дела, фальсифицировать доказательства, принуждать к даче показаний и т.п.). Совершение конкретных действий здесь выступает способом совершения преступного деяния.

Изложенное выше подтверждает пример из судебной практики.

Органами предварительного следствия Ш. и З. было предъявлено обвинение в том, что З., являясь начальником отдела дознания УВД по муниципальному району, будучи поставлен в известность Ш., дознавателем отдела дознания этого же УВД, о том, что по окончании дознания ею составлен и подписан обвинительный акт по обвинению Р. в краже, из иной личной заинтересованности, для того чтобы помочь Р. избежать ответственности по указанному уголовному делу, дал устное

распоряжение Ш. придать подозреваемому Р. статус свидетеля, а свидетелю Ц. по данному уголовному делу придать статус подозреваемого.

Для исполнения указанного распоряжения в тот же день Ш. изъяла из материалов уголовного дела и уничтожила ряд процессуальных документов, подтвердивших вину Р., изменила его процессуальный статус, допросив в качестве свидетеля, о чем составила протокол, отразив в нем, что кражу совершил Ц., изменила процессуальный статус Ц., которого допросила в качестве подозреваемого с участием защитника К., а также составила обвинительный акт по обвинению Ц. в краже*.

Необходимо отметить, что известные следователю (дознавателю) случаи незаконного освобождения от уголовной ответственности часто остаются неизвестными работникам прокуратуры. Это объясняется тем, что материалы уголовного дела поступают в прокуратуру уже в таком виде, что прокурор не может выявить незаконность действий следователя, лица, производящего дознание. Этому способствует профессиональный опыт следователя (дознавателя).

Обвинительное заключение по приведенному в качестве примера уголовному делу было санкционировано курирующим прокурором и направлено в суд.

* Судебная практика за 2013 год. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В другом случае Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу на приговор Курганского областного суда от 31 октября 2012 года в отношении дознавателя С., обвиняемой в фальсификации доказательств, покушении на незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, уклонявшегося от уплаты алиментов на содержание дочери, оставила приговор без изменения**.

Необходимо также отметить, что любая форма бездействия должностного лица при имеющейся доказательственной базе не образует признаков состава ст. 300 УК РФ. В данной ситуации следует задуматься о возможности привлечения следователя, прокурора или лица, производящего дознание, к уголовной ответственности по другой статье.

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным статью 300 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 300. Уклонение от уголовного преследования

Уклонение прокурором, следователем или лицом, производящим дознание от обязанности по осуществлению уголовного преследования в отношении лица, заведомо совершившего преступление, — наказывается лишением свободы на срок до семи лет».

** Судебная практика за 2012 год. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Цветков Ю.А. Спорные вопросы объективной стороны незаконного освобождения от уголовной ответственности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. N 4. С. 63-67.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996.
3. Сверчков В. Незаконное освобождение от уголовной ответственности // Законность. 2000. N 11.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин; под ред. В.Т. Томина, В.С. Устинова, В.В. Сверчкова. М.: Юрайт-Издат, 2002.
5. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2001.
6. Тепляшин П.В. Преступления против правосудия: учеб. пособие. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004.
7. Сабанин С.Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург: УрОИ МВД РФ, 1993.
8. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1981.
9. Дубинин Т.Т. Основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.
10. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / отв. ред. Р.А. Сабитов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 688 с.
11. Хахардин Д.Н. Некоторые аспекты квалификации незаконного освобождения от уголовной ответственности // Пять лет действия УК РФ: Итоги и перспективы: материалы 11 междунар. науч.-практ. конф. М., 1999. С. 459-460.
12. Кауфман М.А. Уголовная ответственность за преступления против правосудия: монография. М.: РАП, 2003.
13. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997.

Раздел 5. Криминологическая наука

ТРУБИЦЫН Д.А., TRUBIZYN D.A.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
trubitsin_s@mail.ru, trubitsin_s@mail.ru
Отдел по надзору за уголовно- Department for supervision
процессуальной over criminal procedural
и оперативно-розыскной деятельностью; and crime detection activities;
Прокуратура Ямало-Ненецкого Prosecutor's Office of the Yamalo-Nenets
автономного округа, Autonomous District,
629003, г. Салехард, ул. Б. Кнунянца, 5 B. Knunyantza St. 5, Salekhard, 629003,
Russian Federation

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. Коренные малочисленные народы Севера России являются той социальной группой, в которой использование богатого опыта предыдущих поколений играет особую роль. В статье рассмотрены вопросы использования традиций этих народов для предупреждения преступности. Анализируются возможные позитивные изменения в состоянии преступности и динамике противоправного поведения, а также прогнозируемые сложности. Выявлены особенности проживания в условиях Крайнего Севера, изучен менталитет его жителей. Автор статьи обращает внимание на то, что традиции как регулятор общественных отношений в среде коренных народов Севера играют существенную позитивную роль в профилактике преступности. Сделан вывод о том, что использование в процессе предупреждения преступности потенциала национальных традиций отвечает целям и задачам криминологии.

Ключевые слова: национальные традиции; коренные малочисленные народы Севера России; предупреждение преступности; борьба с преступностью.

THE PROSPECTS OF USING THE NATIONAL TRADITIONS IN CRIME PREVENTION

Annotation. Indigenous small-numbered peoples of the North of Russia are the social group in which the use of the rich experience of previous generations plays a special role. The issues connected with using these peoples' traditions to prevent crime are considered in the article. The possible positive changes in the crime rate and the dynamics of illegal behavior, as well as the predicted difficulties are analyzed. The peculiarities of living in the Far North are revealed, the mentality of its inhabitants has been studied. The author of the article draws attention to the fact that the traditions, being a regulator of social relations among indigenous peoples of the North, play a significant positive role in the prevention of crime. It is concluded that using the potential of national traditions in the process of crime prevention meets the goals and objectives of criminology.

Keywords: national traditions; indigenous small-numbered peoples of the North of Russia; crime prevention; fighting crime.

Процессы глобализации, в той или иной степени затрагивающие все сферы жизнедеятельности, касаются и такого существенного вопроса, как сохранение и использование национальных традиций, рассматриваемого через призму криминологии и постижение диалектики преступности. При изучении преступности отдельных национальных групп оценка нормативно-регулятивного компонента конвенциональных проявлений в противоправном поведении может быть различной. Одни авторы признают роль традиций в детерминации преступного поведения,

другие отрицают этнически обусловленные элементы мотивации, но опасность нивелирования национальной традиции в контексте преобладающего давления унифицированных ценностно-нормативных установок отмечается всеми. Негативным последствием отхода от национальных традиций является деморализация значительной части населения вследствие утверждения гедонистических ценностей, насаждения новых вестернизированных ориентировок, представляющих собой примитивизированный вариант потребительской идеологии, восприятие которых

влечет за собой рост социальных девиаций. В свою очередь, этническая конкорданция — естественный для парциальных национальных групп процесс, связанный с формированием их представителями понимания своей идентичности в системе межкультурного взаимодействия. По этим причинам влияние традиций на поведенческие установки представителей национальных групп является неизбежным.

В пользу изучения степени влияния традиций и обычаев на состояние индивидуального и общественного сознания свидетельствует следующий факт: «функционирование традиций и обычаев в обществе является общесоциологическим законом, их криминологическое исследование позволяет открыть особенности его действия в криминологической сфере, т.е. в сфере познания детерминант преступности, а также теории и практики ее предупреждения» [1, с. 3].

Одной из социальных групп, в которых национальные черты до настоящего времени прослеживаются наиболее ярко, являются коренные малочисленные народы Севера России. Эти народы отличает ряд общих черт: «во-первых, они проживают в 28 субъектах Российской Федерации, на больших пространствах, являющихся местами их традиционного обитания. Во-вторых, в силу небольшой численности находятся в состоянии национального меньшинства. Наконец, для них характерно ведение традиционного образа жизни, занятие традиционными промыслами» [2, с. 4-5].

Несмотря на то, что вопросы изучения этнической преступности неоднократно поднимались в трудах многих исследователей, изучение работ в этой сфере показывает, что вектор научного познания в основном был направлен на разработку проблем преступности выходцев с Северного Кавказа и Средней Азии, что связано с их трудовой миграцией. Для коренных малочисленных народов Севера процессы внутренней миграции не типичны, в силу специфики традиционных видов хозяйственной деятельности они исторически привязаны к Северу, где в местах исконного проживания ими совершается значительное количество преступлений. Вместе с тем возрастающая инклюзия коренных малочисленных народов Севера в социальную жизнь общества,

переход от кочевого образа жизни в тундре к самоидентификации в коммуникативном пространстве крупных полиэтнических поселений обуславливают необходимость изучения и анализа атрибутивных особенностей этой преступности.

Вывод о необходимости изучения преступности коренных малочисленных народов Севера следует и из результатов анализа статистики по учету преступлений. На сегодняшний день в Ямало-Ненецком автономном округе проживает 41 249 лиц*, или 7 % от всего населения округа, которые в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. N 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» отнесены к числу коренных малочисленных народов Севера**. Если в период с 2011 по 2016 год количество зарегистрированных на территории округа преступлений снизилось с 9395 до 8000, то преступность коренных малочисленных народов Севера России, напротив, продемонстрировала отрицательную динамику: число ежегодно совершаемых представителями коренных национальностей преступлений возросло с 764 до 812***. Анализ совершенных деяний показывает, что преступность коренных малочисленных народов Севера обладает особенностями, касающимися не только криминологической характеристики субъектов, но и ее детерминантов, имеющих выраженную региональную этноспецифику.

Характерны в этом контексте результаты правоприменительной практики: национально обусловленные особенности учитываются правоприменителями при принятии решений по уголовным делам, приобретая собственное юридическое значение.

Так, апелляционным приговором суда Ямало-Ненецкого автономного округа С. оправдана по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Преступление совершено при следующих

* Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера: сайт. URL: <http://www.dkmns.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 14. Ст. 1493.

*** УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу: официальный сайт. URL: <https://89.мвд.пф/Deljatelnost/statistics>

обстоятельствах. С., находясь на территории Находкинской тундры, на нартах, запряженных в оленью упряжку, пересекала реку. При переправе произошло опрокидывание нарт и из них выпала сама С. и ее малолетняя дочь, находившаяся в укрепленной на нартах люльке. В результате неосторожных действий С. смерть ее дочери наступила от утопления в воде.

Оправдывая С., суд указал, что в связи с ведением традиционного кочевого образа жизни при каслании оленей* С. вместе с семьей неоднократно переправлялась на другое место стоянки, в том числе через встречавшиеся на пути реки. При этом пересечение небольшой реки происходит таким образом, что плывущие олени тянут за собой находящиеся на плаву нарты с вещами и людьми. Данный способ переправы через реки является традиционным, характерным для жителей тундры. Суд признал, что многолетнее ведение традиционного образа жизни, связанного с регулярными перекочевками и переправами через водные препятствия на нартах, наличие необходимых навыков управления упряжкой давало С. достаточные основания использования их в качестве общепринятого среди жителей тундры средства преодоления рек, и она могла быть при этом уверенной в безопасности указанного способа преодоления водной преграды**.

Наличие таких судебных решений с очевидностью свидетельствует, что традиции и обычаи коренных малочисленных народов Севера из умозрительной сферы научных исследований имплементировались в правоприменительную практику, что дополнительно актуализирует криминологическое изучение вопросов национальных традиций в контексте их использования в предупреждении преступности.

Несмотря на постоянное обращение к проблематике традиции, общепринятого единого определения данного понятия не существует. Эта категория широко используется этнологами, социологами, историками, в различных трудах понятие и значение традиций приобретает полярное значение, что связано со спецификой под-

* Каслание – кочевье оленьего стада с погонщиками (оленеводами).

** Приговор суда по делу N 201600026/41 // Архив прокуратуры Тазовского района ЯНАО.

хода, продиктованного целями исследования. Любое общее определение традиций неизбежно односторонне, то есть абстрагировано от ряда существенных признаков, что подразумевает необходимость дифференцированного формирования понятия и его содержания применительно к той или иной сфере социальной деятельности.

При анализе современного состояния коренных малочисленных народов Севера С.Н. Харючи рассматривает традиции в комплексе социальных норм, указывая, что «социальные нормы являются результатом социального поведения, включающим не только осмысленные и признанные правила поведения, но и практику их реализации. Нормы традиции – правила поведения, опирающиеся на силу общественного мнения, требующие длительного закрепления и отражающие стремление людей к сохранению своих идей и ценностей» [3, с. 40-41].

Однако понятие социальной нормы, в которой традиции – лишь одна из многих составляющих, имеет чрезмерно обобщенный характер, что затрудняет его кристаллизацию в качестве отдельного элемента мотивации поведения, требуя сужения для целей профилактики преступности. Давая криминологическую оценку традиций как национально-субъективного осознания объективной нормативности, Д.А. Курбанова указывает: «традиции – передаваемые из поколения в поколение образцы поведения, служащие основой духовного формирования личности и обеспечивающие твердые критерии человеческих ценностей и требований» [4, с. 9]. С такой трактовкой следует согласиться, так как она отражает регулятивный характер и социальную преемственность позитивного общественного опыта, что позволяет использовать традиции в сфере противодействия преступности.

Не ставя цели анализа существующих дефиниций («сумма сухих обрядов и ветхих догм» или «атомарная форма конформизма»), необходимо отметить, что все исследователи единодушны в вопросе практического значения традиций как регулятора общественных отношений, действие которого направлено на поддержание определенного порядка во взаимоотношениях между людьми. Несмотря на то, что регулятивная функция присуща не

только традициям, но и иным социальным нормам, они являются наиболее устойчивыми формами социальной регуляции. Опосредованно это продиктовано тем, что осуществляемая традициями корректировка индивидуального поведения «может быть настолько мягкой, что индивид ее не замечает и не воспринимает как внешнее воздействие, поскольку оно совпадает с его личным образом действий» [5, с. 96], и по причине наименее, в отличие от норм права, репрессивного характера вызывает наименьшее отторжение в индивидуальном сознании.

На современном этапе вопрос исторической изменчивости преступности и адаптивного использования традиций для профилактики преступности коренных малочисленных народов Севера связан с определенными сложностями. Во-первых, эти народы в своем развитии не достигли уровня государственности и классового общества, что обусловило отсутствие в социальном регулировании автохтонных сообществ письменно зафиксированных норм права и сложившейся практики соблюдения их императивных требований. По этой причине «историческое судоустройство и судопроизводство у народов Севера оставались примитивными. В одной из сибирских летописей (XVII в.) говорится: "...Остяки и самоедь закона не имеют, но идолам поклоняются", поэтому правовой основой был обычай» [6, с. 113-114]. Отсутствие у коренных малочисленных народов Севера именно правовых традиций как «единства исторически сформированного, критически осмысленного коллективного опыта правовой деятельности, основанного на господствующим в обществе представлениях о праве и справедливости» [7, с. 50] обусловило развитие в их среде правового нигилизма и на современном этапе снижает уровень солидарности с уголовным законодательством. Об упрощенных способах социального регулирования на основе традиций, а не правовых норм, свидетельствуют бытовавшие среди коренных малочисленных народов Севера архаичные формы разрешения конфликтных ситуаций: медвежья клятва, молчаливый заем добычи, штраф водкой за оскорбление.

Во-вторых, оценивая историческую изменчивость преступности коренных

малочисленных народов Севера и возможности ее предупреждения с использованием традиций, В.А. Зибарев, говоря о времени, предшествовавшем интенсивному нефтегазовому освоению Севера, отмечает: «сколько-нибудь полными данными о состоянии преступности среди народов Севера, подробно современным данным, мы не располагаем и можем об этом рассуждать лишь с известной долей вероятности» [6, с. 121]. Ситуация с официальным мониторингом преступности малочисленных народов Севера коренным образом не изменилась и в настоящее время. В соответствии с п. 1 Инструкции о порядке заполнения и представления учетных документов, утвержденной межведомственным приказом «О едином учете преступлений»*, субъектами учета путем заполнения и обработки статистических карточек по уголовным делам фиксируются преступления, совершенные аборигенным населением. Эти данные расплывены в массиве общих сведений о регистрируемой преступности и в отдельную форму статистического наблюдения не сведены, что существенно затрудняет их выборку и последующий анализ.

В-третьих, анализ традиций коренных народов Севера как национального явления требует их адекватной социальной оценки. Ее основа заключается в том, что одни традиции соответствуют преобладающим общественным отношениям, другие, напротив, противоречат им. С изменением условий жизни коренных народов меняются и традиции, поэтому их нельзя абсолютизировать и принимать в общем виде. Для определения криминологических возможностей использования в системе предупреждения преступлений необходима их дифференциация по оценочно-содержательному критерию. Из совокупности традиций, которые не всегда носят социально приемлемый характер (право народов Севера различало убийство сородича и убийство иноплеменника. Первое считалось более тяжким, поскольку касалось сохранения рода, за второе

* О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29 дек. 2005 г.: ред. от 20 февр. 2014 г. // Рос. газ. 2006. 25 янв.

наказания вообще могло не последовать [6, с. 126]), необходимо вычленив позитивные – наиболее соответствующие по смыслу требованиям действующего законодательства.

Данные официальной статистики по учету преступлений в Ямало-Ненецком автономном округе свидетельствуют, что формы и механизмы профилактики преступности, применяемые в отношении коренных малочисленных народов Севера, не решают поставленных задач превентивного воздействия и снижения уровня преступности. Именно поэтому возникает потребность в разработке и создании новаций в предупреждении преступности, поиске новых путей и средств профилактического воздействия. В качестве одного из таких средств можно рассматривать национальные традиции коренных народов Севера, использование которых имеет ряд конкурентных преимуществ, позволяющих повысить результативность профилактической деятельности. К их числу можно отнести следующее:

– позитивные традиции как средство воспитания, содержат в себе значительный антикриминогенный потенциал, что открывает новые возможности для поиска путей нейтрализации этнообусловленных криминогенных факторов и предупреждения преступности;

– национальные традиции, основанные на быстрой узнаваемости, упрощении, необходимом для более массового воспроизводства, облегчают их использование в бытовых, повторяющихся поведенческих ситуациях, обуславливая адекватный выбор варианта поведения, не связанного с нарушением закона;

– использование национальных традиций имеет определенное преимущество перед правовыми превентивными средствами, поскольку основано на имманентных данной социальной общности ценностях и установках, не вызывающих идеологического отторжения. Мягко интегрируясь в сознание, опосредованно способствуют нивелировке правового нигилизма;

– учет общих и специфических местных особенностей при раскрытии закономерностей регионального проявления преступности расширяет концептуальную базу стратегии и тактики противодействия

преступности, позволяет строить ее, сочетая специальные криминологические меры с общесоциальными, предметно нацеливаясь на криминогенные факторы региональной преступности.

Подводя итог, можно предложить ряд мер по совершенствованию механизма предупреждения преступности, которые, как представляется, позволят повысить ее эффективность:

– осуществление мониторинга преступности коренных малочисленных народов Севера с формированием банка криминологически значимых данных о преступности социальной группы;

– изучение материалов уголовных дел и судебных решений в отношении коренных малочисленных народов, что позволит сформировать эмпирическую базу для формирования механизма предупреждения преступности;

– криминологический анализ существующих традиций коренных народов, выявление в них способности адаптироваться к происходящим переменам и определение возможности их позитивного использования в условиях непосредственной коммуникации в меняющейся социокультурной ситуации;

– привлечение в соответствии с положениями Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к профилактике преступности наиболее авторитетных в национальной среде носителей этнических традиций, что будет способствовать формированию превентивного инструментария для неспециализированных субъектов предупреждения преступлений, максимально приближенного к конкретным региональным условиям;

– заключение между территориальным органом внутренних дел по субъекту Российской Федерации и общественными объединениями коренных малочисленных народов соглашений для изучения, актуализации и использования традиций в профилактике преступности.

В завершение необходимо отметить, что криминология как гуманитарная наука тесно связана с историческими механизмами общественной жизнедеятельности и неотделима от них. В связи с этим процессы преемственности социального опыта

повлияли и продолжают влиять на формирование криминологической теории и практики предупреждения преступности. Использование в процессе предупреждения преступности потенциала национальных традиций отвечает целям и задачам криминологии. С одной стороны, это позволяет изучать национальные и

региональные аспекты преступности, недооценка и абсолютизация которых равно недопустимы, с другой – предоставляет реальную возможность обеспечить гармонизацию сочетания общечеловеческого и национального в процессе формирования личности и предупреждения преступлений.

Список литературы

1. Лебедев С.Я. Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 44 с.
2. Зиганшин И.Р. Конституционно-правовой статус общественных объединений коренных народов арктических государств: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
3. Харючи С.Н., Филант К.Г., Антонов И.Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 279 с.
4. Курбанова Д.А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
5. Симоненко А.В. Криминологическое познание культуры в контексте теоретического наследия отечественной криминологии // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. N 2 (30). С. 94-100.
6. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв.): монография / под ред. И.С. Вдовина, Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 203 с.
7. Сулипов Р.С. Понятие и признаки правовых традиций: теоретический аспект // Вестник Пермского университета. 2010. N 4 (10). С. 49-52.

ГЕРБЕКОВ И.И., GERBEKOV I.I.,
mila77list@yahoo.com mila77list@yahoo.com
Судебная коллегия по уголовным делам; The Judicial Board on Criminal Cases;
Верховный Суд The Supreme Court
Карачаево-Черкесской Республики, of the Karachay-Cherkess Republic,
369000, г. Черкесск, Magir Gadzhiev St. 4, Cherkessk, 369000,
ул. Маджира Гаджиева, 4 Russian Federation

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия и классификации профилактики правонарушений. Анализируется соотношение понятия «профилактика правонарушений» с иными, смежными с ним по смыслу понятиями, такими как «борьба с правонарушениями», «предотвращение правонарушений», «предупреждение правонарушений». Выделяя общую и индивидуальную профилактику, автор подчеркивает, что, несмотря на диалектическое единство исследуемых разновидностей профилактики правонарушений, приоритетную роль играет общая профилактика. Особое внимание уделено виктимологической профилактике правонарушений, ее специфическим чертам. В статье приводятся классификации профилактики правонарушений и по иным признакам: область регулирования общественных отношений; объекты воздействия; субъекты, применяющие меры профилактического воздействия; виды неправомерного поведения; функции профилактики; этапы применения мер профилактического воздействия; цели, играющие определяющую роль при выборе средств воздействия; длительность профилактических мероприятий и ожидаемые результаты; определенность причин и условий совершения правонарушений, конкретизация круга лиц, на которых необходимо воздействовать; методы реализации профилактических мер воздействия; направления профилактики противоправных деяний и др.

Ключевые слова: профилактика; правонарушение; меры профилактики; общая профилактика правонарушений; специальная профилактика правонарушений; индивидуальная профилактика правонарушений; виктимологическая профилактика.

THE CONCEPT AND TYPES OF THE PREVENTION OF OFFENCES

Annotation. The article is devoted to the study of the concept and classification of the prevention of offences. The correlation of the concept "prevention of offences" with other related terms, such as "fighting offences", "crime prevention", "preventing offences" is analyzed. While singling out the general and individual prevention, the author emphasizes that, despite the dialectical unity of the researched varieties of the prevention of offences, the priority role is played by the general prevention. Special attention is paid to the victimological prevention of offences and its specific features. Besides, the article presents the classification of the prevention of offences according to other characteristics: the area of regulation of public relations; the objects of influence; the subjects applying preventive measures; the types of misconduct; the functions of prevention; the stages of application of preventive measures; the goals playing a decisive role in choosing the means of influence; the duration of preventive measures and expected results; identifying the causes and conditions of the offences commission, specification of the persons being subjects to influence; the methods of implementing the preventive measures; the directions of prevention of unlawful acts, etc.

Keywords: prevention; offence; preventive measures; general prevention of offences; special prevention of offences; individual prevention of offences; victimological prevention.

Одной из острых и важных проблем, к разрешению которой стремятся все страны мира, выступает профилактика правонарушений.

Об эффективности и необходимости профилактики правонарушений говорили и писали с древних времен. Основу формирования системы профилактики правонарушений заложили Платон и Аристотель, отдававшие приоритет предупреждению преступности перед карательной

политикой государства. В эпоху теологического мировоззрения преступления расценивались как проявления «злого духа», «проделки дьявола», «нечистой силы» и т.д., что отразилось на способах выявления и доказывания неправомерных деяний, отличавшихся особой жестокостью.

В Новое время о предпочтении профилактики преступлений пишет Ш. Монтескье в «Духе законов»: «Хороший законодатель не столько заботится о наказании

за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы» [1, с. 201].

Проблема профилактики правонарушений находит свое интенсивное развитие у философов-просветителей. Так, по мнению А.Н. Радищева, совершение преступлений есть не что иное, как реакция народа на весьма тяжелые условия своего существования. Он, как и названные выше философы древности, полагал, что лучше предупредить преступления, нежели оные наказывать. Вслед за ним А.И. Герцен пишет, что преступления вызваны условиями жизни людей, в первую очередь, их экономическим положением, разделением общества на богатых и бедных. А следовательно, ни одно наказание, каким бы суровым оно ни было, не может сдержать девиантность поведения [2, с. 30-35]. Подобные взгляды оказали весьма позитивное воздействие на государство.

В 1857 году по Указу Александра II был издан Устав о предупреждении и пресечении преступлений, содержащий не только нормативные предписания о запрете определенного поведения, но и императивные требования к самой власти не допускать и пресекать неправомерные деяния*.

В России в первые годы после Октябрьской революции 1917 года еще велась активная разработка учения о предупреждении преступлений. Однако в 30-е годы XX столетия она была фактически прекращена. Лишь после развенчания культа личности И.В. Сталина вновь была реанимирована идея профилактики преступлений, которая трактовалась с позиции марксизма-ленинизма. В это время стали формироваться многочисленные общественные организации по профилактике правонарушений (народные дружины, товарищеские суды и т.д.), активно велась профилактическая и воспитательная работа среди населения со стороны трудовых, учебных коллективов, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций.

Впервые свое нормативное закрепление данный термин нашел в ст. 2

Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», согласно которой «профилактика правонарушений – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»**.

Однако понятие профилактики правонарушений следует отличать от иных, смежных с ним по смыслу терминов, таких как «борьба с правонарушениями», «предотвращение правонарушений», «предупреждение правонарушений», и др.

Еще в 60-е годы XX столетия было общепринятым не различать содержание вышеназванных терминов. В частности, И.А. Гельдфан и П.П. Михайленко утверждали: «...не следует искать различий в содержании терминов “предупреждение”, “предотвращение”, “профилактика”, “пресечение”... Они являются синонимами, выражающими мысль о необходимости предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключали появление у остальных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу» [3, с. 12-13].

Другие авторы придерживаются противоположной точки зрения. Так, А.Г. Лекарь под профилактикой понимает процесс выявления, устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений. При этом предупреждение – это недопущение замышляемых и подготовляемых противоправных деяний [4, с. 45].

В настоящее время наиболее распространенным стало мнение, согласно которому профилактика является составной частью предупреждения правонарушений [5, с. 51-52]. Как пишет В.Д. Малков, предупреждение правонарушений, «отражая весь комплекс мер по недопущению преступлений, предохранению от них людей, общества, государства, выступает как родовое по отношению ко всем иным видам превенции понятие» [6, с. 80]. Иными словами, термин «предупреждение право-

* Свод законов Российской империи: в 34 т. Т. 14: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857, 909 с.

** Рос. газ. 2016. 28 июня.

нарушений» — более широкий вид деятельности, нежели профилактика правонарушений. Выступая собирательным понятием, предупреждение правонарушений отражает всю деятельность субъектов по недопущению совершения правонарушений, начиная от формирования причин и условий совершения неправомерных деяний, их окончательного «вызревания» и заканчивая реализацией противоправного замысла.

Таким образом, понятия «профилактика» и «предупреждение» правонарушений соотносятся между собой, как часть и целое. Без профилактики не может быть предупреждения, и наоборот, предупреждения правонарушений не может быть без эффективной профилактики конкретных противоправных деяний. Профилактика является самым ранним, начальным этапом предупредительной деятельности, направленной на недопущение правонарушения.

Следующим этапом в системе предупреждения правонарушения выступает предотвращение неправомерных проступков, на котором сформировавшиеся причины и условия правонарушения в своей совокупности могут привести противоправный план в действие. Однако эта часть предупредительной деятельности, как и профилактика, не предполагает реализации соответствующего решения в жизнь, т.е. на этапе профилактики и на этапе предотвращения как такового противоправного поведения еще нет. Мысли, не нашедшие своего воплощения в форме приготовления к преступлению, покушения на преступление, ненаказуемы с точки зрения права. Вместе с тем именно эти этапы становятся важными направлениями предупредительной деятельности компетентных органов, чтобы противоправный умысел и в дальнейшем не был приведен в исполнение.

В отличие от терминов «профилактика» и «предотвращение» правонарушений термин «пресечение» используется применительно к случаям, когда противоправная деятельность как таковая уже началась, ее необходимо остановить и привлечь виновных к юридической ответственности. В связи с этим можно согласиться с точкой зрения, которую высказал Н.Г. Кобец: «...близкими, но не однозначными являются понятия

“предупреждение”, “пресечение” правонарушений, поскольку предупредить правонарушение — значит не допустить его возникновения, а пресечь правонарушение — значит прервать его, принять меры к тому, чтобы готовящееся или начавшееся правонарушение не было доведено до конца, чтобы его не удалось осуществить полностью» [7, с. 38].

Наряду с понятием «профилактика правонарушений» употребляется понятие «борьба с правонарушениями». Борьба с правонарушениями представляет собой выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование неправомерных деяний. Профилактика правонарушений является более широким, многоплановым понятием, не связанным с готовящимся или уже совершенным правонарушением. Так же, как и профилактика правонарушений, борьба с неправомерными деяниями предполагает выработку и осуществление комплекса специальных мер, направленных на предотвращение совершения правонарушений. Основные элементы борьбы с правонарушениями в той или иной степени отражаются на реализации профилактических мер воздействия.

Принципиальное отличие профилактики от иных смежных терминов состоит в том, что профилактическое воздействие оказывается не только на состоявшихся и потенциальных правонарушителей, но и на лиц, ведущих антиобщественный образ жизни либо нарушающих общепринятые нормы морали, этики и т.д. Причем в последнем случае действующее законодательство не предусматривает наступление юридической ответственности за выполнение этих действий. Кроме того, можно согласиться с мнением эксперта центра «Общественная Дума» С. Литвиненко, который отмечает, что в законе нет определения того, что следует понимать под нарушением общепринятых норм поведения и морали. «Каждый может трактовать это по-своему. Поэтому сюда может войти как слишком шумное поведение, так и глубокое деколье, короткая юбка, вызывающая прическа, какие-нибудь наряды, фотографирование у памятников, громкое прослушивание музыки и т.п.» [8, с. 2].

В современной юридической литературе выделяются различные основания классификации профилактики правонару-

шений. Общеизвестно, что «классификация выступает не просто как констатация уже достигнутого знания, но выполняет важную методологическую функцию: осуществляя систематизацию определенной предметной области, она вместе с этим задает общее направление ее дальнейшего целенаправленного исследования...» [9, с. 10-11].

В зависимости от уровня профилактики различают общесоциальную, специальную и индивидуальную профилактику. Вместе с тем Федеральным законом от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» выделяется 2 вида профилактики. Согласно статье 15 указанного федерального закона:

«1. Общая профилактика правонарушений направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

2. Индивидуальная профилактика правонарушений направлена на оказание воспитательного воздействия на лиц, указанных в части 2 статьи 24 настоящего Федерального закона, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми».

Исходя из приведенных определений, основное различие прослеживается в объекте, на который направлены эти два вида деятельности. Данное отличие предопределяет специфику деятельности в сфере общей и индивидуальной профилактики. При этом исследуемые разновидности профилактики необходимо изучать в диалектическом единстве, которое вытекает из общих целей и задач, решаемых с помощью общей и индивидуальной профилактики.

Однако общая профилактика все же будет играть приоритетную роль, ибо, выявляя и искореняя социально-экономические, политические и иные причины и условия совершения правонарушений в целом, она снижает влияние отрицательных факторов на конкретного субъекта, а следовательно, сокращает число потенци-

альных криминогенных ситуаций и противоречий, способных привести к совершению неправомерного деяния. Общая профилактика задействует практически все силы и возможности государства и общества для создания благоприятного климата в социуме, в котором нормой является ведение законопослушного образа жизни.

Особенностями общей профилактики выступают следующие признаки:

– в ее реализации применяются самые разнообразные средства и меры воздействия;

– меры общей профилактики адресованы всем субъектам независимо от выбранного варианта поведения в обществе;

– в данном направлении профилактической деятельности задействованы не только государственные структуры, но и общественные формирования.

Следует подчеркнуть, что вопросам общей профилактики уделяли особо пристальное внимание в советский период истории нашего государства. Именно на этот период приходится большинство научных трудов ученых-криминологов. Однако, являясь неким примером для многих зарубежных государств, реализация общей профилактики в то время была сопряжена с рядом проблем, основная причина которых заключалась в постановке нереальных, недостижимых по сути целей: искоренение и уничтожение правонарушений и причин, их порождающих.

Целями общей профилактики следует считать улучшение социально-экономической, политической обстановки в обществе, формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания, сдерживающих законопослушных граждан от совершения правонарушений, а значит, снижающих тем самым уровень опасности отдельных видов противоправных деяний.

Меры общей профилактики включают в себя социально-экономические, культурные мероприятия, без которых любые иные меры профилактического воздействия будут малоэффективны. В первую очередь, речь идет о социальной защите населения, уровне благосостояния общества в целом и уровне жизни отдельных групп граждан, государственной политике занятости, духовном развитии, повышении правовой культуры, формировании правосознания и т.д. Данная группа мер обе-

спечивает благоприятный климат в обществе, который исключает возникновение антиобщественных взглядов и намерений и, наоборот, способствует формированию субъектов с богатыми высоконравственными жизненными ориентациями. Таким образом, применение общих мер профилактики основано на методе убеждения. Убеждение представляет собой совокупность различного рода мероприятий, направленных на изменение антиобщественных ориентаций субъектов, способных привести к совершению противоправных деяний и формированию взглядов и стереотипов поведения, когда лицо не из страха, а в силу своего внутреннего убеждения не нарушает законы и иные социальные нормы. В связи с этим основными формами реализации данного метода выступают разъяснительная работа в виде лекций, бесед, обсуждений, выступлений в СМИ, совместное участие в общественно полезной деятельности и т.д. В ходе применения метода убеждения реализуются различные психологические приемы воздействия на волю и сознание человека.

В отличие от общей индивидуальная профилактика воздействует на тех субъектов, от которых можно ожидать противоправного поведения. Отсюда вытекают и другие специфические черты:

- применяются как общие, так и специальные меры воздействия, выбор которых зависит от конкретной ситуации;
- индивидуальная профилактика направлена на нейтрализацию конкретных отрицательных причин и условий совершения правонарушений, коррекцию микросреды конкретного человека;
- применяется, как правило, силами одного ведомства;
- основанием применения специальных мер профилактического воздействия выступает антиобщественный образ жизни либо возможно нарушение действующего законодательства в скором будущем.

В отличие от законодательства в криминологической науке выделяется еще один вид профилактики — специальный, который рассчитан на устранение причин и условий совершения девиантного поведения лицами, включенными в «группу риска».

Кроме того, самостоятельную разновидность профилактики правонарушений

образует виктимологическая профилактика, под которой понимают «целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением, а также на факторы, обуславливающие виктимность, связанную с подобным поведением. В равной мере ее объектом являются факторы и лица, положительное поведение которых, тем не менее, виктимоопасно для них» [10, с. 241].

По мнению Т.П. Будяковой, данный вид профилактики представляет собой подсистему общесоциальных и специально-криминологических мер, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности с помощью нейтрализации негативных виктимных характеристик поведения, исключения предпосылок виктимизации в виде индивидуально-типологических признаков жертвы, а также комплекс мер, обеспечивающих предупреждение вторичной виктимизации жертвы [11, с. 12].

Р.А. Баймурзаева рассматривает виктимологическую профилактику как совокупность государственных и общественных мер, направленных на предупреждение правонарушений посредством снижения для отдельных субъектов риска стать потенциальными жертвами неправомерных деяний [12, с. 20].

Таким образом, можно выделить следующие специфические черты виктимологической профилактики:

- базируется на анализе социально-психологических причин и условий, порождающих виктимизацию в случае совершения правонарушений [13, с. 541];
- осуществляется различными субъектами, на различных уровнях (общем, специальном и индивидуальном).

В настоящее время, несмотря на имеющуюся научно разработанную теорию системы виктимологической профилактики, в России нет эффективной виктимологической политики государства в отличие от стран Запада. Между тем ее необходимость и целесообразность вполне очевидны. Виктимологическая профилактика выступает важнейшей составляющей всей системы профилактики правонарушений. Основная задача виктимологической профилактики состоит в создании системы эффективной защиты населения от потенциальной виктимизации, изменении сложив-

шейся практики обращения с гражданами, ставшими жертвами неправомерных действий. Но для этого необходимо разработать и усовершенствовать нормативную базу, сформировать систему государственных и негосударственных структур, обеспечивающих защиту потерпевших, и т.д. В связи с этим данное направление можно назвать приоритетным в развитии и реализации виктимологической политики государства.

Профилактика правонарушений классифицируется и по другим признакам. Если за основу брать область регулирования общественных отношений, то можно выделить профилактику в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах жизнедеятельности людей.

С учетом объектов воздействия можно различать следующие виды профилактики:

- профилактику причин и условий совершения правонарушений;
- профилактику поведения лиц, потенциально способных совершить или уже совершивших правонарушение;
- профилактику факторов, влияющих на формирование личности.

В зависимости от субъектов, применяющих меры профилактического воздействия, различают профилактику, осуществляемую государственными органами власти, и профилактику, проводимую общественными объединениями и гражданами.

В зависимости от видов девиантного поведения выделяют профилактику преступлений, профилактику административных правонарушений и др.

По выполняемым профилактикой функциям ее можно классифицировать на регулятивную, охранительную и воспитательную.

По этапам применения мер профилактического воздействия различают раннюю, текущую и последующую профилактику.

В зависимости от цели, играющей определяющую роль при выборе средств воздействия, можно выделить стратегическую и тактическую профилактику. В первом случае профилактика преследует общие цели предупреждения правонарушений, связанные с воздействием на любого и каждого независимо от рода и

вида деятельности. Во втором случае профилактика представляет собой деятельность по разработке и осуществлению мер воздействия, направленных на конкретную личность либо группу людей.

В профилактической деятельности весьма важно учитывать длительность профилактических мероприятий и ожидаемые результаты. В одних случаях реализация профилактических мер воздействия может занять непродолжительное время, и в этом случае профилактику можно назвать краткосрочной. А в других ситуациях, и таковых подавляющее большинство, результаты профилактических мероприятий могут быть получены по прошествии длительного периода времени в силу сложности объекта воздействия.

Анализируя разновидности профилактики правонарушений, можно предложить и такую классификацию, в соответствии с которой различаются вероятностная и детерминированная профилактика. Вероятностной называется такая профилактика, в которой четко не определены причины и условия совершения правонарушений, четко не обозначен круг лиц, на которых необходимо воздействовать. Напротив, детерминированная профилактика отличается конкретностью, когда предельно ясно, что профилактировать и кого именно профилактировать [14, с. 39].

В зависимости от методов реализации профилактических мер воздействия можно различать профилактику, осуществляемую с помощью мер убеждения, и профилактику, реализуемую мерами принуждения. Однако на практике в профилактике правонарушений используют их комбинирование.

Можно различать традиционную профилактику правонарушений и профилактику правонарушений в условиях чрезвычайной ситуации [15, с. 38-44].

Нередко профилактика правонарушений осуществляется одним ведомством, и в этом случае ее можно назвать единоначальной. Между тем в повседневной жизни чаще встречаются сложные проблемы и ситуации, решение которых требует комплексного применения мер воздействия несколькими субъектами профилактической деятельности. В этом случае имеет место коллегиальная профилактика правонарушений.

Наконец, в зависимости от направлений профилактики противоправных деяний различают профилактику совершения деяний, направленных на нарушение общественного порядка, общественной безопасности, профилактику правонарушений в сфере незаконной миграции, профилактику правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, профилактику терроризма и экстремистской деятельности, профилактику коррупции и др.

В то же время необходимо отметить, что большинство перечисленных оснований классификации профилактики правонарушений носит условный характер. При всем многообразии критериев группировки исследуемой категории в основу деления должно ставиться ее предназначение, чтобы посредством систематизации подчеркнуть специфические черты профилактики правонарушений.

Список литературы

1. Монтескье Ш. Избранные произведения / под общ. ред. М.П. Баскина; Академия наук СССР. Ин-т философии. М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.
2. Здравомыслов Б.В. Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова / под ред. С.А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. 120 с.
3. Гельдфан А.И., Михайленко П.П. Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. М.: Юрид. лит., 1964. 203 с.
4. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. 104 с.
5. Сизикова Н.М. Профилактика правонарушений в области избирательных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 215 с.
6. Малков В.Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник МГЛУ. Вып. 25 (711). 2014. С. 78-88.
7. Кобец Н.Г. Предупреждение правонарушений в производственном коллективе. Вопросы теории и практики. М.: Юрид. лит., 1982. 208 с.
8. Куликов В. Кандидат в штрафники // Рос. газ. 2016. 22 сент. N 7083 (215).
9. Субботин А.Л. Классификация. М.: Рос. академия наук, 2001. 100 с.
10. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
11. Будякова Т.П. Виктимологическая профилактика преступлений, причинивших моральный вред: дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 501 с.
12. Баймурзаева Р.А. Виктимологические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних // Следователь. 2006. N 7. С. 20-21.
13. Ищенко Е.П., Алымов Д.В. Основные направления виктимологической профилактики преступлений террористической направленности: криминологический и криминалистический аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. N 3. С. 538-546.
14. Черненко А.П. Планирование профилактики правонарушений в органах внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 165 с.
15. Григорьев В.В. Правовые и процессуальные аспекты профилактики преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Вып. 4. Т. 14. С. 38-44.

ДЕМИДОВА-ПЕТРОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
demidova.liza@gmail.com
Кафедра криминологии
и уголовно-исполнительного права;
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

DEMIDOVA-PETROVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
demidova.liza@gmail.com
Chair of criminology
and penitentiary law;
Kazan Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Magistralnaya St. 35, Kazan, 420108,
Russian Federation

МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Аннотация. Обязательным условием достижения наиболее эффективных результатов в предупреждении проблемных социальных явлений и преодолении их криминологически значимых последствий является построение стратегии, предусматривающей устранение причин и условий их возникновения, и следование данной стратегии. Для сферы борьбы с преступностью как социальным явлением это условие выражено в необходимости прогнозирования ее проявлений во множественных характеристиках, а также в их подверженности предлагаемым мерам воздействия. Важнейшая роль при этом отводится методологическим основам предупреждения, которое следует рассматривать как составную часть криминологической политики борьбы с преступностью в целом и с отдельным ее видом (преступностью несовершеннолетних) в частности, в тесной связи с планами экономического, социального, политического развития государства и общества.

Ключевые слова: преступность; несовершеннолетний; преступность несовершеннолетних; методология; предупреждение; борьба с преступностью; прогнозирование.

THE METHODOLOGY OF THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA

Annotation. The prerequisite for achieving the most effective results in the prevention of problematic social phenomena and overcoming their criminological significant consequences is to build and follow the strategy that provides for the elimination of the causes and conditions of their occurrence. Concerning the sphere of combating crime as a social phenomenon, this condition is expressed in the need to predict its manifestations in multiple characteristics, as well as their exposure to the proposed measures of impact. The most important role in this process should be given to the methodological foundations of the prevention, which should be considered as an integral part of the criminological policy of combating crime in general and its separate form (juvenile delinquency) in particular. Besides, it should be considered in close connection with the plans for economic, social, political development of the state and society as a whole.

Keywords: crime; juvenile; juvenile delinquency; methodology; prevention; fight against crime; prediction.

Построение и следование стратегии, предусматривающей устранение причин и условий возникновения проблемных социальных явлений, — обязательное условие достижения эффективных результатов в предупреждении, а также преодолении их последствий. Для борьбы с преступностью как социальным явлением это условие выражено в необходимости прогнозирования ее проявлений во множественных характеристиках, а также их подверженности предлагаемым мерам воздействия. Данное положение является классической парадигмой в теории предупреждения

преступности, разделяемой криминологами разных научных школ и направлений. Предвосхищая запланированные оценки, в качестве гипотезы следует отметить, что такая парадигма не всегда получает практическое воплощение. Для обоснования и проверки этой гипотезы потребуются обращение к исходным криминологическим позициям методологических основ предупреждения преступности.

Профилактику преступности принято рассматривать как составную часть государственной политики, в тесной связи с планами экономического, социаль-

ного, политического развития общества [1, с. 43]. При таком подходе достигается не только системное видение процессов детерминации криминальных явлений в их внешнем и внутреннем взаимодействии. Кроме того, становится реалистичной комплексная нейтрализация причин и условий, способствующих генезису и воспроизводству криминальных явлений. Ресурсы таких возможностей заложены не столько в антикриминальных программах, какого бы уровня они не были, сколько в соответствующих действительности планах развития социально значимых сфер.

Если принять во внимание свойства преступности проникать во все сферы жизнедеятельности, оказывать на них влияние, то описываемые черты комплексного подхода к предупреждению негативных проявлений представляют собой сложный композиционный процесс одновременно управления разными социальными явлениями, с нередкими непредсказуемыми изменениями. Особые трудности такой процесс управления имеет в предупреждении преступности несовершеннолетних. Свойственные их возрасту психологические, эмоциональные, нравственные, социально-демографические характеристики восприятия действительности выступают «драйвером» изменений как внутри, так и вокруг них. В таких условиях гуттаперчевого взаимодействия социальной среды и личности, а конкретно — разных сфер общественных отношений, участниками которых становятся несовершеннолетние, статичные и узкоотраслевые программы предупреждения преступности малоуспешны. Этот довод по аналогии можно привести по отношению ко всем отраслевым программам общественного развития, которые не обладают гармонией с однородными по существу социального назначения планами, концепциями и стратегиями.

Межотраслевое планирование, в частности, предупреждения преступности несовершеннолетних через призму емких социальных отношений исключает сферическую разобщенность положений, направленных на нейтрализацию причинного комплекса криминальных проявлений среди молодежи. В данном случае оно позволяет определять риски конфликта между задачами развития сфер, которые

способны культивировать преступность несовершеннолетних. В связи с этим вопреки устоявшимся прикладным и теоретическим категориям функция планирования мер не может венчаться оформлением управленческого акта или же нормативного документа, рассчитанного на безоглядное применение, руководство которым приведет к промежуточным результатам. Например, в действительности может быть достигнуто снижение коэффициента преступности, числа регистрируемых криминальных деяний. Однако, учитывая особенности статуса лиц (несовершеннолетние), для воздействия на которых предназначены планируемые меры, в частности, динамику воспроизводства поколения, имеющую весьма короткий срок для становления и прекращения социального возраста (от 14 до 18 лет), равно как и возраста привлечения к уголовной ответственности, эти меры окажутся одномоментными. Данное предположение можно дополнительно обосновать иными доводами.

В планировании предупреждения преступности несовершеннолетних заложен латентный потенциал издержек их одномоментности, когда, как описано выше, они применяются в конкретных условиях пространства и времени, которым соответствуют имеющиеся социальные, экономические, политические, культурные, общественные отношения. При таком положении, даже если предположить, что эти отношения стабильны и будут оставаться таковыми в будущем, то велики риски того, что они могут оказаться не соответствующими потребностям вступивших в возраст уголовной ответственности, но еще не ставших совершеннолетними. Иными словами, аккумуляция потенциала профилактики преступности, рассчитанной для следующего поколения, вошедшего в зону криминогенных рисков, будет не только недостаточна, но и бесцельна.

Эту формулу дефицита планирования предупреждения преступности можно обратить и в сторону взрослых, которые избежали криминогенных рисков в несовершеннолетнем возрасте, но оказались под их воздействием позже. Такие обстоятельства могут проявить себя в том случае, когда в планировании нет элементов системы, прогноза, мониторинга и кон-

троля реализации мер профилактики, а по их итогам – корректировки программ, методического обеспечения, научного сопровождения, промежуточных индикаторов оценки предпринятых мер и степени подверженности им криминологически значимых явлений. Допустим, элемент системности может получить выражение в обеспечении соответствия между программами разного уровня или распространения. Например, в простейшем случае – в отношении лиц, к которым применимо гендерное различие. В специально-криминологическом случае – по отношению к виктимным и криминогенным субъектам.

В случае пренебрежения вышеприведенными позициями исполнение криминологических задач обречено на ординарность. В зоне рисков такой заурядности находится прежде всего региональный формат планирования, который нередко оказывается замкнутым на локальных вопросах. Ошибочным, например, может быть средоточие специальных мер предупреждения преступности несовершеннолетних в городских поселениях в ущерб сельским или развитие организованных и контролируемых точек досуга и отдыха в местах учебы несовершеннолетних, без учета реальных дислокаций их времяпровождения, где могут быть совершены правонарушения.

Исключение значительного числа описанных недостатков планирования, как представляется, возможно при сочетании двух подходов.

Первый – формальный, но конструктивный для документального оформления и обеспечения соответствия задач предупреждения целям планирования. Этот подход предусматривает следование положениям Федерального закона от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»*. Рекомендации использования этого закона для решения криминологических задач в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних выражены в следующих обоснованиях. Во-первых, нормативный правовой статус программ, планов пред-

упреждения преступности предопределяет потенциал реализуемости мер, что обеспечивается соответствующим уровнем контроля, отчетности. Во-вторых, требования к планированию предполагают формирование предваряющих предложений (мер, средств) не отвлеченно или надуманно, а на основе взаимосвязанных документов, которые выполняют методологическую функцию.

Идеи обеспечения планирования при помощи сопутствующих ему документов находили свое отражение в специальной литературе, посвященной вопросам формирования системы мониторинга и оценки состояния национальной безопасности при реализации стратегических национальных приоритетов [2, с. 13-17]. Принимая за основу ключевые положения такого планирования, в контексте темы настоящего исследования методологическое содержание требуемых обеспечительных документов можно классифицировать представленным ниже способом.

Первостепенное значение имеют документы концептуального характера, которые определяют приоритетные направления предупреждения преступности несовершеннолетних, возможные или предполагаемые институциональные преобразования (создание координационных органов, уточнение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, разработка нормативных правовых актов), взаимосвязанные средства профилактики (в области образования и культуры, здравоохранения и спорта т.д.).

Следующим по последовательности разработки и принятия должен выступать прогнозный документ, на основе которого можно предвидеть изменения преступности несовершеннолетних и отдельных ее проявлений во всех криминологически значимых характеристиках (распространенности, активности, организованности). Назначение этого документа позволяет сверять планирование с ожидаемыми результатами, осуществлять корректировку содержания основной программы предупреждения с изменяющейся криминальной ситуацией. Учитывая сложный характер функциональных задач этого документа, его разработкой должны заниматься профессионалы, обладающие специаль-

* О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ; ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 26 (ч. I). Ст. 3378; URL: <http://pravo.gov.ru>

ными знаниями в области криминологии. В связи с этим в концептуальном (предшествующем) документе должны быть определены полномочия органов государственной власти и управления, порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями, ресурсы которых будут задействованы при разработке прогнозного документа, анализе и оценке его использования.

Далее следуют программные документы, в которых определены предметные области и сферы реализации конкретных мероприятий, имеющих сроки, показатели достижения результатов, объем финансовых, материальных, кадровых ресурсов, указание реципиентов профилактических мер. Криминологически значимо в позициях программных документов соблюсти паритет общих, специальных и индивидуальных мер профилактики преступности, планируемых к реализации.

Завершают документарный комплекс обеспечения программы предупреждения преступности несовершеннолетних проекты нормативных правовых актов, которые определяют ключевые положения: сроки ее реализации; ее цели и задачи; целевые группы, на которые направлена деятельность по программе; краткое обоснование проблемы преступности несовершеннолетних и необходимости ее решения программно-целевым методом; порядок и условия взаимодействия субъектов — исполнителей программы; ожидаемые результаты.

Второй подход обеспечения планирования выражен в его научном или научно-исследовательском сопровождении. Обоснование необходимости его применения состоит в том, что содержание программ предупреждения преступности должно быть адекватно криминогенным рискам и криминальной ситуации. Они не просто изменчивы, но и обладают сложными характеристиками детерминации и причинности, которые подвластны анализу и оценке научно-прикладного свойства. Данный подход не предусматривает прерогатив участия в нем специалистов, представляющих одну отрасль науки, а тем более ее отдельные специальные направления.

Это обстоятельство объясняется проблематикой рассматриваемых программ предупреждения преступности, рассчитан-

ных на специфическую целевую группу, — несовершеннолетних. Здесь следует учитывать актуальность междисциплинарного взаимодействия научных отраслей и специалистов, их представляющих (прежде всего педагогов и психологов). Безусловными участниками такого научно-экспертного сопровождения программ профилактики должны быть социологи. Важно учитывать, что предложения и рекомендации органов власти, научных экспертов могут не совпадать с представлениями реципиентов программ. Криминогенные факторы социального, экономического, политического свойства рассматриваются не в качестве предикатных или сопутствующих проявлений преступности, а как привычное явление. Следовательно, планирование и программирование, а затем и реализация документов предупреждения преступности несовершеннолетних нуждаются в социологическом сопровождении.

Методология обеспечения программ предупреждения преступности при их разработке и воплощении невозможна без деятельного участия предметных специалистов в области борьбы с преступностью — криминологов. Именно они аккумулируют и используют для решения задач предупреждения информацию, полученную не только в ходе своей исследовательской деятельности. Значение участия криминологов в данном случае сложно переоценить, поскольку оно позволяет избежать поверхностных и односторонних решений, которые могут казаться достаточными с позиции экспертов — представителей других отраслей науки. Криминологи в своем анализе и оценках происходящих процессов действительности, тесно связанной с их последствиями в виде преступности, могут обеспечить разумный конформизм, то есть соответствие тех мер, которые предлагают к реализации работники управления, социологи, экономисты, педагоги, психологи, политологи, задачам предупреждения преступности. Более того, профессиональный состав криминологов образуют преимущественно люди практики, действующие (научные) работники правоохранительной системы или имеющие реальный опыт работы в сфере борьбы с преступностью. Уже одно это обстоятельство предопределяет научно-прикладной характер результатов их исследований.

Криминологическое сопровождение программ предупреждения преступности несовершеннолетних должно охватывать весь цикл — от их разработки до подведения итогов. Методологические принципы и законы, составляющие ядро других наук, «включены в самостоятельный раздел общей части криминологии, аксиоматичны для теории криминологической характеристики и поэтому используются ею без изменений» [3, с. 1491]. Ведущее назначение криминологов в методологическом обеспечении предупреждения преступности состоит в возможностях использования ими всего арсенала средств исследования преступности. Криминологи являются субъектами междисциплинарного познания, которое позволяет обосновывать корректировку программ, предвидеть необходимость исключения или прибавления усилий превенции в тех или иных сферах. Результат таких возможностей в предметном виде можно выразить в оперативных или текущих исследованиях криминологической характеристики преступности несовершеннолетних, территориальных картах распространенности ее проявлений. Преимущество методов эмпирического анализа и оценки криминологических явлений и процессов в динамике перед фрагментарными средствами их наблюдения или фиксации несомненно. Представляется допустимым проиллюстрировать это утверждение следующим доводом-моделью.

Программа превентивных мер антикриминального и девиантного поведения несовершеннолетних содержит конкретное мероприятие — «Проведение социально-психологического тестирования в рамках мероприятий по раннему выявлению среди несовершеннолетних лиц, употребляющих наркотические средства без назначения врача»*. Предположим, что реализация этого мероприятия происходит не сплошным образом, а выборочно в общеобразовательных организациях субъекта Российской Федерации. Селективный характер тестирования может быть предопределен незначительным объемом финансиру-

ния этого мероприятия или дефицитом специалистов, в нем участвующих.

Возникает множество вопросов. Например, будет ли репрезентативным результат этого мероприятия в том случае, если тестирование пройдут учащиеся общеобразовательных средних, а не средних профессиональных учебных заведений, слушатели которых в силу особенностей социальной среды и либерального состояния социального контроля более подвержены криминогенному влиянию факторов, ведущих к наркопреступности. Принципиальной может оказаться дилемма территориальных предпочтений или позиций выборки учебных заведений, учитывая географическую обширность субъекта Российской Федерации. Не менее важным, а возможно, и основным критерием выступает определение возраста обследуемых несовершеннолетних (от 7 до 18 лет), равно как и их гендерной принадлежности, принимая во внимание, что в «теле» содержания мероприятия не отмечен их социально-демографический статус. Перечень возможных следующих вопросов неисчерпаем, если не прибегнуть к помощи криминологов.

Именно они на основе имеющихся и специально проводимых исследований региональных характеристик организованной преступности и ее участников (как субъектов криминального рынка запрещенных товаров, работ и услуг), наркопреступности, преступности несовершеннолетних дадут реальную картину криминологически значимых позиций. Таковыми могут выступить: коэффициент уголовно наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотиков на 100 тысяч населения в разрезе муниципальных образований; результаты конкретно-социологических исследований (опросов); составление портрета личности, которая подвергнута воздействию криминогенных факторов вовлечения в наркопреступность; состояние правоохранительной деятельности; специфические процессы детерминации и причинности криминальных проявлений, тесно связанных с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных средств. Прикладное значение криминологического сопровождения программ реализации предупредительных мер заключается не просто в фиксации состояния исследуемых процессов, а в выявлении их закономерностей, оценке

* Региональная программа профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2015-2017 годы: утв. распоряжением Правительства Красноярского края от 15 июня 2015 г. N 519-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

реалистичности и соответствия мер целям превенции, установлении подверженности криминальных явлений предпринимаемым в отношении их мерам.

Важно обеспечить возможность осуществления криминологических заключений как по промежуточным этапам конкретных мероприятий, предусмотренных программой, так и по завершении их исполнения. Такие заключения должны являться обязательным отчетно-контрольным атрибутом или элементом управления программой, равно как финансовая, управленческая документация, выступающая свидетельством их исполнения.

Вопросы, связанные с подготовкой криминологических заключений, не могут автоматически решаться в условиях отсутствия правовых оснований для проведения тесно связанной с ней криминологической экспертизой, ее методики и правил осуществления. Корреляция экспертизы и заключения очевидна. Экспертиза является исследованием, заключение — формой научно и практически обоснованных выводов и предложений.

В таком контексте криминологическая экспертиза в задачах реализации программ предупреждения преступности явилась бы инструментом мониторинга их исполнения, своевременной корректировки содержания профилактических мероприятий, соответствующих изменяющимся реалиям, в том числе и тем, которые происходят в процессе успешной или проблемной превенции. Такая корректировка позволяет избежать излишних ресурсных затрат самого разного характера: финансовых, временных, кадровых, организационных, методических, аналитических.

Криминологическое сопровождение мероприятий и содержание соответствующих заключений по итогам их реализации обладают безусловным прогностическим потенциалом. Для общих задач криминологии в целом [4, с. 5; 5] и для борьбы с исследуемым видом преступности в частности прогноз носит ярко выраженный гносеологический характер.

Итак, природа явлений, связанных с преступностью несовершеннолетних, часто латентна, а процессы детерминации настолько динамичны, что предсказать их возникновение, а также дальнейшее состояние развития крайне сложно. Реалистичность данных утверждений иллюстрируют современные тенденции вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, нелегитимные протестные акции. В условиях свершившихся фактов вовлечения несовершеннолетних в антисоциальные или криминальные процессы уполномоченные органы государственной власти, прежде всего правоохранительные органы, оказываются в ситуации реагирования на последствия. Комплекс задач установления причин, условий, процессов детерминации, возможных рисков развития тенденций вовлечения не просто отходит на второй план, но приобретает характер просроченной актуальности. Таким образом, решения подобных проблем можно избежать, если исходные обстоятельства, вызывающие необходимость их разрешения, подвластны прогнозированию и недопущению к воплощению, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность реализации стратегии и тактики предупреждения преступности несовершеннолетних.

Список литературы

1. Долгова А.И. Стратегические направления борьбы с преступностью // Формирование государственной политики борьбы с преступностью: материалы конф. М., 1997. С. 35-45.
2. Афиногенов Д.А., Воронин В.В. Роль документов стратегического планирования: правовые аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. N 2. С. 13-17.
3. Новикова Ю.В. Методологические начала криминологической характеристики преступности (преступлений) // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 11. С. 1488-1492.
4. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 528 с.
5. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972. 334 с.

Раздел 6. Правоохранительная политика

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
dbrazh@mail.ru
Всероссийский научно-исследовательский
институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
dbrazh@mail.ru
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation

КИЙКО А.Ю.,
кандидат юридических наук,
kiikovich@mail.ru
Научно-исследовательский центр N 1;
Всероссийский научно-исследовательский
институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25

KIYKO A.Yu.,
Candidate of Legal Sciences,
kiikovich@mail.ru
Scientific research center number 1;
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation

МАЛИКОВ С.В.,
кандидат юридических наук,
s.v.malikov@yandex.ru
Научно-исследовательский центр N 1;
Всероссийский научно-исследовательский
институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25

MALIKOV S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
s.v.malikov@yandex.ru
Scientific research center number 1;
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НАРКОСИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков за период с 2010 по 2017 год. Доля указанных преступлений в общей структуре преступности занимает значительное место (10 %) и составляет одну из главных угроз государственной и общественной безопасности. Основные изменения на протяжении последних лет связаны со структурой изымаемых наркотиков, стремительным ростом незаконного оборота синтетических наркотиков, масштабным использованием современных информационных технологий и появлением новых способов оплаты. Авторами анализируются основные направления (маршруты) распространения наркотиков, факторы, определяющие состояние наркоситуации в Российской Федерации, приводится прогноз ее развития и предлагаются меры, направленные на снижение (минимизацию) рисков, исходящих от наркоугрозы.

Ключевые слова: наркотики; наркопреступность; тенденции наркопреступности; факторы наркопреступности.

CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF THE DRUG SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the situation in the sphere of illicit drug trafficking during the period from 2010 to 2017. The proportion of these crimes in the general structure of crime is significant (10%), and it is one of the main threats to state and public security. The main changes over recent years are connected with the structure of the seized drugs, the rapid increase in illegal trafficking of synthetic drugs, the use of modern information technology and the emergence

of new ways of payment. The authors of the article analyze the main directions (routes) of drugs distribution and the factors determining the drug situation in the Russian Federation. The forecast of the drug situation development is provided. The measures aimed at reducing (minimizing) the risks arising from the drug threat are proposed.

Keywords: drugs; drug crime; trends in drug-related crime; factors of drug crime.

Незаконный оборот наркотиков является одной из мировых проблем, требующих консолидации усилий всех государств. По данным экспертов ООН, в настоящее время около 230 млн человек (5 %) взрослого населения планеты употребляют наркотики [1]. В Российской Федерации этот показатель, по оценке экспертов, составляет около 8,5 млн человек, или 6 % [2].

Масштабы незаконной наркоторговли влекут существенные негативные последствия, затрагивающие социально-экономическую, демографическую, духовно-нравственную, правовую и иные сферы жизни общества. Именно поэтому незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ относится к числу основных угроз государственной и общественной безопасности*.

В России по состоянию на 1 января 2017 г. зарегистрировано 581,6 тыс. потребителей наркотических средств и психотропных веществ. В 2016 г. произошло 5766 случаев смертельных отравлений наркотиками. Практически каждый пятый (в среднем 19,4 %) наркопотребитель приобщается к наркотикам в возрасте до 15 лет; 72,3 % – в возрасте 16-25 лет.

Незаконное потребление наркотиков подрывает обороноспособность страны. Так, в 2016 г. 1230 человек освобождено от призыва на военную службу в связи с немедицинским потреблением наркотиков. В 2016 г. выявлено 4097 военнослужащих, имевших опыт потребления наркотиков [3].

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в общей структуре преступности составляют в

среднем 10 %**. В 2016 г. выявлено 201 165 таких преступлений [5]***, что тем не менее на 15,1 % меньше аналогичного показателя 2015 г. (см. рис. 1). Свыше 70 % регистрируемых наркопреступлений относится к категории тяжких и особо тяжких (в 2017 г. – 100,7 тыс., +3 %). Снижение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 2015 по 2016 г., на наш взгляд, обусловлено снижением уровня наркотизации населения Российской Федерации, что косвенно подтверждается наблюдаемым с 2015 г. сокращением преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения (в 2015 г. – на 0,2 %, в 2016 году – на 14,9 %). Кроме того, по данным Минздрава России, количество пациентов, обратившихся за наркологической помощью, в течение последних пяти лет уменьшилось на 16 %, снизился и синдром зависимости от наркотических веществ в расчете на 100 тыс. человек.

Уровень наркопреступности в 2016 г. составил 137 преступлений на 100 тыс. населения.

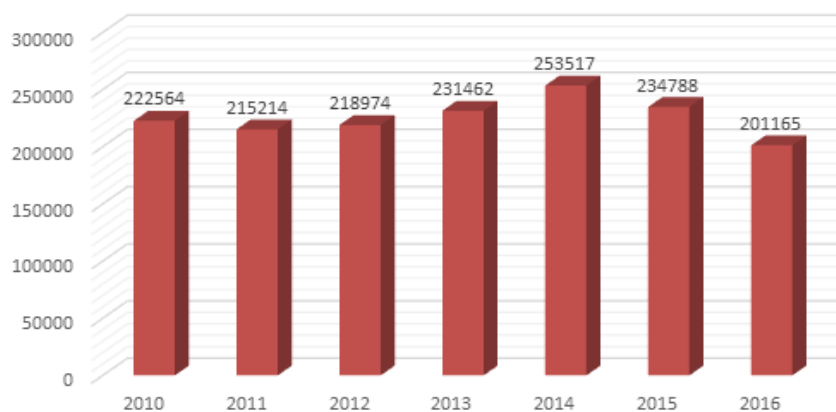

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации в 2010-2016 гг.

* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента РФ от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

** Здесь и далее использованы статистические данные ГИАЦ МВД России. Статистические формы Ф171 и Ф173.

*** Статистические данные приведены с учетом сведений по Республике Крым и г. Севастополю.

Вместе с тем тенденция снижения количества выявляемых преступлений в данной сфере, наблюдавшаяся в 2015-2016 гг., сменилась в 2017 г. ростом (+3,5 %, 140,8 тыс. преступлений) (см. рис. 2).

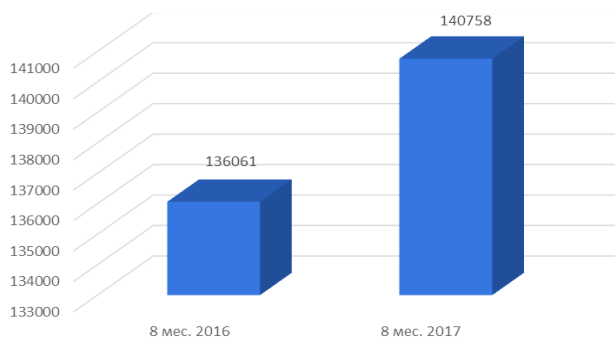

Рис. 2. Динамика количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации за 8 месяцев в 2016 и 2017 гг.

Одним из основных факторов, объясняющих данную динамику, являются принятые МВД России организационные меры, позволившие в переходный период обеспечить непрерывность осуществления передаваемых органам внутренних дел полномочий в сфере контроля за оборотом наркотиков*. Реализован комплекс мероприятий, направленных на выявление преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, и преступлений, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ.

Обеспечено эффективное и качественное расследование уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в том числе принятых к производству органами предварительного следствия в связи с упразднением ФСКН России.

За первое полугодие 2017 г. правоохранительными органами Российской Федерации на момент возбуждения уголовного дела из незаконного оборота изъято около 11 т запрещенных и подконтрольных веществ, в том числе 8,3 т наркотических

средств, 276,6 кг психотропных веществ, 2,3 т сильнодействующих веществ и 64 кг прекурсоров. В структуре наркотических средств свыше 5,4 т изъятых наркотиков относится к каннабисной группе, 2,3 т – к синтетическим наркотическим средствам, 499 кг – к наркотикам опийной группы.

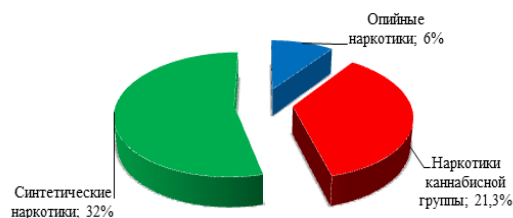

Рис. 3. Структура изъятых из незаконного оборота наркотиков за первое полугодие 2017 г.

Важной составляющей противодействия незаконному обороту наркотиков является подрыв экономических основ наркобизнеса. В частности, пресечено 77 преступлений, связанных с легализацией наркодоходов. Всего в отчетном периоде правоохранительными органами расследовано 7225 преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом. За совершение наркопреступлений к уголовной ответственности привлечено 55 548 человек.

Кардинальным образом переломить наркоситуацию возможно только в случае выработки единой антинаркотической политики, выстраивания сбалансированной системы противодействия наркоугрозе, сочетающей правоохранительные, контрольные, профилактические, медицинские и реабилитационные меры, а также единые подходы в организации международного сотрудничества по противодействию наркоэкспансии, налаживания тесного взаимодействия компетентных органов в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время сохраняются негативные тенденции, свойственные незаконному обороту наркотиков на протяжении последних лет.

1. Доминирование в общем объеме изымаемых наркотических средств наркотиков каннабисной группы (марихуана, гашиш, масло каннабиса). В основном они производятся на территории Российской Федерации, располагающей значительной

* О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента РФ от 5 апр. 2016 г. N 156 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 15. Ст. 2071.

собственной сырьевой базой, а также имеют зарубежное происхождение и поступают контрабандным путем из Афганистана, стран Центрально-Азиатского региона, Северной Африки (Марокко) и Европейского союза.

2. Существенная доля наркотиков опийной группы, которые стабильно занимают второе по распространенности место. В соответствии с докладом Национального института статистики и географии Мексики и Управления ООН по наркотикам и преступности о «Дорожной карте передвижения наркотиков» за последние три года Российская Федерация на международном уровне рассматривается как страна-потребитель и страна транзита*. Абсолютное большинство наркотиков опийной группы имеет афганское происхождение и поступает на территорию России по «Северному маршруту» через Таджикистан, Киргизию, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

Кроме того, значимую роль в контрабанде наркотиков опийной группы играют:

– «Балканский маршрут» – через Иран, страны Закавказья (Азербайджан, Грузия) и акваторию Каспийского моря;

– «Восточный маршрут» – через Китай и Монголию.

3. Продолжение стремительного роста незаконного оборота синтетических наркотиков, в том числе новых психоактивных веществ, которые в большинстве случаев поступают из Юго-Восточной Азии (Китай, Мьянма, Таиланд, Лаос), Нидерландов, Германии, Польши, стран Прибалтики.

Активизация производства синтетических наркотиков на территории России определяется их доступностью по цене и способу приобретения (в основном в местах массового досуга и через сеть Интернет).

Российский наркорынок регулярно пополняется новыми психоактивными веществами (в их числе: синтетические каннабиноиды ряда JWH, мефедрон, метилон, MDPV и др.), схожими по своему воздействию на организм человека с такими наркотическими средствами, как амфетамин, марихуана и ЛСД. Рост незаконного оборота данных веществ обусловлен практически неограниченными возможностями

их синтеза, производства и внедрения на рынки, а также низкой стоимостью.

Данное обстоятельство подтверждается изменениями в структуре больных наркоманией, за период с 2015 по 2016 г. динамика показателей общей заболеваемости различными формами наркомании носила разнонаправленный характер. Так, заболеваемость опиоидной наркоманией уменьшилась со 157,5 на 100 тыс. населения до 138,9, или на 12 %. Заболеваемость каннабиноидной наркоманией осталась на прежнем уровне (2015 г. – 19,3, 2016 г. – 19,2 на 100 тыс. населения). Наблюдался значительный рост показателя общей заболеваемости у пациентов с зависимостью от других наркотиков и полинаркоманией – с 27,5 до 31,5 на 100 тыс. населения, или на 14,5 %; а также с зависимостью от психостимуляторов – с 8,6 до 9,8 на 100 тыс. населения, или на 13,7 % [4, с. 20].

4. Масштабное использование при распространении наркотиков современных информационных технологий: систем виртуальной автоматической телефонной связи, интернет-мессенджеров, а также встроенных в мессенджеры функций самоуничтожения в чатах, затрудняющих документирование противоправной деятельности; что существенно осложняет проведение мероприятий, направленных на выявление и пресечение вскрываемых каналов поставки наркотиков, доказывание сбыта наркотических средств и вины наркоторговцев.

5. Появились новые способы оплаты наркотиков. В частности, с 2014 г. все большую популярность стала приобретать новая система оплаты за наркотики «биткоинами». Данная система оплаты полностью анонимна (у каждого участника есть только адрес кошелька в виде случайно подобранной комбинации цифр и букв). «Биткоины» не имеют привязки к какой-либо стране и единого информационного центра (руководства, офисов, серверов и т.д.), в связи с чем платежи идут от адресата к адресату, минуя банки и платежные системы. Чтобы «обезопасить» свою противоправную деятельность, продавцы и покупатели наркотиков используют Tor-браузер, шифрующий IP- и ID-адрес электронного устройства, с которого осуществляется выход в сеть Интернет, а также пользуются фиктивными данными. При переводе «биткоины» попадают в «сервис-миксеры» («BitcoinFog»,

* Документ E/CN.3/2017/ Статистическая комиссия. Сорок восьмая сессия. 7-10 марта 2017 г. Экономический и Социальный Совет ООН. URL: unstats.un.org

«InstaWallet»), где смешиваются с другими средствами, и сумма перевода составляется методом случайного выбора из имеющихся средств, что практически не позволяет задокументировать противоправную деятельность объектов, связанную со сбытом наркотиков.

Прогноз развития ситуации, связанной с распространением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, с их незаконным оборотом на территории Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что интенсивность наркоэкспансии не уменьшится, будут расти объемы поставок наркотиков опийного ряда из регионов, расположенных на границе со странами Центральной и Средней Азии, Украины.

География трафика героина будет расширяться, в то же время доминирующее положение на наркорынке традиционно будут занимать наркотики каннабисного ряда.

Ожидается дальнейшее распространение новых видов психоактивных веществ, как включенных, так и не включенных в список перечня наркотических средств, подлежащих контролю в Российской Федерации.

Одним из определяющих факторов, оказывающих негативное влияние на наркоситуацию в стране, становится активное распространение на международном рынке синтетических наркотиков, а также рост объемов их производства. В числе основных поставщиков синтетических наркотиков (прежде всего синтетические каннабиоиды и стимуляторы амфетаминового ряда) останутся регионы Юго-Восточной Азии, а также Украина, страны Балтии и Евросоюза (Польша, Голландия и Бельгия). Есть все основания ожидать продолжения роста уровня наркопреступности и наркомании.

Сложившаяся наркоситуация диктует необходимость совершенствования нормативного правового регулирования в сфере государственной антинаркотической политики. Основное внимание при подготовке

законодательных инициатив следует уделить установлению и усилению ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков, использование современных средств массовой коммуникации в распространении наркотиков, других информационно-коммуникационных технологий (включая «крипторынки») и электронных платежных систем в незаконном обороте наркотиков.

Приоритетными задачами МВД России в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков являются:

– выявление и пресечение преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, изъятие крупных партий наркотиков, подрыв экономических основ наркобизнеса и противодействие легализации наркодоходов;

– дальнейшее повышение качества проводимых мероприятий по выявлению и пресечению каналов контрабанды наркотиков;

– совершенствование научно-технического обеспечения, разработки и внедрения новейших образцов оперативно-технических средств и передовых технологий, способствующих выявлению и пресечению наркопреступлений.

Особое внимание необходимо уделять совершенствованию форм и методов оперативно-профилактической работы и решению задач в сфере снижения спроса на наркотики. В частности, предлагается обеспечить постоянный мониторинг мобильных приложений, в том числе мессенджеров, в целях выявления и пресечения фактов распространения наркотиков, активизировать деятельность в сфере антинаркотической пропаганды с использованием средств массовой информации, современных информационных технологий и программных платформ.

Комплексный подход к борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ позволит минимизировать ее негативное влияние на состояние правопорядка в стране.

Список литературы

1. Всемирный доклад о наркотиках. URL: http://www.unodoc.org/documents/data-and-analysis/WDR2016WDR_Russian_web.pdf (дата обращения: 20 окт. 2017 г.).
2. URL: <http://www.fskn.gov.ru/> (дата обращения: 20 окт. 2017 г.).
3. Доклад Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2016 году. Документ официально опубликован не был.
4. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015-2016 годах: статистический сб. / В.В. Киржанова [и др.]. М.: ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России, 2017.

КОРЧАГИН О.Н.,
кандидат юридических наук,
on.korchagin@migsu.ru
Институт государственной службы
и управления;
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571, г. Москва,
просп. Вернадского, 82/1

KORCHAGIN O.N.,
Candidate of Legal Sciences,
on.korchagin@migsu.ru
Institute of Public Administration
and Management;
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation,
Vernadsky Ave. 82/1, Moscow,
119571, Russian Federation

ЧИРКОВ Д.К.,
кандидат юридических наук, доцент,
dk8888@mail.ru
Кафедра юридических дисциплин;
Российский государственный университет
туризма и сервиса,
141221, Московская обл.,
Пушкинский р-н,
дп Черкизово, ул. Главная, 99

CHIRKOV D.K.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
dk8888@mail.ru
Chair of legal disciplines;
Russian State University
Of Tourism and Service,
Glavnaya St. 99, Moscow region,
Pushkinsky district,
suburban settlement Cherkizovo,
141221, Russian Federation

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Аннотация. Рассматриваются отдельные аспекты применения уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и легализации (отмыванию) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков. Проведен анализ статистической отчетности за продолжительный период, а также представлена авторская позиция о приоритетных направлениях антинаркотической деятельности, которые необходимо отразить в новой редакции Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.: повышение эффективности национальной системы должно заключаться в консолидации усилий всех органов государственной власти и управления в борьбе с транснациональной организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков; совершенствование уголовного законодательства в части противодействия легализации преступных доходов; повышение эффективности механизмов ареста и конфискации денежных средств и иного имущества, полученных в результате преступной деятельности.

Ключевые слова: уголовное законодательство; противодействие легализации доходов; арест; конфискация; незаконный оборот наркотиков; наркобизнес; организованная преступность; транснациональное преступление.

CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF COUNTERACTING THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF THE PROCEEDS RECEIVED FROM ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

Annotation. Some aspects of the application of the criminal legislation in the field of combating illegal drug trafficking and legalization (laundering) of proceeds derived from drug trafficking are considered. The analysis of statistical reporting over a long period of time is carried out. The authors' position on the priority areas of anti-drug activities that should be reflected in the new version of the Strategy of the State Antinarcotic Policy of the Russian Federation until 2020 is presented: improving the efficiency of the national system should consist in consolidating the efforts of all state authorities and management in the fight against transnational organized crime in the sphere of illicit drug trafficking; improving the criminal legislation concerning the counteraction to the legalization of criminal proceeds; increasing the effectiveness of the mechanisms for seizure and confiscation of funds and other property gained as a result of criminal activities.

Keywords: criminal legislation; counteracting the legalization of proceeds; arrest; confiscation; drug trafficking; drug business; organized crime; transnational crime.

В Российской Федерации и за рубежом в настоящее время динамика преступности в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) определяется доминированием ее качественного показателя – структуры преступности. Преступность в сфере НОН приобретает все более ярко выраженный организованный и транснациональный характер [1, с. 11] (местами – трансконтинентальный). Рост производства и распространения синтетических наркотиков вызывает серьезную озабоченность и беспокойство в международном сообществе [2, с. 245; 3, с. 5].

Главной же задачей организованной преступности является извлечение прибыли и сверхприбыли. Не случайно в некоторых международных актах организованная преступность называется преступностью в форме бизнеса (например, наркобизнес, оружейный бизнес, торговля людьми).

По оценкам заместителя Генерального секретаря ООН, исполнительного директора Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (далее – УНП ООН) Ю. Федотова, доходы всемирного криминального бизнеса составляют примерно 3,6 % мирового валового продукта. По аналогии с термином мирового валового продукта экспертами УНП ООН был введен термин валового криминального продукта. Исходя из статистических данных о мировом валовом продукте, представляемых Международным валютным фондом – МВФ (75 трлн. долларов в год), – размер равен 2,7 трлн. долларов в год [2, с. 249].

Представляется, что в силу высокой латентности преступлений в сфере НОН указанные показатели могут быть значительно выше. Мировой рынок наркотиков в настоящее время приближается к 700-800 млрд. долларов, а прибыль от продажи наркотиков составляет от 300 до 2000 %, для России этот показатель оценивается в пределах от 500 % и выше [4, с. 34-45].

Такие данные мы получаем сегодня на фоне мнений большинства экспертов о том, что провести границу между «грязными» и «чистыми» деньгами становится уже практически невозможно, а полный отказ от них может обернуться тяжелыми последствиями для всего развитого мира.

Извлекаемые в процессе осуществления преступной деятельности огромные доходы и накапливаемые значительные финансовые ресурсы требуют дальнейшей их обработки. Сегодня важно понимать, что наркобизнес – это уже не просто множество организованных преступных группировок во главе с харизматичным лидером, занятых производством наркотиков и жесточайшей конкуренцией между собой. Наркобизнесом активно реализуются процессы, присущие легальным компаниям (слияние, поглощение, консолидация и т.д.), он действует и развивается так же, как и все бизнес-структуры официального экономического сообщества, лидерами организованной преступности активно привлекаются так называемые гейткиперы*. Участие такого специалиста возможно по незнанию, из-за халатности, по принуждению или вплоть до участия в преступном сообществе. Нами он воспринимается как человек, фактически открывающий двери преступникам в мир легальных финансово-экономических отношений. Легализация наркодоходов осуществляется сегодня через электронные кошельки с использованием компьютерных технологий, позволяющих перемещать финансовые активы наркомафии на безграничные расстояния и с минимальными временными и финансовыми издержками [5, с. 224]. В таких условиях неизбежно наступает сращивание криминальной экономики с легальной, что в конечном итоге, как считают некоторые эксперты [6, с. 74], может создать реальную угрозу для нанесения ущерба финансовой системе Российской Федерации, ее экономике и безопасности в целом.

В узком смысле социальные последствия легализации доходов условно можно определить в качестве реальных негативных преобразований и изменений, возникающих как результат определенных, можно сказать, локальных проявлений этой преступности. Здесь уместно указание и о вреде, наносимом конкретным преступным посягательством. В широком же смысле они могут включать в себя не

* Согласно терминологии УНП ООН gatekeeper (с англ. – привратник) – специалист по обработке денег.

только вред, порожденный преступностью или конкретным фактом легализации преступных доходов. Получаемые доходы от криминальной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков — это только одна сторона медали, оборотной стороной которой являются расходы общества на борьбу с наркотиками и преступностью. Имеющиеся статистические данные и экспертные мнения [7, с. 17] позволяют сделать вывод о том, что более чем в 50 % всех совершаемых в Российской Федерации преступлений повинны наркозависимые лица.

Отдельно отмечаем такое свойство легализации преступных доходов, как способность содействовать криминализации общества. С одной стороны, криминализация общества является, в частности, следствием легализации доходов. А с другой стороны, криминализацию общества можно считать деформирующим социум процессом, при котором развиваются такие негативные тенденции, как социальная незащищенность граждан, подрыв доверия к государственной власти, и т.д. Таким образом, уместно говорить о социально-деформирующей роли и последствии легализации доходов. Некоторыми известными отечественными криминологами синтезировано понятие социальных последствий преступности в целом. Так, В.В. Лунеев считает, что социальные последствия преступности — есть совокупный вред, причиняемый общественным отношениям [8, с. 43]. То есть более уместно говорить об «интегрированной цене преступности» или (в контексте рассматриваемой сферы) об «интегрированной цене легализации доходов от НОН».

Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 9 июня 2010 года* (далее — Стратегия), установила подрыв экономических основ наркобизнеса в качестве одной из стратегических целей в сфере сокращения предложения наркотиков в нашей стране.

Законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная ответ-

ственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, в том числе в результате совершения преступления из сферы незаконного оборота наркотиков. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит статьи 174 и 174.1. Деяния, предусмотренные данными статьями, в настоящее время фактически различаются только по субъектному признаку.

Разница в определении субъектов по данным статьям заключается в том, что по статье 174 УК РФ субъектом преступления будет лицо (лица), участвовавшее в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, добытыми в результате совершения преступления другими лицами, то есть субъект легализации в совершении предикатного преступления участия не принимал. А по статье 174.1 УК РФ — с денежными средствами или иным имуществом, добытыми в результате совершения преступления самим лицом, то есть субъект предшествующего преступления и последующего — один и тот же.

Проведенный анализ статистической отчетности за период 2009 г. — 7 месяцев 2017 г. и периодической литературы свидетельствует о том, что принимаемые в нашем государстве меры по подрыву экономических основ наркобизнеса являются малоэффективными и не соответствуют актуальной действительности.

Изменения, периодически вносимые отечественным законодателем в статьи 174 и 174.1 УК РФ, оказывают значительное влияние на показатели привлечения к уголовной ответственности за легализацию доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков. В частности, за период с 2003 по 2009 г. территориальными органами ФСКН России было выявлено 7049 преступлений, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ, и всего лишь 45 преступлений, предусмотренных статьей 174 УК РФ. Такая статистика также обусловлена спецификой легализации доходов от незаконного оборота наркотиков и сложившейся правоприменительной практикой. Авторами был проведен анализ статистической отчетности за период 2009 г. — 7 месяцев 2017 г. и материалов Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосу-

* Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. N 690. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дие», опрошено более 350 сотрудников органов внутренних дел из подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и около 80 сотрудников ФСКН России.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в связи с принятием Федерального закона от 7 апреля 2010 г. N 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* меры по противодействию легализации преступных доходов, получаемых от незаконного оборота наркотиков, в последующий период были малоэффективными. В большинстве случаев субъектом легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, является лицо, совершившее и предшествующее преступление (например, сбыт наркотиков), в результате которого был извлечен такой преступный доход, что, соответственно, в последующем квалифицируется по ст. 174.1 УК РФ. Однако после внесения Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. N 60-ФЗ изменений в статью 174.1 УК РФ статистические показатели правоохранительной деятельности по статье 174.1 УК РФ резко изменились. Было установлено, что уголовная ответственность за совершение преступления,

предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, возникает в случае совершения финансовых операций и других сделок в крупном размере, превышающем шесть миллионов рублей (примечание к статье 174 УК РФ по состоянию на 9 апреля 2010 года).

В связи с указанным объективным является и значительное (в 3 раза) снижение в 2010-2011 гг. по сравнению с 2009 г. количества выявленных преступлений, по которым легализации предшествовало совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также оконченных и направленных в суд уголовных дел по статьям 174, 174.1 УК РФ. Практически в три раза сократилось число лиц, привлеченных к уголовной ответственности по указанным статьям УК РФ. На 50 % увеличилось количество прекращенных уголовных дел, в том числе почти на 20 % — по реабилитирующим основаниям. Кроме того, в 2010 и 2011 гг. продолжалось начавшееся в связи с внесением изменений в статью 174.1 УК РФ сокращение количества зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории. Если в 2009 г. было зарегистрировано 1166 таких фактов, то в 2010 г. — 344, или на 70,5 % меньше, а в 2011 г. — 21, или на 93,9 % меньше, чем за предшествующий год (см. таблицы 1 и 2)**.

Таблица 1

Динамика числа зарегистрированных преступлений, квалифицированных по ст. 174 УК РФ, по которым легализации предшествовало совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в 2009–2011 гг. в Российской Федерации

	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Количество преступлений, предшествовавших легализации, совершенных в сфере НОН	7	137	225
Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 174 УК РФ	3	16	145

Таблица 2

Динамика числа зарегистрированных преступлений, квалифицированных по ст. 174.1 УК РФ, по которым легализации предшествовало совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в 2009–2011 гг. в Российской Федерации

	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Количество преступлений, предшествовавших легализации, совершенных в сфере НОН	4313	1458	155
Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 174.1 УК РФ	1166	344	21

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 апр. 2010 г. N 60-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 15. Ст. 1756.

** Форма N 475 ГИАЦ МВД России // Статистическая отчетность с 2006 по 2016 гг.

Статистика за 2014-2016 гг. в сравнении с показателями за аналогичный период 2013 года также наглядно свидетельствует о влиянии законодательного регулирования на практику противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков. Имеются в виду изменения, которые были внесены в

статьи 174 и 174.1 УК РФ посредством принятия Федерального закона от 28 июня 2013 г. N 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»* (далее – Федеральный закон N 134-ФЗ) (таблица 3).

Таблица 3

Количество зарегистрированных преступлений по ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ

Год	Статья 174 УК РФ (по НОН)		Статья 174.1 УК России (по НОН)	
	Зарегистрировано	Расследовано	Зарегистрировано	Расследовано
2010	19	16	255	354
2011	178	160	33	26
2012	200	197	44	35
2013	194	185	94	71
2014	89	84	302	289
2015	86	80	298	280
2016	78	70	267	249

Среди других важных нормативных изменений Федеральным законом N 134-ФЗ в статьи 174 и 174.1 УК РФ был введен дополнительный квалифицирующий признак «особо крупный размер» и приравнен к 6 млн рублей, а «крупный размер» был уменьшен до 1,5 млн рублей. В новой редакции статьи 174.1 УК РФ криминализована легализация преступных доходов вне зависимости от размера денежных средств или иного имущества, с которыми совершаются финансовые операции и иные сделки. Как было указано выше, в соответствии с предыдущей редакцией статьи 174.1 УК РФ уголовная ответственность могла наступить только в случае наличия крупного размера.

Кроме того, Федеральный закон N 134-ФЗ расширил перечень преступлений, содержащийся в статье 104.1 УК РФ, совершение которых может повлечь конфискацию имущества. В настоящее время конфискация имущества может применяться и по статьям 174 и 174.1 УК РФ.

В обновленных редакциях статей 174 и 174.1 УК РФ законодателем установлена идентичная уголовная ответственность как для лица, которое само отмывает свои преступные доходы, так и для лиц, которые занимаются легализацией доходов, заведомо добытых другим лицом в результате совершения им преступления. Таким образом, уголовный закон признает действия,

квалифицируемые по статьям 174 и 174.1 УК РФ, деяниями одной степени тяжести.

Подобная правовая оценка законодателем деяний, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, как минимум не однозначна. Во-первых, за совершение предшествующего преступления уголовным законодательством изначально предусмотрена отдельная мера ответственности. Во-вторых, в новой редакции диспозиции статей 174 и 174.1 УК РФ указывают на одну и ту же цель деяния – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступлений. Доказывания использования указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности в настоящее время также не требуется (см. предыдущие редакции статьи 174.1 УК РФ).

Из теории уголовного права нам хорошо известно, что тщательная дифференциация ответственности является одним из важнейших принципов уголовной политики государства. Причем общепри-

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: федер. закон от 28 июня 2013 г. N 134-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 26. Ст. 3207.

знанными основаниями дифференциации ответственности являются типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень опасности лица, совершившего преступление. Сравнивая диспозиции статей 174 и 174.1 УК РФ, можно прийти к выводу о том, что оба субъекта совершают аналогичные юридически значимые действия.

По степени опасности лица (лиц), совершающего легализацию доходов, полученных преступным путем, целесообразно также считать типовые степени общественной опасности субъектов деяний по статьям 174 и 174.1 УК РФ равнозначными. Оба субъекта, прежде чем совершить легализацию доходов, полученных незаконным путем, находятся в положении, когда они, безусловно, знают о том, что доходы получены преступным путем.

Некоторые эксперты могут не согласиться с такой точкой зрения, мотивируя свое несогласие тем, что законодатель, установив соответствующие санкции, уже определил преобладание типовой степени опасности лица, например, совершившего преступление, предусмотренное статьями 228.1 или 229.1 УК РФ, над степенью опасности лица, совершившего преступление, предусмотренное статьями 174 и 174.1 УК РФ.

В связи с этим важно учитывать то, что уже давно отмечалось некоторыми отечественными специалистами [3, с. 23]. В статьях 174 и 174.1 УК РФ речь идет не о виновности лица в совершении того или иного предшествующего преступления, а о легализации имущества, приобретенного в результате совершения таких преступлений. Соответственно, и сравнению подлежат типовые степени опасности лиц в момент принятия решения или рождения умысла на легализацию преступных доходов, а умысел на легализацию преступного дохода мог зародиться и до наступления момента совершения предшествующего преступления.

Если законодательное разграничение деяния по субъектному признаку все-таки основано на различии типовой степени опасности субъектов по двум статьям, то не совсем понятно, почему санкции норм статей 174 и 174.1 полностью идентичны.

Нормы международного права в сфере противодействия легализации преступных доходов также не содержат положений

о необходимости разграничения деяний по субъектному признаку.

Авторы данной статьи придерживаются позиции, согласно которой этап перехода добытых преступным путем денежных средств или иного имущества от лица (лиц), совершивших предшествующее преступление, к лицу (лицам), осуществляющим дальнейшую легализацию, необходимо рассматривать в качестве одной из стадий легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Тем более, что институт соучастия в преступлении достаточно хорошо представлен в российском уголовном праве (глава 7 УК РФ). В то же время вопрос достаточно дискуссионный, и в связи с этим очень важно получить профессиональное мнение практиков — оперативных сотрудников, следователей, работников прокуратуры и судей, в том числе для выработки возможных законодательных предложений в данной сфере.

Как уже было указано, организованная преступность все чаще имеет транснациональный характер, и деятельность преступников связана с нарушением законов более чем одной страны. Например, почти треть ликвидированных в 2015 г. преступных сообществ, действовавших в сфере НОН, либо организована за пределами Российской Федерации, либо имела в своей структуре подразделения, находящиеся на территории иностранного государства.

Государству, в его узком значении, необходимо рассматривать влияние транснациональных организованных преступных объединений на экономику и политику страны по аналогии с влиянием, оказываемым различными структурами из сферы легального бизнеса. Как справедливо отмечают авторы доклада «Выявление и блокирование финансовых потоков, связанных с незаконным оборотом опиатов» (подготовлен экспертной рабочей группой Парижского пакта при координации УНП ООН, официально не опубликован), необходимо перестраиваться от «восхищения» проблемой и ее превозношения к приложению всех возможных усилий, чтобы выявлять и добиваться «быстрых побед».

Отечественный законодатель не в полной мере имплементировал в уголовный закон положения Конвенции Организации Объединенных Наций против транснаци-

ональной организованной преступности, принятой Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. (далее – Конвенция), которой транснациональные преступления отнесены к наиболее опасным видам преступности*. Например, Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает ответственность за создание транснационального преступного сообщества и руководство им, а равно за участие в нем (исходя из положений Конвенции).

Таким образом, в целях повышения эффективности деятельности компетентных органов по борьбе с транснациональными преступлениями в рамках международного сотрудничества и с использованием национальных организационно-правовых механизмов авторами предлагается внести в статью 210 УК РФ следующие изменения:

1) дополнить частью пятой следующего содержания:

«5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, имеющие транснациональный характер, –

наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы.»;

2) примечание изложить в следующей редакции:

«Примечание. 1. Лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этих преступлений, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

2. Под транснациональным характером преступления для целей настоящей статьи понимается его совершение в более чем одном государстве либо в одном государстве, но при условии, что существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля осуществлялась в другом государстве, либо его существенные последствия имели место в другом государстве.».

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Большую актуальность в правоприменительной практике сохраняют вопросы наложения ареста и конфискации имущества, приобретенного в результате преступной деятельности в сфере НОН. Одной из наиболее распространенных причин отказа судебными органами в наложении ареста на имущество, имеющее характер преступно приобретенного, является то, что обвиняемые в совершении преступлений регистрируют такое имущество на других лиц (родственников, знакомых). Фактически отсутствует какая-либо возможность официального подтверждения того, что преступно добытое имущество на самом деле принадлежит обвиняемому.

В ряде случаев при наличии схожих обстоятельств судами принимаются кардинально противоположные решения. Так, например, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части 1 статьи 104.1 УК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. При этом у судов отсутствует единая позиция относительно понятия «другие имущественные взыскания». В некоторых случаях под ними понимают только судебные издержки, в других к ним относят также и штрафы, предусмотренные санкциями статей. В связи с этим в ряде регионов сформировалась судебная практика, в результате которой суды отказывают в наложении ареста на имущество, если это не связано с конфискацией или обеспечением гражданского иска.

Кроме этого, имеет место различная судебная практика применения части 3 статьи 115 УПК России. В соответствии с указанной нормой арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного

вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Однако судами выносятся решения об отказе в удовлетворении ходатайств о наложении ареста на автотранспортное средство в связи с тем, что указанное имущество подозреваемому (обвиняемому) не принадлежит, т.к. в большинстве случаев последние управляют транспортными средствами, используемыми в качестве орудий и средств совершения преступления, по доверенности. По этой же причине при вынесении приговора автомобили, признанные вещественными доказательствами, не конфискуются и возвращаются владельцам. Например, в 2015 году Басманным районным судом г. Москвы отказано в удовлетворении ходатайства следственных органов о наложении ареста на автомобиль, находящийся в пользовании обвиняемого А., в котором было обнаружено более 1 кг героина, в связи с тем, что последний не являлся собственником автомобиля и управлял им по доверенности [2, с. 248].

Отсутствует единообразие и по вопросу отнесения автотранспортного средства к тому или иному признаку объективной стороны состава преступления — в разных случаях автотранспортное средство признается орудием, либо средством совершения преступления, либо местом совершения преступления. Позиция ряда судов и органов прокуратуры применительно к незаконному обороту наркотиков такова, что для признания автомобиля средством совершения преступления необходимо наличие объективных данных, свидетельствующих о том, что данный автомобиль был специально оборудован для осуществления указанной незаконной деятельности, имел специальные тайники для хранения и перевозки наркотиков, использовался владельцем исключительно при осуществлении преступной деятельности.

Нередко суды отказывают в аресте имущества еще на начальных стадиях предварительного следствия, в том числе по преступлениям, предусмотренным статьями 174 и 174.1 УК РФ, ссылаясь на отсутствие или недостаточность доказательств его преступного происхождения. Однако указанная обеспечительная мера как раз позволяет органам предварительного расследования установить и доказать причинно-следственную связь получения

денежных средств и имущества с фактом совершения преступления.

Так, в Республике Бурятия в ходе расследования уголовного дела по обвинению Н. и других лиц в совершении преступлений, связанных со сбытом наркотиков, установлено, что Н. в период своей преступной деятельности совершила ряд финансовых операций — покупку золота в различных банках, а также приобретение имущества на общую сумму более 7 млн рублей. Следственным органом возбуждено ходатайство о наложении ареста на указанное имущество. Однако Советским судом г. Улан-Удэ Республики Бурятия в удовлетворении ходатайства отказано. В качестве основания суд указал на отсутствие достоверных сведений о преступном происхождении средств, на которые приобреталось имущество [4, с. 39].

В аналогичной ситуации Подольский городской суд Московской области удовлетворил ходатайство следствия о наложении ареста на имущество стоимостью более 14 млн рублей [2, с. 249].

Отмечаем, что за прошедший период времени с момента принятия Стратегии введена конфискация денежных средств, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения преступления. Вместе с тем правовой механизм реализации введенного института не соответствует существующим криминальным угрозам.

Несмотря на то, что уровень удовлетворения судами ходатайств о наложении ареста на имущество в целом достаточный, количество конфискованного имущества в порядке статьи 104.1 УК РФ остается незначительным. Так, из анализа 62 приговоров следует, что применение статьи 104.1 УК РФ имело место в 31 приговоре (50 %). В большинстве случаев судами конфискуется лишь та часть преступно нажитого имущества, которая в ходе предварительного следствия подвергалась аресту либо была признана вещественными доказательствами по уголовному делу. В остальных проанализированных приговорах (31 приговор, или 50 %) суды оставляли без внимания вопросы, связанные с конфискацией имущества. Более того, в некоторых случаях суды при вынесении приговора не разрешали вопросы, связанные с арестованным имуществом.

Причина лежит на поверхности. В УК РФ предусмотрена конфискация

имущества как иная мера уголовно-правового характера, однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [9, с. 9] не содержит правила и порядок ее применения. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 32 также не конкретизировано, на какой именно стадии судебного разбирательства должен быть решен вопрос о конфискации имущества*.

В результате недвижимость, транспортные средства, счета в банках подсудимого остаются при нем, а в случае, если преступно нажитые доходы оформляются на родственников либо иных лиц, не участвующих в преступной деятельности, конфисковать незаконно полученное имущество в рамках действующего законодательства в последующем чрезвычайно сложно.

Кроме того, российским уголовным законодательством предусмотрена конфискация не только имущества, приобретенного в результате преступления или являвшегося орудием преступления, но и денежных средств, соответствующих стоимости имущества, подлежащего конфискации, в случае невозможности его взыскания вследствие использования, продажи или по иной причине (статья 104.2 УК РФ).

Это связано с тем, что на практике распространены такие ситуации, когда

* О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. N 32. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

имущество, полученное преступным путем, уже реализовано, однако подсудимый обладает денежными средствами или иным ликвидным имуществом, например недвижимостью, ценными бумагами, драгоценными металлами и пр.

Однако, несмотря на имеющийся в уголовном законодательстве инструмент борьбы с финансовой составляющей преступности, ни в одном из рассмотренных приговоров такая мера, как конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации (статья 104.2 УК РФ), судами не применялась.

На современном этапе важно правильно оценить полученные выводы и скорректировать стратегические меры, к которым, безусловно, относится и качественная реализация механизмов ареста и конфискации полученного преступным путем имущества.

К таким мерам можно отнести:

1. Принятие законодательных норм, обязывающих лицо, совершившее преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, отчитываться перед государством о законности происхождения принадлежащего ему имущества, а также регламентирующих порядок обращения данного имущества в доход государства в случае, если лицо не может доказать правомерность его происхождения.

2. Разъяснение Верховным Судом Российской Федерации порядка применения судами механизма конфискации имущества, предусмотренного статьями 104.1 и 104.2 УК РФ.

Список литературы

1. Трунцевский Ю.В. Понятие транснационального преступления // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. N 3. С. 9-12.
2. Корчагин О.Н., Чирков Д.К., Литвиненко А.С. Синтетические наркотики в России как реальная угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. N 1 (33). С. 245-253.
3. Новосельцев С.П., Хамский Н.В., Чирков Д.К. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: науч.-практ. пособие. Красноярск, 2003. 59 с.
4. Корчагин О.Н. О взаимосвязи доходов, извлекаемых в процессе незаконного оборота наркотиков, и мировых финансовых институтов // Право и жизнь. 2015. N 6 (204). С. 34-45.
5. Чирков Д.К., Саркисян А.Ж. Преступность в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации как угроза национальной безопасности страны // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. N 3 (27). С. 220-226.
6. Жубрин Р.В. Профилактика легализации преступных доходов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 1 (35). С. 74-80.
7. Месилов М.А. Криминалистика: учебно-методический комплекс. М.: МГУУ Правительства Москвы, 2013. 56 с.
8. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. N 1. С. 36-56.
9. Месилов М.А. Уголовный процесс: учебно-методический комплекс. М.: МГУУ Правительства Москвы, 2013. 64 с.

ШМИДТ А.А., SHMIDT A.A.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
artem-shmidt@yandex.ru, artem-shmidt@yandex.ru
Кафедра государственно-правовых Chair of state and law disciplines;
дисциплин; Ural Branch of the Russian State
Уральский филиал University of Justice (Chelyabinsk),
Российского государственного Pobedy Ave. 160, Chelyabinsk, 454084,
университета правосудия (г. Челябинск), Russian Federation
454084, г. Челябинск, просп. Победы, 160

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ

Аннотация. Административно-правовое регулирование оборота гражданского оружия в Российской Федерации осуществляется с целью обеспечения общественной безопасности и реализации права граждан на самооборону, занятие спортом, охотой, осуществление других социально полезных видов деятельности. С учетом роста количества фактов противоправного использования гражданского оружия, комплекса проблем в правовом регулировании гражданского оборота оружия и организации контрольной деятельности органов государства в статье обосновывается необходимость разработки государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота гражданского оружия. Аргументируется вывод об отсутствии единой концепции государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота оружия. Констатируется наличие проблем в управлении лицензионно-разрешительной деятельностью в сфере оборота оружия; противоречивость правоприменительной практики органов Росгвардии и МВД России в решении вопросов аннулирования выданных лицензий и разрешений на приобретение и хранение оружия, изъятия оружия, привлечения к административной ответственности владельцев оружия. Автором предпринята попытка определить научные основы лицензионно-разрешительной политики государства в сфере оборота оружия.

Ключевые слова: гражданское оружие; административные правонарушения; административная ответственность; административно-правовое регулирование; государственная политика.

PUBLIC POLICY ISSUES IN THE FIELD OF TURNOVER OF WEAPONS

Annotation. Administrative legal regulation of the turnover of civilian weapons in the Russian Federation is carried out to ensure public safety and to implement the right of citizens to self-defense, sports, hunting and other socially useful activities. Taking into account the growing number of the facts of the illegal use of civilian weapons and the complex of problems concerning the legal regulation of the civilian arms turnover and the organization of control activities of the state bodies, the author of the article substantiates the need for the development of the state licensing policy in the sphere of turnover of civilian weapons. The conclusion about the absence of the unified concept of the state licensing policy in the field of arms turnover is argued. The author states the existence of the problems in the management of licensing activities in the sphere of turnover of weapons; the inconsistency of the law enforcement practice of the bodies of the Russian National Guard and the Ministry of the Internal Affairs of Russia in resolving the questions concerning the cancellation of the issued licenses and permissions for the acquisition and possession of weapons, seizure of weapons, bringing the owners of the weapons to administrative responsibility. The author made an attempt to determine the scientific basis of the licensing policy of the state in the field of turnover of weapons.

Keywords: civilian weapons; administrative offence; administrative responsibility; administrative legal regulation; public policy.

Вопросы совершенствования законодательства и деятельности сотрудников полиции Росгвардии и МВД России в сфере оборота гражданского оружия в последнее время обретают все большую актуальность. Это связано с повышением законодательной активности, серией резонансных преступлений и общим ростом количества правонарушений в

сфере оборота оружия. Так, только за последние несколько лет в Федеральный закон «Об оружии»* внесено более десяти изменений. По сведениям Временного информационного центра Фе-

* Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ; ред. от 29 июля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

деральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, число преступлений, совершенных с использованием зарегистрированного оружия, в 2015 году возросло на четверть. В основном в дорожных и бытовых конфликтах, в пьяных драках и разбойных нападениях незаконно применялось так называемое травматическое оружие*. Такая тенденция сохранилась и в 2016 г., и в прошедший период 2017 г.

Негативная динамика констатировалась и ранее МВД России. Так, в 2013 г. отмечалось увеличение на 64,4 % (с 354 до 583) количества преступлений с применением зарегистрированного в органах внутренних дел огнестрельного оружия**. Отношения, предметом которых выступает гражданское оружие, затрагивают более 5 млн человек, во владении которых находится около 6,5 млн единиц гражданского оружия. Работодателями нескольких миллионов граждан являются юридические лица с особыми уставными задачами (частные охранные организации, предприятия Росинкасации, Почта России и др.). В связи с этим их сотрудники используют в своей повседневной деятельности служебное оружие. Ежегодно проводится более 5 млн проверок условий хранения оружия и выявляется около 400 тыс. правонарушений.

Отношения по контролю за оборотом гражданского оружия неоднократно становились объектом научных исследований и рассматривались как административная, надзорная [1, с. 62-69; 2, с. 40-43], контрольная [3, с. 92-93], лицензионная деятельность полиции, правовой режим [4, с. 109-113] и т.д. Однако такой подход представляется несколько узким, он не позволяет рассматривать проблемы оборота оружия комплексно и вырабатывать меры, достаточные для обеспечения необходимого уровня общественной безопасности в этой сфере.

Среди таких проблем, наглядно характеризующих сложность и комплекс-

ность исследуемого вопроса, представляется возможным в качестве примера обозначить следующие:

1. Вопрос определения видов оружия, на которые должен распространяться лицензионно-разрешительный режим. Так, актуальным и дискуссионным остается вопрос об установлении контроля за оборотом пневматического оружия и предметов, конструктивно схожих с оружием. Активно дискутируется вопрос о возможности введения в гражданский оборот огнестрельного короткоствольного оружия. Требуется дифференциация контрольный режим в отношении отдельных видов оружия, в том числе оружия, имеющего культурную ценность.

2. Вопросы дифференциации административных процедур и форм контроля за оборотом оружия, оснований и порядка их применения. Действующие правовые акты в качестве административных процедур, реализуемых в ходе государственного контроля за оборотом оружия предусматривают: документарную проверку материалов, представляемых физическими или юридическими лицами при получении, продлении или переоформлении лицензий или разрешений; проверку сведений, изложенных в документах, оформленных при осуществлении юридическими лицами и лицензиатом оборота оружия и патронов; обследование помещений, предназначенных для хранения и размещения оружия и патронов физическими или юридическими лицами; плановую выездную проверку соблюдения лицензиатом лицензионных требований и условий; внеплановую выездную проверку соблюдения лицензиатом лицензионных требований и условий; проверку наличия, организации хранения, учета и технического состояния оружия и патронов, находящихся у физических и юридических лиц; инвентаризацию оружия и патронов, находящихся у юридических лиц; контроль за сроком действия выданных лицензий и разрешений, а также передачи и продаж оружия и патронов физическими и юридическими лицами и

* Черные стволы // Рос. газ.: [официальный сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2016/06/10/v-rossii-zaregistrovano-67-milliona-edinic-ognestrel'nogo-oruzh'ia.html>

** Владение оружием упорядочили // Информационное агентство ТАСС: [официальный сайт]. URL: <http://www.tass.ru/opinions/1597218>

др.* Многие из указанных выше процедур применяются в рамках законодательства о защите прав юридических лиц при осуществлении государственного контроля (надзора)**, часть из них являются формами контроля, предусмотренными Федеральным законом «Об оружии». Их смешение в судебной практике влечет необоснованную отмену решений о привлечении к ответственности лиц, допустивших правонарушение.

3. Дифференциация ответственности за нарушения в сфере оборота оружия в аспекте степени общественной опасности правонарушения. Действующее законодательство об административной ответственности не содержит, например, норм об ответственности за утрату оружия, и в то же время не содержит положений, позволяющих освободить от ответственности лицо, добровольно сдавшее незаконно хранящееся оружие (по аналогии с примечанием к ст. 222 УК РФ). С другой стороны, административная ответственность юридических лиц, установленная за нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, по существу, подменяя собой уголовную, предусматривает штраф в размере от 300 тыс. до 500 тыс. рублей. Такой объем ответственности в ряде случаев представляется избыточным и не обеспечивает баланс основных прав юридического лица и общего интереса, состоящего в

защите личности, общества и государства от административных правонарушений.

С учетом изложенного представляется важным рассматривать проблемы оборота гражданского оружия сквозь призму всей управленческой деятельности государства, которая в юридической науке понимается как государственная политика.

Слово «политика» в переводе с греческого означает науку и искусство государственного управления. В современной науке с точки зрения активно-деятельностного подхода государственная политика понимается как управленческая деятельность государственных органов и лиц по достижению целей развития в порядке реализации полномочий власти [5, с. 21].

Актуальность теоретико-правового исследования государственной политики определяется отсутствием специальных конституционно-правовых научных исследований понятия государственной политики, ее видов, признаков, субъектов формирования и реализации [6, с. 12-21]. Правовая (государственная) политика выступает предметом многих исследований [7, с. 24; 8, с. 296], поскольку государственное управление осуществляется в различных сферах, т.е. по так называемым государственным политикам в различных сферах. Составить точный и полный перечень государственных политик не представляется возможным. Не существует и единого подхода к классификации государственных политик, так как они могут меняться в зависимости от поставленной задачи. Например, их можно сгруппировать по степени сходства объекта и методов управления и т.д. Так, выделяют Государственную политику обороноспособности и безопасности [5, с. 43-44]. Внутри можно выделить более частную государственную политику общественной безопасности, которая находит свое воплощение в утвержденной Президентом РФ Концепции общественной безопасности в Российской Федерации***. Отсюда возникает вопрос: «Может ли быть выделена еще более частная государственная политика — государственная

* Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия: приказ МВД России от 29 июня 2012 г. N 646; ред. от 27 нояб. 2015 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 дек. 2008 г. N 294-ФЗ; ред. от 1 мая 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 52 (ч. I). Ст. 6249.

*** Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 нояб. 2013 г. N Пр-2685) // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>

лицензионно-разрешительная политика в сфере оборота гражданского оружия?». Ответ на этот вопрос зависит от того, какие цели ставят перед собой общество и государство.

Определение цели государственной политики — первый этап и основание пирамиды государственного управления. Технически для формулирования государственно-управленческого решения необходимо изучать проблему, которую в нашем контексте следует понимать, как препятствие на пути достижения поставленной цели, а значит, проблема является производной от цели. Если, например, цель государственной реформы — снижение количества преступлений, то достаточно декриминализировать ряд наиболее распространенных видов преступлений, переведя их в разряд правонарушений. Но если цель — повысить эффективность деятельности государственных органов по обеспечению правопорядка, общественной безопасности, то возникает иной критерий результативности и, соответственно, совершенно иные препятствия на пути к его достижению. Даже если сама по себе цель не очевидна с первого взгляда, то это не значит, что ее нет, так как бесцельного управления не бывает.

Таким образом, ответ на вопрос о существовании государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота гражданского оружия зависит от того, стоит ли перед государством такая цель, как обеспечение общественной безопасности и безопасного оборота гражданского оружия. Ответ на такой вопрос представляется очевидным: конечно, каждый из нас испытывает потребность в безопасности и защите от вооруженного посяательства, имеет право на использование оружия для занятия спортом, охотой, для самообороны и в других социально полезных целях. Соответственно, возникает необходимость в разработке государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота гражданского оружия.

Как представляется, цель государственной политики определяется потребностями общества и государства, которые во многом обуславливаются культурой общества. В отношении так называемой оружейной культуры в литературе сложи-

лось два полярных мнения. Одни исследователи утверждают, что в России культура обращения с огнестрельным оружием не сложилась. Значительная часть населения недостаточно уважительно относится к правовым нормам обеспечения безопасности [9, с. 128-135]. Другие авторы, напротив, констатируют ее высокий уровень, лоббируя легализацию короткоствольного нарезного оружия*. Если вопрос об оружейной культуре является открытым, то вопрос обеспечения безопасности личности и общества относится к насущным. В литературе отмечается, что социальная напряженность, наблюдаемая наряду и в связи с трансформацией политической и экономической жизни, обострила существующие в российском обществе противоречия и привела к росту криминального насилия. На этом фоне особую тревогу вызывает отсутствие единой стратегии борьбы с преступностью.

Столь критическая оценка, думается, не в полной мере соответствует действительности, но вместе с тем в целом отражает настроения общества. Что касается государственной лицензионно-разрешительной политики, то ее место видится в области противодействия преступным и иным противоправным посяательствам в рамках Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, которая среди основных направлений деятельности сил обеспечения общественной безопасности в пределах их компетенции называет противодействие организованной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции, торговлей людьми, незаконным вывозом и ввозом стратегических ресурсов, причинением ущерба материальным и духовным ценностям общества.

Согласно толковым словарям понятие «противодействие» — действие, направленное против другого действия.

* Экспертный доклад «К вопросу о реформировании российского оружейного законодательства» / А. Астафьев, М. Бутина, С. Гринин, В. Кислов, В. Лесняк, И. Шмелев, А. Шелегов. // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/15376/>

Такой активно-деятельностный подход соответствует содержательной части понятия «государственная политика». Конкретными субъектами государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота гражданского оружия являются подразделения лицензионно-разрешительной работы Федеральной службы войск национальной гвардии и подразделения полиции МВД России, участвующие в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранности) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан.

Свое воплощение государственная политика находит в правовых актах и деятельности государственных органов. Правовым актом, закрепляющим основы государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота оружия, является указанная выше Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, а непосредственное правовое закрепление осуществлено в Федеральном законе «Об оружии», в Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации* и других подзаконных актах (далее — законодательство об оружии). При этом объем ведомственных актов в регулировании отношений оборота оружия представляется весьма значительным. В литературе неоднократно отмечалось, что контрольно-надзорная деятельность в сфере оборота оружия регламентируется, в том числе различными указаниями, распоряжениями, методическими рекомендациями, которые нередко подменяют собой закон [10, с. 7].

Общий анализ законодательства об оружии позволяет делать вывод, что сегодня отсутствует единая концепция государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота оружия. Об этом свидетельствуют многочисленные поправки в Федеральный закон «Об ору-

жии». Остается актуальной проблема управления лицензионно-разрешительной деятельностью в сфере оборота оружия, порой противоречивая правоприменительная практика органов Росгвардии и МВД России в решении вопросов аннулирования выданных лицензий и разрешений на приобретение и хранение оружия, изъятия оружия, привлечения к административной ответственности владельцев оружия, а также в процедурных вопросах.

Ставя вопрос о формировании государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота оружия, следует поддержать Ю.Е. Аврутина, утверждающего, что ни одна из форм реализации механизма административно-правового регулирования, деятельности публичной администрации не может рассматриваться как главная, основная, самодостаточная с точки зрения осуществления надлежащего публичного управления во всем многообразии его проявления. Все три формы — процессуальная в рамках административно-юрисдикционного процесса с точки зрения его интегративного понимания; процедурная в рамках управленческого процесса и позитивных производств; процедурно-согласительная в рамках альтернативных (неюрисдикционных) вариантов разрешения споров — помимо чисто юридического, имеют огромное социальное значение [11, с. 102-112]. Логическая цепочка формирования социальной значимости этих форм представлена Ю.Е. Аврутиным следующим образом:

— процедурная форма позитивных производств создает нормативный каркас надлежащего внутриаппаратного, а в определенных случаях и внешневластного осуществления публичного управления, минимизируя риски делегитимации публичной администрации вследствие ненадлежащего управления, нарушения законности, игнорирования прав и законных интересов физических и юридических лиц;

— административно-юрисдикционный процесс создает, во-первых, процессуальный каркас обеспечения, как писали дореволюционные российские административисты об административной юстиции, «закономерности в управлении», «предупреждение и пресечение административной неправды» [12, с. 283], формируя полноценный механизм защиты го-

* О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. N 814: ред. от 17 мая 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 32. Ст. 3878; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

сударства и общества от противоправных юридических актов, решений и действий органов публичной власти, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; во-вторых, процессуально-процедурный каркас противодействия административным деликтам и реализации административной ответственности;

— альтернативные (неюрисдикционные) варианты разрешения споров, не имея властного содержания, предоставляют сторонам возможность на равноправной основе проявлять инициативу для разрешения возникших разногласий, приходя при этом к компромиссу или консенсусу.

Таким образом, различные процессуальные (процедурные) формы обеспечения баланса индивидуальных и публичных интересов являются реальными административно-правовыми инструментами, ориентированными на формирование режима законности и качества публичного управления, охрану и защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц и через это на поиск социального согласия между органами публичной власти и населением. Для того чтобы они заработали, нужны совместные усилия законодателей, ученых и практиков. В этом случае многие доктринальные суждения об административном праве из экзотических конструкций смогут стать конструкциями действующего права [13, с. 7-14].

Гражданский оборот оружия должен быть подчинен определенной логике,

стратегии своего развития и опосредован деятельностью и действиями органов государственной власти.

Предпринимая первые попытки определить научные основы лицензионно-разрешительной политики государства в сфере оборота оружия, следует определить содержание указанной категории. Думается, за основу может быть принято следующее определение. Лицензионно-разрешительная политика есть научно обоснованная, последовательная и системная деятельность органов государственной власти, а также участников оборота гражданского и служебного оружия и институтов гражданского общества по совершенствованию механизма административно-правового регулирования в сфере оборота оружия и оптимизации лицензионно-разрешительной системы.

Лицензионно-разрешительная политика может строиться на основе концепции либо другого доктринального документа, отражающего систему теоретических положений о сущности, целях, приоритетах, принципах и механизме реализации лицензионно-разрешительной политики в области оборота оружия; должна соответствовать признакам государственной политики: носить правовой характер, формироваться уполномоченными субъектами, отличаться направленностью на достижение социально полезных целей и реализовываться в различных сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. Сагиндыкова А.Н. К проблеме разграничения понятий «контроль» и «надзор» подразделений полиции за осуществлением частной охранной и частной детективной (сыскальной) деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2012. N 1 (25). С. 62-69.
2. Зверев В.О., Сургутсков В.И. Правовые и психологические аспекты проверки мест хранения оружия в жилище граждан // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. N 2 (5). С. 40-43.
3. Габричидзе Б.Н., Казак Б.Б. О контроле в лицензионно-разрешительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2011. N 9. С. 92-93.
4. Посадков А.Н. Правовой режим оружия и его оборот: понятие и особенности // Научный портал МВД России. 2011. N 13. С. 109-113.
5. Сулакшин С.С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2013. 386 с.
6. Воронцов Д.Ф. Государственная политика: понятие, виды, соответствие праву и справедливости как элемент решения проблем современной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2011. N 3. С. 12-21.
7. Коробова А.П. Правовая политика: понятие, формы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 2000. 27 с.
8. Малько А.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 294 с.

9. Дорогин В.Г., Дорогин Р.В. Некоторые вопросы культуры обращения граждан Российской Федерации с оружием и реализация органами внутренних дел новых положений законодательства об обороте гражданского и служебного оружия // Правовая культура. 2011. N 2. С. 128-135.

10. Головатый Р.Г. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел по контролю за оборотом оружия юридических лиц с особыми уставными задачами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.

11. Аврутин Ю.Е. Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // Журнал российского права. 2014. N 10 (214). С. 102-112.

12. Палибин М.К. Повторительный курс полицейского права // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века: хрестоматия / сост. и вступ. ст. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. 624 с.

13. Аврутин Ю.Е. Проблемы законодательной модернизации механизма административно-правового регулирования в контексте обеспечения надлежащего публичного управления // Административное право и процесс. 2015. N 8. С. 7-14.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

БАЛАКШИН В.С., BALAKSHIN V.S.,
доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
i.v.serebruev@gmail.com i.v.serebruev@gmail.com
Кафедра уголовного процесса; Chair of criminal procedure;
Уральский государственный Ural State Law University,
юридический университет, Komsomolskaya St. 21,
620137, г. Екатеринбург, Yekaterinburg, 620137,
ул. Комсомольская, 21 Russian Federation

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о дальнейшей судьбе института дополнительного расследования в российском уголовном процессе. Автор, проанализировав нормы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регламентировавшие данный институт, его практическое значение для устранения ошибок, допускавшихся органами предварительного расследования, точки зрения ряда авторов, результаты обобщения судебной практики, а также действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, обосновывает вывод о необходимости вновь предусмотреть в уголовно-процессуальном законе институт возвращения судом прокурору уголовных дел для производства дополнительного расследования. Аргументируется, что восстановление данного института не нарушит принципы состязательности сторон, независимости суда, правовой определенности судебных решений.

Ключевые слова: обвиняемый; подсудимый; преступление; дополнительное расследование; устранение нарушений уголовно-процессуального закона.

TO THE QUESTION OF THE FATE OF THE INSTITUTION OF FURTHER INVESTIGATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Annotation. The article is devoted to the research of the issue of the further fate of the institution of further investigation in the Russian criminal procedure. Having analyzed the norms of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, regulating this institution, its practical value for the elimination of the errors made by the bodies of preliminary investigation, the points of view of a number of authors, the results of the generalization of judicial practice, as well as the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the author substantiates the conclusion about the necessity to provide the institution of returning the criminal cases to the prosecutor for a further investigation by court in the criminal procedure law. It is argued that the restoration of this institution will not violate the principles of competitiveness of the parties, the independence of the court, the legal certainty of judicial decisions.

Keywords: accused; defendant; crime; further investigation; elimination of violations of the criminal procedure law.

Одной из значимых проблем стадии назначения судебного заседания и рассмотрения уголовного дела по существу является проблема восполнения пробелов в уголовном деле, поступившем в суд от прокурора. К данной проблеме еще в 2002 г. обоснованно привлек внимание Е. Яненко: «Новый УПК не знает, например, института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования. Цели ликвидации этого института вроде бы ясны и, казалось бы, благи. Но представим себе ситуацию, когда доказательства виновности лица в соверше-

нии более тяжкого преступления, чем то, в котором ему предъявлено обвинение, получены только в ходе судебного процесса. Изменение обвинения на более тяжкое после поступления дела в суд невозможно. Причины столь позднего появления доказательств могут быть самими различными. Может случиться, что стороне обвинения стало известно о существовании свидетеля-очевидца лишь после передачи дела в суд или что свидетель изменил в суде свои показания, объяснив данные в ходе предварительного следствия показания давлением, угрозами, насилием со сторо-

ны обвиняемого. Или, может быть, имела место ошибка следователя или прокурора. Количество вариантов не ограничено» [1]. Далее названный автор на конкретной ситуации убедительно показывает, в какое нелепое положение может быть поставлен суд при рассмотрении конкретного уголовного дела, если не применять институт возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования.

«Допустим, — рассуждает Е. Яненко, — в суд поступило дело по обвинению лица в совершении неосторожного убийства (причинении смерти по неосторожности). В ходе судебного следствия суду представляются доказательства умышленного убийства. Как поступит суд? Скорее всего, вынесет приговор по обвинению в убийстве неосторожном. Но и в этом случае есть масса противоречий: неосторожного убийства подсудимый не совершал. Он не может быть признан виновным в совершении не совершенного им деяния. Можно дойти до абсурда и рассуждать о необходимости вынесения в такой ситуации оправдательного приговора... Статьи 303, 304, 307 и 308 УПК регламентируют содержание обвинительного приговора. Его описательно-мотивировочная часть должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным. В приведенном примере в судебном заседании доказано совершение умышленного убийства. Обвинение предъявлено в совершении неосторожного убийства. Описать в фабуле приговора умышленное убийство нельзя — суд выйдет за пределы предъявленного обвинения. Но как описывать неосторожное убийство при наличии доказательств умышленного? Это значит описать деяние, которое отнюдь не признано судом доказанным» [1].

Более чем 15-летний период применения УПК РФ позволяет констатировать, что опасения названного автора были более чем убедительными. Уже с самого начала применения нового уголовно-процессуального закона возникла проблема устранения нарушений и пробелов, допущенных органами предварительного расследования, при рассмотрении судом уголовных дел по существу, если это связано с необходимостью ухудшения положения подсудимого.

Первая редакция УПК РФ вообще не предусматривала право суда возвращать уголовное дело прокурору для устранения нарушений, допущенных органами предварительного расследования при производстве следственных и иных процессуальных действий. Это расценивалось законодателем как проявление обвинительного уклона со стороны суда и предоставление органам предварительного расследования возможности скрыть брак в работе. На данное обстоятельство настойчиво обращали внимание и законодателя, и правоприменителя авторы, ратовавшие за развитие демократических основ судопроизводства, сторонники «чистой» и безоговорочной состязательности в уголовном процессе. По мнению профессора И.Л. Петрухина, возвращая дела «для доследования, суды помогали скрыть этот брак <имеется в виду вынесение оправдательного приговора> и дать следственным органам шанс собрать недостающие улики. Но все понимали иллюзорность этого мероприятия, потому что по прошествии длительного времени обнаружить дополнительные доказательства практически... невозможно. Доследование носило формальный характер. Дело вновь направлялось в суд, но дополнительных доказательств, как правило, собрать не удавалось. Суд вновь направлял дело для доследования, и так повторялось несколько раз. Но во многих случаях суд после доследования выносил обвинительный приговор, основанный на тех же доказательствах. Сказывалось давление прокуратуры и партийных органов» [2, с. 99]. В связи с этим, с точки зрения цитируемого автора, УПК РФ ввел своего рода мини-доследование, распространяющееся только на обвинительное заключение и обвинительный акт, если они составлены с нарушением требований Кодекса, что исключает возможность вынесения приговора или иного судебного решения [2, с. 100-101].

Приведенную оценку исследуемого института и деятельности органов предварительного расследования, данную одним из ведущих отечественных процессуалистов, трудно расценить как объективную. Во-первых, автор не пишет о том, что нередко суды возвращали уголовные дела для производства дополнительного расследования с тем, чтобы не выносить приговоров, требующих тщательного и

глубокого анализа доказательств. Проще было направить дело на следствие. Во-вторых, в ходе судебного разбирательства нередко собирались доказательства, свидетельствующие о совершении подсудимым более тяжкого преступления, нежели то, которое инкриминировалось ему органами предварительного расследования. В-третьих, имели место случаи, когда на скамье подсудимых оказывалось лицо, не причастное к совершению преступления, но взявшее вину на себя. Можно приводить и другие причины, руководствуясь которыми суды направляли уголовное дело прокурору для производства дополнительного расследования. В-четвертых, нельзя исключить стремление И.Л. Петрухина подвести базу под вывод, который им сделан в той же работе далее: «Ситуация изменилась лишь благодаря судебной реформе, постановлениям Конституционного Суда РФ и принятию в 2001 г. нового УПК РФ, отменивших следствие как институт, не совместимый с демократическими основами судопроизводства. Учитывался и международный опыт (в цивилизованных странах следствие отсутствует; при обнаружении неполноты расследования и невосполняемых процессуальных нарушений, допущенных следователем, суд выносит оправдательный приговор)» [2, с. 100].

Аналогичная позиция высказана и некоторыми другими авторами. Так, И.Б. Михайловская полагает, что институт следствия позволял органам предварительного расследования «не только не подвергаться... каким-либо процессуальным санкциям, но и получать дополнительное время для расследования» [3, с. 74].

Между тем ситуация оказалась не такой простой, как представляли себе сторонники отмены анализируемого института и как она (ситуация) казалась на первый взгляд. Об этом свидетельствует тот факт, что на возникшие в судебной практике проблемы был вынужден обратить внимание Пленум Верховного Суда РФ, который, по сути, в своем постановлении от 5 марта 2004 г. N 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» посредством дачи разъяснения ввел новую норму закона. В абзацах 3 и 4 п. 14 названного постановления Пленум разъяснил судам

следующее: «В тех случаях, когда существенное нарушение закона, допущенное в досудебной стадии и являющееся препятствием к рассмотрению уголовного дела, выявлено при судебном разбирательстве, суд, если он не может устранить такое нарушение самостоятельно, по ходатайству сторон или по собственной инициативе возвращает дело прокурору для устранения указанного нарушения при условии, что оно не будет связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. При вынесении решения о возвращении уголовного дела прокурору суду надлежит исходить из того, что нарушение в досудебной стадии гарантированных Конституцией РФ права обвиняемого на судебную защиту и права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора»*.

Между тем следование судами приведенным разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ не решило всех проблем. Напротив, они продолжали накапливаться, что побуждало ученых и практиков обращаться к данной проблеме, приводить новые аргументы в пользу возрождения рассматриваемого института. Следует, например, отметить аргументированную и значимую для определения судьбы института дополнительного расследования статью А. Тришевой. Используя исторический метод исследования проблемы, она сделала, заслуживающий внимания и с точки зрения науки, и с точки зрения практики вывод: «Отказываясь от института дополнительного расследования, законодатель, надо полагать, преследовал главным образом единственную цель – оказать воздействие на следователя, стимулируя его на недопущение нарушений закона при производстве следствия. Однако “следственная ошибка” – категория объективно существующая, и в законодательном порядке она не может быть отменена. Поскольку следственные ошибки были, есть и будут, то должны существовать и механизмы, устраняющие их. Институт до-

* См.: О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 5.

полнительного расследования был одним из таких механизмов. Упразднив его, законодатель не предложил никакой иной альтернативы, что создало на практике непреодолимые трудности в применении отдельных положений уголовно-процессуального закона» [4, с. 43].

Ранее на данное обстоятельство еще более убедительно указывал В.А. Кобзарь: «...в любой отрасли человеческой деятельности предусмотрены механизмы исправления возможных ошибок. Там, где принимаются особо ответственные решения, влияющие на судьбы многих людей, существуют дублирующие системы профилактики ошибок и устранения их последствий. Непонятно, почему же в сфере уголовного судопроизводства, одной из ответственных отраслей человеческой деятельности, где предусмотрены контрольные стадии проверки законности постановленных решений, учреждается положение, при котором ошибки одной из сторон процесса, безусловно влияющие на законность решения, исправлению не подлежат?» [5, с. 25-26].

Своего рода переломным моментом в решении затронутых в данной статье проблем явилось постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. N 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»*. В данном постановлении Конституционный Суд РФ вплотную приблизился к тому, чтобы вернуть институту дополнительного расследования, пусть в небольшой его части, но статус легитимного. Он признал не соответствующей Конституции РФ ч. 1 ст. 237 УПК РФ в той мере, в какой положения данной нормы в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, исключают возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении,

обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Следует отметить, что к такому решению Конституционный Суд РФ пришел не сразу. Потребовалось одиннадцать лет, чтобы на основе конкретных жизненных ситуаций, затрагивающих, а точнее, свидетельствующих о грубейших нарушениях конституционных прав как обвиняемых, подсудимых, так и потерпевших, суд пришел к выводу о необходимости разрешать вопросы, касающиеся конституционности норм УПК РФ, блокирующих возвращение судом уголовных дел прокурору для устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу с принятием законного и обоснованного судебного решения. Рассмотреть комплексно, во взаимосвязи с принципами и требованиями уголовного закона, норм и принципов международного права. Ибо как-то односторонне выглядели ситуации, когда применение норм уголовно-процессуального закона блокировали нормы Уголовного кодекса РФ или не до конца продуманный принцип состязательности сторон.

Таким образом, вывод, сделанный в указанном постановлении Конституционного Суда РФ, представляется логически выверенным и убедительным. В анализируемом постановлении сформулирован еще один вывод концептуального характера, призванный напомнить всем исследователям, ради чего принималась Концепция судебной реформы, почему в ст. 1 Конституции РФ провозглашено, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство. Автор на данное обстоятельство уже обращал внимание [6], но позволит себе напомнить об этом еще раз. Вывод касается положения суда в государстве, которое должно учитываться при разработке и принятии любой нормы закона, в том числе норм УПК РФ. Суть его в том, что «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом

* См.: Рос. газ. 2013. 12 июля.

ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»*.

Следует отметить, что законодатель еще до принятия Конституционным Судом РФ постановления от 2 июля 2013 г. N 16-П дополнил ст. 237 УПК РФ частью 1.2. В соответствии с данной нормой судья (суд) вправе по ходатайству стороны возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению в случаях, если: 1) после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления; 2) ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 настоящего Кодекса, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются, в свою очередь, основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления**.

Среди представителей науки и практики были последовательные противники такого решения. Например, А.П. Кругликов пишет следующее: «Так стала ли “рудиментом” обвинительной роли суда обязанность направлять уголовные дела на доследование при его неполноте, о чем говорится в Концепции на с. 84, 85? Анализ положений ст.ст. 162 и 237 УПК РФ в их новой редакции и ст.ст. 133 и 232 УПК РСФСР позволяет сделать вывод, что

нет» [7, с. 38]. Проблема, по его мнению, может быть решена иным образом. «Если следователь, руководитель следственного органа и прокурор, — полагает он, — будут уверены в том, что в случае некачественного расследования уголовного дела оно будет им возвращено судом для исправления допущенных недостатков, то добиться качественного расследования уголовных дел станет невозможным. Поэтому необходимо из УПК РФ исключить нормы, позволяющие суду возвращать дела для дополнительного расследования. Это будет соответствовать положениям Концепции судебной реформы в Российской Федерации, эффективному решению задач уголовного судопроизводства» [7, с. 38].

По мнению С.А. Пашина, «Что касается рассматриваемого закона, то в нем отразилось пренебрежение к суду, приговоры которого в данном случае объявлены предварительными. Законный и обоснованный в момент его постановления, приговор отныне может быть пересмотрен ввиду изменения ситуации. Избранное депутатами “право догоняющих последствий” стирает прежнее суждение, заменяя его новым, более суровым. Потерпевшему вместо защиты от преступления дарят сомнительную радость возмездия. Между тем суд, — констатирует С.А. Пашин, — это не бюрократическая процедура, а испытание и “предсказание” судьбы. Однажды произнесенный и вступивший в силу приговор не может произвольно заменяться другим, иначе нарушается принцип правовой определенности» [8, с. 61].

Несмотря на подобные возражения, законодатель в 2014 г. закрепил право суда возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в суде не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе, в случаях, указанных в ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, но и тогда, когда фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, не наступили после направления дела в суд, а уже имели место в момент предварительного расследования и установлены в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в редакции Федерального закона от 21 июля

* По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. N 16-П // Рос. газ. 2013. 12 июля.

** О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 26 апр. 2013 г. N 64-ФЗ // Рос. газ. 2013. 30 апр.

2014 г. N 269-ФЗ*). Данные обстоятельства, действительно, являются основанием для производства дополнительного расследования. Если его, конечно, оценивать с точки зрения УПК РСФСР. Между тем, как следует из ч. 1 ст. 237 УПК РФ, формально суд направляет дело не для производства дополнительного расследования, а для устранения препятствий его рассмотрения в суде. По сути, здесь законодатель «засекречивает» институт дополнительного расследования, поскольку открытым текстом об этом напишет в своем решении прокурор, направляя уголовное дело следователю или дознавателю для перепредъявления обвинения на более тяжкое преступление и выполнения всех следственных и иных процессуальных действий, связанных с окончанием предварительного расследования.

Таким образом, подводя итог изложенному, отметим, что на достигнутом ставить точку рано. По большому счету, институт возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования законодательно не восстановлен. Анализ действующей ст. 237 УПК РФ дает основания для вывода о том, что ряд вопросов остался без ответа. Например, вправе ли органы расследования после направления уголовного дела прокурору в порядке указанной статьи, а прокурором следователю, дознавателю для производства дополнительного расследования собирать доказательства с целью полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела; вправе ли при выявлении новых участников преступления предъявлять им обвинение в рамках данного дела; вправе ли при установлении непричастности обвиняемого, в отношении которого ранее дело направлялось в суд, и установлении лица, действительно совершившего преступление, предъявлять ему обвинение, оканчивать предварительное расследование и направлять дело прокурору для дальнейшего направления в суд? Это далеко не полный перечень вопросов, оставшихся без законодательного решения.

В связи с этим представляется, что институт возвращения уголовных дел прокурору для производства дополнительного расследования надлежит восстановить, четко регламентировав основания для принятия такого решения.

Можно предположить, что стороны так называемой демократизации уголовного судопроизводства расценят данное предложение как несвоевременное, посягающее на принцип состязательности сторон, независимость суда, принцип правовой определенности судебных решений. На это можно ответить коротко следующим образом. Принцип состязательности может быть реализован в суде тогда, когда органы предварительного расследования полно, всесторонне и объективно исследовали обстоятельства дела. Суд может считать себя независимым тогда, когда законодатель его не «принуждает» принимать решение вопреки своему внутреннему убеждению, как, например, в ситуациях, о которых пишет в указанной выше статье Е. Яненко.

При этом принцип правовой определенности судебных решений не следует абсолютизировать и использовать как фетиш. Любое судебное решение, прежде всего, должно быть законным и обоснованным. Если же в ходе судебного разбирательства суд, оценив доказательства, установит, что подсудимый совершил более тяжкое преступление, чем ему инкриминировано органами предварительного расследования, но признает его виновным в совершении менее тяжкого, поскольку «зажат» рамками обвинительного заключения (акта, постановления), то о законности и обоснованности такого приговора речи быть не может.

Следовательно, и правовая определенность такого приговора — это фикция, которая побуждает лиц, сумевших уйти от установленной законом ответственности, к совершению новых, может быть, более тяжких преступлений, а потерпевших, соответственно, удивляться, несправедливости и кривизне зеркала, перед которым они и преступники по чьей-то воле оказались.

* О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. N 269-ФЗ // Рос. газ. 2014. 25 июля.

Список литературы

1. Яненко Е. Размышления у парадного фасада УПК // Рос. юстиция. 2002. N 12. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. Ч. 2. М.: ТК Велби, 2005. 192 с.
3. Михайловская И.Б. Новый УПК РФ: прощание с советским типом уголовного судопроизводства // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: материалы науч. конф., 22-23 января 2002 г., Москва / под ред. И.Б. Михайловской. М., 2002. С. 73-77.
4. Тришева А. Дополнительное расследование: возникновение и становление // Законность. 2008. N 10.
5. Кобзарь В. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. N 4. С. 25-26.
6. Балакшин В.С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против» // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 4. С. 610-618.
7. Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Рос. юстиция. 2013. N 10. С. 37-41.
8. Пашин С. Новеллы УПК: назад к доследованию (мнение эксперта) // Закон. 2013. N 5. С. 57-64.

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
chernovaswetlana@mail.ru
Кафедра организации
расследования преступлений
и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
chernovaswetlana@mail.ru
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75,
Tyumen, 625049,
Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Аннотация. Рассматриваются правовые проблемы использования видеоконференц-связи при разрешении вопросов об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу. С учетом существующей правоприменительной практики анализируется проект федерального закона, предусматривающий возможность использования видеоконференц-связи при рассмотрении вопросов заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей. Сделан вывод о том, что основания отказа Правительства Российской Федерации в поддержке законопроекта приведены без учета позиции действующего законодательства и мнений ученых-процессуалистов по данному вопросу. Аргументируется, что использование видеоконференц-связи не противоречит конституционным принципам, нашедшим свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части использования видеоконференц-связи при рассмотрении судом вопросов, связанных с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу и продлением срока ее применения.

Ключевые слова: заключение под стражу; видеоконференц-связь; подозреваемый; обвиняемый; суд; принцип гласности уголовного судопроизводства.

THE PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE USE OF VIDEOCONFERENCING IN THE CASE WHEN THE COURT IS HEARING THE ISSUES CONNECTED WITH THE APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION

Annotation. The legal problems of using a videoconferencing in resolving the issues of choosing and extending the term of application of the preventive measure in the form of detention are considered. Taking into account the current law enforcement practice, the author of the article analyzes the draft of the Federal law providing the possibility of using a videoconferencing in the case when the issues of detention and extending the detention are considered. It is concluded that the reasons for the refusal of the Government of the Russian Federation to support the bill are given without taking into account the position of the current legislation and the opinions of the scientists and experts in the field of procedural law on this issue. It is argued that the use of videoconferencing is not contrary to the constitutional principles, reflected in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author makes the proposals for improving the criminal procedure legislation of the Russian Federation regarding the use of videoconferencing in the case when the court is considering the issues connected with choosing the preventive measure in the form of detention and extending the term of its application.

Keywords: detention; videoconferencing; suspect; accused; court; principle of publicity of criminal proceedings.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел на современном этапе является внедрение

инновационных технологий, позволяющих сократить финансовые, ресурсные, временные и иные затраты государства в сфере

борьбы с преступностью. Кроме того, применение различных технических возможностей, в том числе видеоконференц-связи (далее – ВКС) в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела направлено на оптимизацию деятельности властных субъектов уголовного процесса, соблюдение принципов уголовного судопроизводства, выполнение отдельных задач, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Статья 399 УПК РФ регламентирует, что при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, осужденный может участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС. В соответствии со ст. 278.1 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем ВКС и т.д.

Однако, несмотря на то обстоятельство, что российскими судами за временной период, длящийся около 20 лет*, накоплен значительный опыт по использованию ВКС, Е.А. Архипова отмечает, что ВКС практически не применяется в ходе досудебного производства по уголовному делу [1, с. 46].

По нашему мнению, подобное положение стало следствием отсутствия правовых основ применения ВКС в ходе производства предварительного расследования.

Вместе с тем необходимо отметить, что в отличие от законодателя правоприменители уже сделали ряд шагов в указанном направлении.

Например, в 2010 году в изоляторе временного содержания (далее – ИВС) г. Екатеринбурга в качестве эксперимента два кабинета для связи с двумя судами г. Екатеринбурга оборудовали таким образом, чтобы обеспечить возможность рассматривать ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, апелляционные жалобы без присутствия подозреваемых и обвиняемых в зале судебного заседания.

В полном объеме ВКС начала функционировать в 2014 году, поскольку имен-

но в это время были налажены каналы связи со всеми судами г. Екатеринбурга.

В 2014 году было проведено 472 судебных заседания, за 9 месяцев 2015 года в режиме ВКС проведено 575 судебных заседаний**.

Полученный положительный опыт в части использования ВКС «ИВС – суд», позволяющей, в частности, рассматривать ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу без присутствия подозреваемых и обвиняемых в зале судебного заседания, несомненно, нуждался в законодательном закреплении.

В 2016 году Законодательным собранием Свердловской области в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий возможность использования ВКС при рассмотрении вопросов заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей:

1) часть 4 ст. 108 УПК РФ предлагалось дополнить указанием на то, что при наличии технической возможности рассмотрение вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого возможно посредством ВКС;

2) часть 13 ст. 109 УПК РФ предлагалось дополнить указанием на то, что при наличии технической возможности рассмотрение вопроса о продлении срока содержания под стражей возможно посредством ВКС.

Однако, несмотря на накопленный положительный опыт рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу без присутствия подозреваемых и обвиняемых в зале судебного заседания (посредством ВКС), Правительство Российской Федерации законопроект не поддержало, указав в заключении на несоответствие вносимых изменений принципам гласности проведения судебных заседаний, а также на необходимость дополнительных финансовых затрат на обеспечение технической возможности осуществления данного вида связи***.

* Впервые в России система видеоконференц-связи была применена 18 ноября 1999 г. Челябинским областным судом при рассмотрении кассационной жалобы Муртазина М.

** Данные за 2016-2017 гг. отсутствуют.

*** Заключение Правительства РФ от 19 мая 2016 г. N 33396п-П4. Документ опубликован не был.

Таким образом, в основу отказа были положены две составляющие:

- 1) отсутствие финансово-экономического обоснования к законопроекту;
- 2) противоречие конституционным принципам, нашедшим свое отражение в УПК РФ.

С учетом действующего законодательства и существующей правоприменительной практики использования ВКС при разрешении ходатайств об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу позволим себе детально проанализировать как основания отказа, так и сам текст законопроекта.

В первую очередь следует рассмотреть некоторые вопросы, связанные с необходимостью дополнительных финансовых затрат на обеспечение технической возможности осуществления ВКС.

В.М. Гарманов и Р.Д. Каримов указывают, что реализация предложений по внедрению ВКС потребует «дополнительных финансовых расходов на закупку и установку соответствующего оборудования». Однако финансовые затраты «являются разовыми, в то время как экономия средств, расходуемых на конвоирование и содержание подозреваемых, обвиняемых, будет постоянной» [2, с. 65].

Например, на территории Чукотского автономного округа функционирует семь ИВС, расположенных в городах Анадырь, Билибино, Певек; поселках городского типа: Беренговский, Провиденское, Эгвекинот; селе Лаврентия. При этом СИЗО находятся в городах Магадан и Хабаровск. Ввиду отсутствия автомобильного и железнодорожного сообщения между населенными пунктами конвоирование лиц из ИВС в СИЗО осуществляется авиаперевозками. Таким образом, в 2015 году территориальными органами УМВД России по Чукотскому автономному округу было затрачено 19 033 291 рубль на деятельность, связанную с конвоированием. За девять месяцев 2016 года аналогичные расходы составили 12 023 371 рубль*. В среднем на одного конвоируемого из ИВС в СИЗО затрачивается 112 000 рублей.

В то же время положительный опыт других субъектов Российской Федерации наглядно показывает эффективность и це-

лесообразность использования ВКС «ИВС – суд», позволяющей рассматривать ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и апелляционных жалоб без присутствия подозреваемых и обвиняемых в зале судебного заседания.

В связи с этим показателен пример МВД по Республике Саха (Якутия), где в целях экономии денежных средств и снижения риска возникновения чрезвычайных происшествий по инициативе руководства МВД по Республике Саха (Якутия) введена практика проведения судебных заседаний в режиме видеоконференц-связи, в судах установлено соответствующее оборудование. В 2015 году проведено 101 такое заседание, за 3 месяца 2016 года – 50.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что использование ВКС в уголовном судопроизводстве (в том числе при разрешении вопросов об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу) позволяет существенно сократить финансовые затраты государства.

При этом необходимо напомнить, что предпосылками для использования впервые судом ВКС при рассмотрении кассационной жалобы осужденного Муртазина как раз послужили высокая стоимость его конвоирования, удаленность следственного изолятора, сложность своевременной доставки Муртазина в судебное заседание [3, с. 180-182].

В связи с этим следует поддержать вывод В.М. Гарманова и Р.Д. Каримова о целесообразности единовременных затрат на внедрение ВКС в деятельность ИВС и СИЗО с целью обеспечения дальнейшей (постоянной) экономии средств при рассмотрении вопросов о продлении срока задержания, избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу [2, с. 65].

Кроме того, использование ВКС при рассмотрении судом вопросов, связанных с мерой пресечения в виде заключения под стражу, позволит правоприменителям обеспечить реализацию положений:

– статьи 6.1 УПК РФ – в части осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок;

– Международного свода принципов защиты всех лиц, подвергнутых задер-

* Данные за первое полугодие 2017 года отсутствуют.

жанию или заключению, предписывающего проведение судебного разбирательства в разумные сроки после ареста*;

– статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предписывающей соблюдать разумные сроки прохождения дел**;

Что касается доводов о несоответствии вносимых изменений принципам гласности проведения судебных заседаний***, установленных ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, то, по нашему мнению, они приведены без учета позиции действующего законодательства и мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу.

Например, А.А. Хайдаров считает, что гласность в деятельности суда означает всестороннее информирование о тех или иных юридически значимых процедурах, действиях и решениях всех сторон, участвующих в судебном разбирательстве. По мнению указанного автора, участие содержащегося под стражей подсудимого в судебном разбирательстве с использованием ВКС не может рассматриваться как ограничение условий гласности судебного разбирательства [4].

Поддерживая настоящие суждения, следует отметить, что применение ВКС не препятствует рассмотрению вопросов об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу в открытом судебном заседании. При рассмотрении указанных вопросов принцип гласности реализуется посредством участия в судебном заседании любых лиц, изъявивших на то желание: граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства представителей средств массовой информации [4]. При этом последние вправе предавать

* Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Принят 09.12.1988 Резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 147-157.

** Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена 04.11.1950 в Риме), с изм. от 13.05.2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Заключение Правительства РФ от 19 мая 2016 года N 33396п-П4.

гласности ход и результаты рассмотрения судом вопросов об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу путем освещения действий и решений суда в средствах массовой информации.

Считаем необходимым обратить внимание также на то обстоятельство, что положения ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, допускающей по ходатайству сторон участие в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования ВКС, указывают не на проведение закрытого судебного разбирательства и ограничение принципа гласности, а на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, посредством использования ВКС.

Таким образом, применение ВКС при рассмотрении ходатайств об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого не противоречит принципу гласности, закрепленному в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Кроме того, остается неясным послуживший основанием отклонения законопроекта довод о возможности использования ВКС при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу и продлении сроков содержания под стражей в отношении обвиняемого (подозреваемого), со ссылкой на ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, действие которой распространяется только на подсудимого. Согласно же ст. 98 УПК РФ меры пресечения (в том числе заключение под стражу) могут избираться в отношении подозреваемого или обвиняемого****.

По нашему мнению, формулировка ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ указывает на действие ее положений исключительно на судебной стадии и делает невозможным ее применение на стадии предварительного расследования при разрешении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока ее применения.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что отдельные ученые-

**** Мера пресечения может также избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдаче лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

процессуалисты, совершенно обоснованно не видя в применении ВКС нарушения принципа гласности, усматривают ограничение другого принципа уголовного судопроизводства — непосредственности судебного разбирательства [4].

В частности, А.А. Хайдаров в качестве подтверждения суждений цитирует ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, текст которой начинается словами «подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно», а продолжается фразой «в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 205-206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст.ст. 275, 276, 279 и 281 УК РФ, по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования ВКС» [4].

По нашему мнению, настоящие выводы об ограничении принципа непосредственности судебного разбирательства в случае применения ВКС противоречат ст. 240 УПК РФ. В указанной статье принцип непосредственности закрепляется как непосредственное исследование судом в судебном разбирательстве доказательств (заслушивание показаний, осмотр вещественных доказательств и т.д.).

Схожее определение рассматриваемого принципа дают в своих работах и ученые-процессуалисты. Например, Ю.Л. Виницкая «правило процессуальной непосредственности» формулирует как «требование закона к судье о необходимости проанализировать представленные сторонами доказательства, выслушать их точки зрения» [5, с. 37]. А.Н. Склизков указывает, что «непосредственность и устная в качестве общих условий судебного разбирательства устанавливают такую технологию исследования доказательств, которая обеспечивает непосредственное (личное) и одновременное восприятие и исследование доказательств судом, участниками процесса со стороны обвинения и со стороны защиты» [6, с. 9].

Таким образом, применение ВКС при рассмотрении вопросов об избрании и продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиня-

емого, принципу непосредственности, закреплённому в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, не противоречит.

Что же касается конституционного права лица на непосредственное участие в судебном разбирательстве, то необходимо указать, что правовая позиция по данному вопросу была сформулирована в определении Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 года N 576-О-П, в котором указано, что положения ст. 125 УПК РФ обязывают суд не только обеспечить содержащемуся под стражей заявителю жалобы возможность участия в судебном заседании, в том числе посредством видеоконференц-связи, но также обеспечить такому лицу возможность ознакомиться со всеми материалами рассматриваемого судом дела*.

Иначе говоря, Конституционный Суд РФ участие в судебном заседании заявителя, содержащегося под стражей, посредством применения ВКС рассматривает как одну из форм непосредственного участия лица в судебном заседании.

Аналогичные выводы о том, что участие лица в судебном разбирательстве посредством ВКС приравнивается к непосредственному участию, отражены и в постановлениях Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Так, в Постановлении ЕСПЧ от 2 ноября 2010 года по жалобе N 21272/03 отмечается, что «форма участия в судебном процессе посредством ВКС не является неприемлемой в соответствии с понятием справедливого и публичного разбирательства, но должна гарантировать возможность для заявителя участвовать в процессе и быть выслушанным без технических препятствий...»**.

* По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. N 576-О-П // Судебная система РФ: электронная библиотека. URL: <http://www.sudbiblioteka.ru/>

** Дело «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» (жалоба N 21272/03): постановление ЕСПЧ от 2 нояб. 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. N 9.

Подводя итог, сформулируем выводы:

1. Предлагаем внести в УПК РФ следующие дополнения:

1) в части 4 ст. 108 УПК РФ указать, что при наличии технической возможности рассмотрение вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого возможно посредством ВКС;

2) в части 13 ст. 109 УПК РФ указать, что при наличии технической возможно-

сти рассмотрение вопроса о продлении срока содержания под стражей возможно посредством ВКС.

2. Считаем целесообразным продолжить научное изучение вопросов, связанных с применением ВКС в ходе досудебного производства по уголовному делу (в ходе продления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления, производства следственных действий [7, с. 141] и т.п.).

Список литературы

1. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. N 5 (25). С. 45-49.
2. Гарманов В.М., Каримов Р.Д. О перспективах использования системы видеоконференцсвязи в деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. N 1 (8). С. 60-66.
3. Зуев С.В. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства противодействия организованной преступности: монография. Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2007. 292 с.
4. Хайдаров А.А. Об участии подсудимого, содержащегося под стражей, в процессуальных действиях в судебном заседании с использованием систем видеоконференц-связи // Российский следователь. 2014. N 19. С. 21-24.
5. Виницкая Ю.Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2016. Т. 16. N 1. С. 35-43.
6. Склизков А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 23 с.
7. Кравец Е.Г., Шувалов Н.В. Дистанционные следственные действия сквозь призму применения специальных знаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 1 (39). С. 140-145.

ЧЕРКАСОВА Е.К.,
кандидат юридических наук,
DenCh-TNCS-Mosc@rambler.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

CHERKASOVA E.K.,
Candidate of Legal Sciences,
DenCh-TNCS-Mosc@rambler.ru
Chair of administrative activities
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЖИЛИЩЕ

Аннотация. По мнению автора статьи, несмотря на то, что процессуальный порядок проведения следственных действий в жилище детально регламентирован в законе, он далек от совершенства. В статье на основе анализа понятия «жилище» определяются наиболее важные критерии, позволяющие относить тот или иной объект к жилым. Исследуются отдельные условия проведения следственных действий в жилище, в частности, получение судебного решения на их производство, участие отдельных лиц в их проведении. Формулируются предложения по совершенствованию правовой основы проведения следственных действий в жилище, направленные на повышение эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а также более полное соблюдение прав участников, интересы которых затрагиваются при их проведении.

Ключевые слова: осмотр; обыск; жилище; защитник; следственное действие.

TO THE QUESTION OF CARRYING OUT THE INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE HOUSING

Annotation. According to the author of the article's opinion, despite the fact that the procedural order of carrying out the investigative actions in the housing is regulated in detail in the legislation, it is far from being perfect. Basing on the analysis of the concept "dwelling", the most important criteria that allow to classify a particular object as a residential one, are determined in the article. Certain conditions for carrying out the investigative actions in the home are analyzed, in particular, obtaining the court decision for carrying out such actions and participation of individuals in them. The author formulates the proposals for improving the legal framework for carrying out the investigative actions in the housing. They are aimed at increasing the efficiency of crime detection and crime investigation activities, as well as better observance of the rights of participants whose interests are affected in the course of the investigative actions.

Keywords: inspection; search; dwelling; defender; investigative action.

Согласно ст. 25 Конституции Российской Федерации жилище является неприкосновенным. Вместе с тем данное право граждан может быть ограничено в случаях, предусмотренных федеральным законом. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом допускается проведение отдельных следственных действий в жилище, но с соблюдением ряда обязательных условий. К таковым, в частности, относится: обязательное участие понятых, получение судебного разрешения на проведение следственного действия, за исключением случаев, когда достаточно получить согласие проживающих в данном помещении лиц, и др. Однако, несмотря на детальную регламентацию процес-

суального порядка проведения отдельных следственных действий в жилище, закрепленную в законе, следует признать, что он далек от совершенства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет жилище как «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания» (п. 10 ст. 5 УПК РФ). Из данного положения закона следует, что основным крите-

рием отнесения какого-либо помещения или строения к категории жилых является его использование для постоянного или временного проживания. Однако представляется, что данные объекты не только могут использоваться в качестве таковых, но должны быть предназначены для этих целей.

Законодатель совершенно оправданно не дает полного перечня объектов, не входящих в жилищный фонд, но предназначенных и используемых для проживания (вахтовый вагончик, каюта и т.д.), так как предусмотреть их многообразие в законе невозможно. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство содержит указание на два вида жилища – помещения и строения (п. 10 ст. 5 УПК РФ). В связи с этим возникает необходимость в уяснении того, что следует понимать под помещением или строением. Согласно п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации строением является один из видов объектов капитального строительства. Критерием, исключающим отнесение строения к объектам капитального строительства, является временный характер его использования. В соответствии с п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации неотъемлемым признаком строения как объекта недвижимого имущества является то, что перемещение такого объекта невозможно без несоразмерного ущерба его назначению. Помещением следует признать часть строения, то есть отдельную изолированную его часть (комната или отдельная квартира). Кроме этого, помещением может быть и используемая для временного проживания часть движимого имущества (купе поезда, каюта судна и т.д.) [1, с. 17].

Одним из следственных действий, проводимых в жилище, является осмотр. Законодатель определил, что осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц проводится на основании судебного решения. К числу лиц, у которых необходимо испрашивать согласие на проведение осмотра жилища, следует относить граждан, имеющих право собственности на данное жилое помещение или законное право пользования им на основании договора аренды, поднайма и т.д. Законность оснований на занимаемое жилое помещение должна быть подтверж-

дена правоустанавливающими документами (свидетельство о праве собственности, договор аренды, найма, субаренды, поднайма и т.д.), титулодержателями и должностными лицами. Термин «лица, проживающие в жилище» включает в себя как совершеннолетних, так и несовершеннолетних лиц, а также лиц, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными. Очевидно, что получать согласие на проведение осмотра жилища у недееспособных или ограниченно дееспособных лиц не требуется. В связи с этим следует внести изменения в ч. 5 ст. 177 УПК РФ, уточнив в ней, что согласие на проведение осмотра дают только совершеннолетние дееспособные лица, проживающие в данном помещении.

Не имеет принципиального значения факт постоянной или временной регистрации по месту жительства лица, у которого испрашивается согласие на проведение осмотра. Это обусловлено тем, что согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству жилыми помещениями могут являться и те, в которых регистрация согласно закону невозможна, например, индивидуальный жилой дом, не введенный в эксплуатацию.

Поскольку закон четко не устанавливает, от кого именно – от собственника или от ответственного квартиросъемщика – должно исходить согласие на проведение осмотра в жилище, это обязывает лицо, проводящее данное следственное действие, получать согласие у всех проживающих в нем лиц. Следует признать, что реализация данного положения закона на практике часто вызывает затруднения. Это обусловлено тем, что в одном жилище может проживать достаточно большое количество людей. Вместе с тем ограничение кого-либо из проживающих в их праве возражать против проведения данного следственного действия является неправомерным, так как основополагающее значение здесь имеет их равное с собственником или ответственным квартиросъемщиком законное право пользования данным помещением. Кроме того, следует получить согласие у лиц, зарегистрированных по данному адресу, но временно отсутствующих. Это является необходимым, так как проведение осмотра может привести к нарушению права таких лиц на неприкосновенность жилища.

Следует отметить, что в ч. 5 ст. 177 УПК РФ, регламентирующей производство осмотра в жилище, нет указания на то, в какой форме и в каком процессуальном документе следует отразить согласие или протест на проведение данного следственного действия лиц, проживающих в данном помещении. Полагаем, что такое согласие должно быть обязательно изложено в письменной форме и может быть отражено в протоколе осмотра или отдельном заявлении.

При рассмотрении вопроса о возможности проведения осмотра жилого помещения до возбуждения уголовного дела следует исходить из того, что УПК РФ допускает до принятия решения о возбуждении уголовного дела производство лишь отдельных следственных действий, в том числе и осмотра места происшествия. Признавая тот факт, что местом происшествия могут быть различные объекты, в том числе и жилые помещения, проведение осмотра жилища до возбуждения уголовного дела возможно лишь в том случае, если оно является местом происшествия. В связи с тем, что следы происшествия в этом случае могут быть расположены и за пределами жилища, ход и результаты данного следственного действия следует оформлять протоколом осмотра места происшествия, в котором также должно быть отражено согласие проживающих в этом помещении лиц на проведение осмотра. При этом вынесение отдельного постановления не требуется. В случае отсутствия согласия проживающих лиц на проведение осмотра законность и обоснованность следственного действия, произведенного без получения судебного решения, определяется в порядке судебного контроля (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) по наличию оснований вхождения в жилище на момент принятия об этом решения следователем.

В отличие от обыска, при осмотре жилища закон не содержит требования об обязательном присутствии лица, в помещении которого проводится данное следственное действие, или совершеннолетнего члена его семьи. Это означает, что осмотр в жилище может быть проведен и в отсутствие проживающих там лиц, но с обязательным получением их согласия или несогласия по поводу предстоящего следственного действия.

Нормы уголовно-процессуального кодекса, регламентирующие порядок проведения следственного эксперимента и проверки показаний на месте в жилище, специально не оговаривают необходимость получения судебного решения на их производство. Однако, руководствуясь конституционным принципом неприкосновенности жилища, следует признать, что проведение данных следственных действий в жилом помещении возможно лишь при наличии согласия проживающих в нем лиц, в противном случае необходимо получать судебное решение на их проведение. Тем не менее, учитывая тот факт, что процессуальный порядок проведения различных следственных действий в жилище существенно отличается, в законе необходимо указать, что данные следственные действия должны проводиться по правилам производства осмотра в жилище. При этом следует отметить, что, в отличие от осмотра в жилище, закон не допускает проведение этих следственных действий в условиях, не терпящих отлагательства, без разрешения суда в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ.

Обыск как следственное действие является одним из процессуальных способов собирания доказательств по уголовному делу. Иногда только с помощью проведения данного следственного действия лицам, ведущим расследование по уголовному делу, предоставляется возможность отыскать похищенное имущество, орудия преступления, а в ряде случаев – обнаружить разыскиваемое лицо или труп.

Нередко данное следственное действие проводится в жилище. По общему правилу для проведения обыска в жилом помещении, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, лицу, проводящему данное следственное действие, необходимо обратиться с ходатайством в суд для получения соответствующего разрешения.

В качестве обязательного условия для проведения обыска в жилище законодатель определяет обязанность следователя или дознавателя по обеспечению участия при проведении обыска лица, в помещении которого производится данное следственное действие (ч. 11 ст. 182 УПК РФ). Точное толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что

при производстве обыска должно присутствовать лицо, имеющее право владения или пользования этим помещением. Данное лицо должно подтвердить свое законное право правоустанавливающими документами (например, договором аренды, найма, субаренды, свидетельством о праве собственности и т.п.). Не имеет определяющего значения для определения права лица присутствовать при производстве обыска факт временного или постоянного проживания данного лица в обыскиваемом помещении. Однако единственным присутствующим в помещении может оказаться несовершеннолетний либо лицо, признанное в установленном законом порядке недееспособным или ограниченно дееспособным. Данные лица в силу своего возраста или психического состояния не могут в полной мере осуществлять защиту своих прав и законных интересов. В целях реализации дополнительных гарантий защиты данных лиц представляется целесообразным внести предложение по изменению ч. 11 ст. 182 УПК РФ, согласно которому в подобных ситуациях лицу, осуществляющему производство обыска в помещении, надлежит обеспечить присутствие представителя органа опеки и попечительства.

Обыск в жилище подозреваемого или обвиняемого, находящегося под стражей, принадлежащем ему, нередко проводится в его отсутствие, с участием кого-либо из совершеннолетних членов его семьи. Однако следует обратить внимание на то, что проведение обыска без непосредственного участия данных лиц является нецелесообразным. В первую очередь это связано с тем, что цели проведения могли быть достигнуты более простым путем, так как лицо, в жилище которого проводится данное следственное действие, могло бы само указать на тайники с находящимися в них искомыми предметами или документами. Кроме того, данная форма посткриминального поведения подозреваемого (обвиняемого) в виде активного участия в обнаружении предметов или документов, имеющих значение для дела, может быть расценена как обстоятельство, смягчающее ответственность за совершенное преступление (ст. 61 УК РФ).

Кроме того, существенное значение имеет тот факт, что одним из оснований

для освобождения от уголовной ответственности за совершенное преступление является добровольная выдача предметов преступного посягательства, например, в рамках уголовных дел по ст.ст. 222, 228 и др. УК РФ. При этом отсутствие подозреваемого (обвиняемого) на месте проведения обыска лишает его этого права. На данную ситуацию обращал внимание Президиум Верховного Суда РФ, отменяя приговор и кассационное определение по делу в отношении Протасова, справедливо указав на необходимость присутствия обвиняемого на месте проведения обыска с целью обеспечения ему возможности реализации его права на добровольную выдачу [2]. В связи с вышеизложенным представляется целесообразным закрепить в ст. 182 УПК РФ указание на обеспечение обязательного участия подозреваемого или обвиняемого при проведении обыска в помещениях, принадлежащих ему, или в которых он проживал, если это является возможным.

Следует отметить, что указание в законе на обязательное присутствие лица, в помещении которого проводится обыск, либо его совершеннолетнего члена семьи, носит императивный характер. В связи с этим до сих пор остается неразрешенным вопрос о том, каким образом обеспечить участие данных лиц, например, в случае, когда их местонахождение неизвестно.

По мнению отдельных авторов, проведение обыска допустимо и в отсутствие данных лиц, но в целях обеспечения сохранности жилища и находящегося в нем имущества обыск может быть проведен в присутствии иных лиц, принявших на себя обязательство по сохранности этого имущества, а именно защитника (адвоката) или представителя жилищно-эксплуатационной организации [3, с. 43]. Однако весьма сомнительно, что данные субъекты за свой счет предпримут все необходимые меры по сохранности имущества, находящегося в помещении, в частности, по восстановлению вскрытой двери или запирающих устройств. Кроме того, данная обязанность не предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законодательством. Признавая необходимость проведения такого следственного действия в отсутствие лиц, имеющих право владения или пользования отдельным помещением, следует на

законодательном уровне разрешить его проведение в отсутствие указанных лиц, но обязав при этом органы предварительного расследования после его производства восстановить первоначальное состояние запоров, систем охраны и т.д.

В соответствии с п. 11 ст. 182 УПК РФ при производстве обыска допускается участие защитника подозреваемого, обвиняемого и адвоката свидетеля, потерпевшего либо иного лица. Основанием к допуску данных лиц является предъявление удостоверения адвоката и ордера, при этом разрешения следователя (дознателя) на участие этих лиц при производстве данного следственного действия не требуется. Следует учитывать, что если у подозреваемого или обвиняемого на момент проведения данного следственного действия уже был защитник, то следователь по прибытии на место должен уведомить защитника и дать ему возможность присутствовать при проведении обыска, производимого с участием его подзащитного. Вместе с тем в силу объективных причин защитник не всегда может принимать участие в производстве данного следственного действия (отпуск, командировка, болезнь и др.), либо в целях воспрепятствования расследованию не желает являться для участия в производстве обыска. Часть 3 ст. 50 УПК РФ в таких случаях предусматривает замену защитника или проведение обыска без защитника, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2-7 ст. 51 УПК РФ, только лишь по истечении пяти суток с момента уведомления защитника о предстоящем следственном действии.

В соответствии с данным положением закона при проведении иных процессуальных действий следователи заранее уведомляют защитников об их производстве. Но если речь идет о следственных действиях, носящих безотлагательный характер, и осведомленность заинтересованных лиц об их проведении может привести к утрате доказательств, то уведомление данных лиц является нецелесообразным. Таким образом, согласно действующему уголовно-процессуальному закону после заявления подозреваемым или обвиняемым ходатайства об участии в обыске его защитника следователь должен ожидать данного защитника в течение пяти суток. Выходом из сложившейся ситуации будет

закрепление в законе положения, согласно которому в случае, если защитник подозреваемого или обвиняемого не может прибыть к месту проведения обыска в течение трех часов, то у следователя есть право предоставить подозреваемому или обвиняемому защитника по назначению. Данный срок следует исчислять с момента объявления постановления о производстве обыска после проникновения в данное помещение и принятия мер, направленных на недопущение со стороны присутствующих лиц действий, целью которых является уничтожение предметов или документов, подлежащих изъятию.

Уголовно-процессуальный закон не рассматривает согласие лица, в жилище которого проводится обыск, на осуществление поисковых действий как условие, освобождающее следователя от получения судебного решения или уведомления о проведенном в жилище обыске в условиях, не терпящих отлагательства, без разрешения суда. При этом проводить аналогию с получением согласия лица на осмотр жилища в данном случае не следует.

Согласно ч. 2 ст. 183 УПК РФ выемка в жилище проводится по тем же правилам, что и обыск.

Все перечисленные выше следственные действия в помещениях, в том числе и жилых, в которых проживают члены дипломатических представительств и их семьи, согласно ч. 2 ст. 3 УПК РФ могут проводиться только по просьбе или с их письменного согласия, которое испрашивается через МИД России.

В соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ предусмотрена возможность проведения таких следственных действий в жилище, как осмотр, обыск и выемка, без судебного решения — только на основании постановления следователя или дознавателя в случаях, не терпящих отлагательства.

Безусловно, в законе невозможно предусмотреть исчерпывающий перечень подобных исключительных случаев, поэтому следует выделить основания, которыми могло бы руководствоваться лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, при принятии решения о производстве данного следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства. К ним следует относить такие основания:

— когда промедление с проведением данного следственного действия может привести к тому, что доказательства будут сокрыты или утеряны;

— когда немедленное проведение данного следственного действия обусловлено необходимостью пресечения дальнейших преступных действий.

После проведения следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, следователь обязан в течение 24 часов уведомить об этом прокурора, осуществляющего надзор, и судью, приложив к уведомлению копию постановления и протокола следственного действия, проведенного без судебного решения. Однако суд для рассмотрения вопроса о законности проведенного следственного действия в первую очередь должен оценить наличие либо отсутствие законных оснований для проведения того или иного следственного действия, не связывая при этом законность их проведения с полученными результатами. Решение о производстве этих следственных действий должно быть признано законным и обоснованным при наличии правовых и фактических оснований для его производства на момент принятия следователем соответствующего решения. В связи с этим не вполне понятно, зачем следователю необходимо предоставлять не только постановление о производстве следственного действия, но и протокол этого следственного действия (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), в котором фиксируются только ход и результаты данного процессуального мероприятия. При этом сведения, содержащиеся в протоколе следственного действия, никоим образом не отражают наличие оснований для его проведения. Таким образом, как справедливо отмечает В.В. Кальницкий, согласно данному положению закона, в ревизионном порядке суд наряду с наличием оснований для проведения следственного действия проверяет на соответствие закону и процедуру его проведения. Принятое решение суда в последующем имеет уже преюдициальное значение для дальнейшего производства по делу [4, с. 74].

Исходя из этих соображений, представляется, что необходимо исключить из уголовно-процессуального закона положение, обязывающее следователя после проведения следственного действия без су-

дебного решения в условиях, не терпящих отлагательства, предоставлять копию протокола этого следственного действия. Однако следует отметить, что одного постановления о производстве того или иного следственного действия при рассмотрении судом вопроса о наличии у следователя на тот момент фактических оснований для его проведения будет явно недостаточно. В связи с этим наряду с постановлением о производстве данного следственного действия следователь должен предоставлять в суд и иные материалы уголовного дела, подтверждающие наличие фактических данных, имевшихся до производства этого следственного действия и свидетельствующих о наличии оснований для его проведения.

Кроме того, суду должны быть также предоставлены материалы, указывающие на необходимость безотлагательного проведения следственного действия. Если суд придет к выводу, что проведенное следственное действие является незаконным, то все доказательства, полученные в ходе его производства, теряют свою юридическую силу и признаются недопустимыми.

Срок, в течение которого следователь должен уведомить суд и прокурора, исчисляется именно с момента начала производства этого следственного действия. В последующие 24 часа после получения уведомления о проведенном следственном действии в случаях, не терпящих отлагательства, судья изучает представленные материалы, проверяя законность следственного действия. При рассмотрении судом вопроса о признании данного следственного действия законным вправе участвовать только прокурор, следователь, дознаватель (ч. 3 ст. 165 УПК РФ). Таким образом, лицо, в жилище которого было проведено следственное действие без разрешения суда, не может участвовать в судебном заседании, в котором будет решен вопрос о законности проведенного следственного действия, у суда и у следователя нет обязанности по уведомлению данного лица о предстоящем судебном заседании. Однако в последующем принятое судом решение может быть обжаловано данным лицом в общем порядке, предусмотренном гл. 16 УПК РФ.

Подводя итог вышесказанному, представляется, что предложенные изменения

уголовно-процессуального законодательства и рекомендации правоприменителям позволят наиболее оптимально и объективно разрешить вопросы, возникающие в ходе предварительного расследования в

связи с производством следственных действий в жилище, что, безусловно, будет способствовать повышению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Список литературы

1. Петровский А.Г. Об уголовно-процессуальном понимании жилища // Уголовное судопроизводство. 2007. N 3. С. 16-17.
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 марта 2003 г. N 969п02. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан: учеб. пособие. Омск: Омская акад. МВД России, 2004. 79 с.
4. Кальницкий В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовный процесс. 2004. N 1. С. 73-75.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

НИКОНОВ Е.А.,
доктор педагогических наук,
professornea@mail.ru
Кафедра административного права
и оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел;
Московский областной филиал
Московского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
143100, Московская область,
Рузский район, пос. Старотеряево

NIKONOROV E.A.,
Doctor of Pedagogical Sciences,
professornea@mail.ru
Chair of administrative law and detective
activity of the internal affairs bodies;
Moscow regional branch
of Moscow University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikot,
Moscow region, Ruza district,
Staroteryaev village,
143100, Russian Federation

СИДОРОВ Э.Т.,
кандидат юридических наук, доцент,
set1965@yandex.ru
Кафедра административного права
и оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел;
Московский областной филиал
Московского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
143100, Московская область,
Рузский район, пос. Старотеряево

SIDOROV E.T.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
set1965@yandex.ru
Chair of administrative law and detective
activity of the internal affairs bodies;
Moscow regional branch
of Moscow University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikot,
Moscow region, Ruza district,
Staroteryaev village,
143100, Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Институт освобождения лица от административной ответственности при определенных условиях оказывает не менее эффективное воздействие на совершившего административное правонарушение, чем административное наказание. В статье представлены результаты проведенного анализа действующего административного законодательства, определяющего основания и условия освобождения от административной ответственности. Авторами исследуется как история развития института освобождения от административной ответственности в Российской Федерации, так и его современное состояние. Рассмотрена правовая природа оснований, в соответствии с которыми осуществляется освобождение от административной ответственности, проводится их сравнительный анализ с обстоятельствами, исключающими юридическую ответственность. Сделан вывод о необходимости совершенствования административного законодательства с целью установления четких правил применения правовых норм данного института, сформулированы предложения по внесению изменений в ряд статей, в частности 6.8, 6.9, а также 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; производство по делам об административных правонарушениях; освобождение от административной ответственности; обстоятельства, исключающие административную ответственность; необходимая оборона.

SOME PROBLEMS OF THE APPLICATION OF NORMS OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Annotation. Under certain conditions, the institute of exemption from administrative responsibility has not less effective impact on the person who has committed an administrative offence, than the administrative punishment. The article presents the results of the analysis of the current administrative

legislation that determines the grounds and conditions for the exemption from administrative responsibility. The authors examine both the history of the development of the institution of exemption from administrative liability in the Russian Federation and its current state. The legal nature of the grounds for the exemption from administrative responsibility is examined. The comparative analyses of these grounds with the circumstances that exclude the legal responsibility is conducted. The authors come to the conclusion about the necessity of improving the administrative legislation with the aim of establishing the clear rules for the application of this institution's legal rules. The proposals for amending a number of articles, in particular 6.8, 6.9, as well as 24.5 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are made.

Keywords: administrative responsibility; administrative offence; administrative proceedings; exemption from administrative responsibility; circumstances excluding the administrative responsibility; necessary defence.

Административная ответственность является одним из видов юридической ответственности, представляет собой деятельность компетентных лиц и органов по назначению виновным в совершении административных правонарушений лицам административных наказаний. Кроме того, административная ответственность — один из способов воздействия государства на участников управленческих отношений. Насколько часто обращаются к этому виду воздействия органы власти в Российской Федерации, можно судить по следующим данным, называемым экспертами: ежегодно выносятся свыше 100 млн постановлений о назначении административных наказаний*.

Такое широкое использование данного вида административно-правового принуждения имеет свое обоснование:

1. Мерами административной ответственности охраняется широкий круг общественных отношений, возникающих в сфере государственного управления, — экономической, социально-культурной и административно-политической.

2. Широкий круг лиц, привлекаемых к административной ответственности, — граждане, должностные лица, юридические лица и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

3. Уполномочивание законодательством на применение мер административной ответственности широкого круга субъектов: судей арбитражных судов, судов общей юрисдикции, включая мировых судей и судей военных судов, коллегиальных органов и должностных лиц практически всех органов исполнительной власти,

других государственных органов и даже некоторых государственных учреждений.

4. Административные штрафы представляют собой эффективное средство пополнения бюджетной системы всех уровней.

5. Установившаяся практика упрощенного порядка внесения изменений субъектом законодательной инициативы в КоАП РФ. Как отмечает С.М. Зыряновым, это выражается в заниженных требованиях по обоснованию введения нового запрета или санкции, по сравнению с предлагаемыми изменениями в уголовном законе [1, с. 2].

Н.Г. Салищевой неоднократно указывалось также на то, что при представлении субъектом законодательной инициативы законопроекта, направленного на усиление административной ответственности, законодатель не требует ни анализа данных о том, как исполняются аналогичные наказания, ни анализа результатов влияния их на состояние законности [2, с. 9-12].

В результате этого уже за первые 10 лет существования КоАП РФ было принято 260 федеральных законов, которыми в него вносились изменения. В настоящее время в КоАП РФ внесено уже более 2500 поправок 350-ю федеральными законами.

Это обусловило следующие тенденции в проблемах, связанных с административной деликтологией, о которых предупреждают ведущие ученые:

1. Несоразмерно жесткие для административных проступков устанавливаемые виды административных наказаний, которые зачастую конкурируют с уголовными наказаниями. Это выражается как в увеличении размеров административных штрафов и сроков лишения специальных прав, так и в последствиях, порождаемых ими. Еще в 2009 году Н.Г. Салищева обращала внимание на исключительность

* Государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Рос. газ. 2016. N 48. С. 7-8.

установления и назначения таких административных наказаний, как административный арест, административное приостановление деятельности, дисквалификация [3, с. 5-12]. Следует отметить, что это предупреждения было оставлено без внимания. Так, уже в 2015 году А.А. Фатьяновым отмечается постепенное «расползание» по Особенной части КоАП РФ, в частности, такого наказания, как административное приостановление [4, с. 24]. Срок административного ареста в соответствии с принятыми в 2013 году изменениями может достигать 30 суток и в обычных условиях жизнедеятельности общества, не связанных с совершением административного правонарушения в период действия режима чрезвычайного положения или контртеррористической операции.

2. Появившиеся у законодателя и правоприменителя иллюзии в отношении административной ответственности как универсального метода воздействия для решения любых управленческих задач [1, с. 7].

В результате такой государственной политики в области административного законодательства возникает правовая ситуация, когда, с одной стороны, административная ответственность приобретает массовый характер, при котором большая часть населения привлекается к административной ответственности за различные виды административных правонарушений. С другой стороны, грань между уголовной и административной ответственностью становится все более призрачной. Как правильно отмечается рядом специалистов, это заводит общество в тупиковую ситуацию.

Законодатель, понимая недостатки данного подхода, ищет пути разрешения возникшей ситуации. Судя по вносимым в последнее время в законодательство об административных правонарушениях изменениям, решение данной проблемы видится в ряде компромиссов, которые заключаются в следующем. С одной стороны, происходит повсеместное введение административных запретов и ужесточение наказаний за их несоблюдение. С другой стороны, в целях соблюдения принципа справедливости при привлечении к административной ответственности законодатель предоставляет правоприменителю существенные полномочия по смягчению санкций, установленных этими правовыми

нормами. Следует заметить, что в предлагаемом проекте нового КоАП РФ по аналогии с УК РФ принцип справедливости при привлечении к административной ответственности уже прямо сформулирован*.

Как правильно отмечает И.П. Долгих, отечественные юристы всерьез озадачились поиском мер, применение которых к лицам, совершившим административные правонарушения, было бы более действенным, нежели назначение последним заслуженного, но не всегда эффективного наказания [5].

Следствием всего вышесказанного явились полномочия, предоставленные законодателем правоприменителю в последние два года:

– назначать размеры административных штрафов ниже нижнего предела (п. 2.2 ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ);

– заменять административное наказание в виде административного штрафа предупреждением (ст. 4.1.1 КоАП РФ).

Другое средство смягчения государственной политики в этой области – полное освобождение лица от административной ответственности. Несмотря на то, что правовой институт освобождения от административной ответственности возник достаточно давно, в российском административном праве он не получил должного развития. Одной из причин этого, по нашему мнению, является и отсутствие среди ученых единой позиции относительно целей, преследуемых данным институтом, и перспектив его развития.

В советский период истории нашего общества такие полномочия были установлены административным законодательством в двух случаях – прекращение производства по делам об административных правонарушениях в связи с передачей материалов в товарищеский суд, общественную организацию или трудовой коллектив (ст. 21 КоАП РСФСР) и в связи с малозначительностью правонарушения.

Первое основание не является в настоящее время актуальным по двум причинам: во-первых, действующая идеология

* Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект N 957581-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

уже не базируется на принципе коллективизма, во-вторых, рыночная экономика предусматривает осуществление экономической деятельности как индивидуальными предпринимателями, так и компанией одного лица, т.е. юридическим лицом, участником и учредителем которого является, например, один гражданин. Такие формы предпринимательства исключают наличие в них трудовых коллективов.

В современном законодательстве перечень таких оснований, освобождающих лицо, совершившее административное правонарушение от ответственности, законодателем существенно расширен. Но при конструировании таких норм, законодатель, с одной стороны, копирует ряд положений из уголовного закона, с другой стороны, в действующей редакции КоАП РФ имеются серьезные противоречия, которые существенно усложняют толкование и применение административно-правовых норм в этой области.

В то же время среди ученых в настоящее время отсутствует единство во взглядах относительно правовой природы института освобождения от ответственности, содержания понятий, входящих в него, оснований и последствий применения. В частности, имеет место расхождение позиций в вопросах понимания таких явлений, как исключение юридической ответственности и освобождение от юридической ответственности. Так, Н.В. Витрук еще в 2009 году в своей монографии обращал на это внимание, отмечая, что они, с одной стороны, различаются в законодательстве, с другой – не получили в общей теории права и государства должной разработки [6, с. 3].

В частности, им указывается, что отличительными признаками обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, является их общественная полезность, в то время как лицо может быть освобождено от юридической ответственности за общественно вредное деяние либо за деяние, создающее угрозу причинения вреда.

Аналогичной позиции придерживаются в своей работе А.В. Куракин и Н.С. Калинина. Они справедливо отмечают, что если при освобождении лица от юридической ответственности с него снимается обязанность претерпевать меры государственного принуждения, то при

обстоятельствах, исключающих правовую ответственность, лицо недопустимо привлекать к ответственности [7, с. 15].

По нашему мнению, это положение можно иллюстрировать следующими примерами из административного законодательства. Так, в соответствии со ст. 2.7 КоАП РФ причинение вреда охраняемым законом интересам лицом в состоянии крайней необходимости является обстоятельством, исключающим административную ответственность. В то же время при совершении лицом малозначительного правонарушения оно может быть привлечено к административной ответственности, но в данных условиях более целесообразно освободить его от ответственности на основании ст. 2.9 КоАП РФ, применив к нему меру убеждения.

Однако по данному вопросу существует и иная точка зрения. Так, по мнению И.В. Орлова, невменяемость физического лица, а также недостижение им возраста административной ответственности являются обстоятельствами освобождения лица от административной ответственности, так как в данном случае отсутствует субъективная сторона правонарушения и в конечном счете состав административного правонарушения [8, с. 25].

В.В. Обыденнов среди предусмотренных КоАП РФ оснований освобождения от административной ответственности называет как малозначительность административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ) и применение к несовершеннолетним мер воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ), так и замену административной ответственности другим видом ответственности (ст. 2.5 КоАП РФ) и истечение срока давности (ст. 4.5 КоАП РФ) [9].

По нашему мнению, в данном случае имеет место смешение понимания юридической природы обстоятельств, при которых лицо может быть освобождено от административной ответственности, с обстоятельствами, исключающими возможность назначения наказания.

Ряд авторов полагает, что основания, освобождающие от административной ответственности, включают в себя и основания, исключающие производство по делу об административном правонарушении. Такого мнения придерживается, в частности, С.Е. Чаннов, считающий, что основания

освобождения от административной ответственности можно разделить на два вида. К первому виду, по его мнению, можно отнести случаи, когда деяние вообще не признается правонарушением, ко второму — случаи, когда деяние будет признано административным правонарушением, однако правонарушитель от ответственности будет освобожден [10, с. 3-14].

В качестве другого примера можно привести позицию Е.В. Щербаковой, которая высказала предложение о дополнении ст. 24.5 КоАП РФ «Обстоятельства, исключаящие производство по делам об административных правонарушениях» таким обстоятельством, как малозначительность административного правонарушения. По ее мнению, все другие обстоятельства, включенные в главу 2 КоАП РФ, содержатся также и в ст. 24.5 КоАП РФ [11, с. 266].

На наш взгляд, одно из важнейших отличий оснований освобождения от административной ответственности от оснований, исключающих ее, заключается в возможности уполномоченным лицом по своему усмотрению, в рамках, определенных законодательством, принимать решение либо о назначении наказания, либо о прекращении производства по делу.

Для этого необходимо наличие двух условий. Во-первых, в законе должна содержаться правовая норма, в соответствии с которой имеется альтернатива назначению административного наказания. Во-вторых, уполномоченный субъект должен обладать сведениями об обстоятельствах, позволяющих сделать вывод о целесообразности замены привлечения к административной ответственности лица, совершившего административное правонарушение, другими средствами воздействия.

Иная ситуация складывается при наличии обстоятельств, исключающих административную ответственность. В такой ситуации ни поведение лица, совершившего противоправное деяние, ни характер самого деяния не дают уполномоченному субъекту возможности административного усмотрения. При этом назначение административного наказания законодательством не допускается.

В целом обстоятельства, исключаящие производство по делу об административном правонарушении, предусмотренные пп. 1-8 ч. 1 ст. 24.5. КоАП РФ, соответствуют

этому выводу. Хотя при этом Федеральный закон от 8 июня 2015 г. N 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* вводит п. 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, расширяя эти основания, и использует уже понятие освобождения от административной ответственности, что явно не согласуется даже с названием статьи.

В то же время такое обстоятельство, как необходимая оборона, отсутствует в КоАП РФ, а должно содержаться в качестве основания, исключающего административную ответственность. В связи с этим его было бы целесообразно включить в ст. 24.5 КоАП РФ. Так, КоАП РСФСР содержал ст. 19 «Необходимая оборона». С принятием в 2001 году КоАП РФ положения о необходимой обороне были исключены по причине отсутствия в административном законодательстве необходимости в применении данной нормы.

В настоящее время в связи с проводимой декриминализацией уголовного законодательства Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”»**, в КоАП РФ был включен новый состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 6.1.1 «Побои». В этих условиях институт необходимой обороны, на наш взгляд, становится востребованным в административном законодательстве.

Представляется, что к основаниям освобождения от административной ответственности, установленным нормами, содержащимися в КоАП РФ, относятся следующие:

1. Малозначительность совершенного административного правонарушения. В этом случае уполномоченный субъект на основании ст. 2.9 КоАП РФ, выявив все обстоятельства совершенного админи-

* Рос. газ. 2015. 10 июня.

** Рос. газ. 2016. 8 июля.

стративного правонарушения, может освободить лицо от административной ответственности и объявить устное замечание, не влекущее для лица состояния административной наказуемости. Такими полномочиями может обладать только субъект, рассматривающий дело об административном правонарушении либо пересматривающий его во второй инстанции. Следует отметить, что, в отличие от уголовного законодательства, нормы КоАП РФ не дают четких границ квалификации административного правонарушения как малозначительного. Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 24 марта 2005 г. N 5 определяет в качестве малозначительного правонарушение, которое не представляет существенного нарушения охраняемым общественным правоотношениям по своему характеру, роли правонарушителя, размеру вреда и тяжести наступивших последствий*. Позднее, в 2013 году, в преддверии ужесточения ответственности за деяния, связанные с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что существенно нарушают охраняемые общественные отношения и ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ**.

Конечно, такое правовое регулирование требует серьезных изменений. Иллюстрациями к такому выводу может являться достаточно большое количество принимаемых в 2017 году как мировыми, так и федеральными судьями судебных решений, в которых лица, совершившие администра-

тивные правонарушения, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои», были освобождены от административной ответственности в связи с малозначительностью***. Заметим, что до 15 июля 2016 года за причинение потерпевшим побоев виновные лица привлекались к уголовной ответственности.

Очевидно, в связи с этим в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях содержится глава, посвященная освобождению лица от административной ответственности, уточняется понятие малозначительного административного правонарушения и устанавливаются рамки градации правонарушений по степени их тяжести.

2. Совершение административных правонарушений несовершеннолетними лицами (в возрасте от 16 до 18 лет). На основании ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав несовершеннолетний может быть освобожден от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних. В этом случае комиссия вправе на основании Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»****, освободив несовершеннолетнего от административной ответственности, применить меры воспитательного воздействия.

Ряд специалистов, например Н.Г. Андрухин, считают такие меры «специфической формой реализации административной ответственности» [12, с. 3]. На наш взгляд, законодатель, устанавливая в ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ правило об освобождении лица от административной ответственности, определенно высказывает свое мнение по этому поводу. В отличие от мер административной ответственности, меры воспитательного воздействия не влекут тех последствий, которые влекут административные наказания.

* О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. N 5: ред. от 19 дек. 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. N 6.

** О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. N 40 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. N 2.

*** См., например: постановление Советского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) от 1 июня 2017 г. по делу N 5-978/2017; постановление мирового судьи Орехово-Зуевского судебного района (Московская область) от 16 июня 2017 г. по делу N 5-243/2017. URL: <http://sudacct.ru/magistrate/doc/UDuLpdj9YiZn/>

**** Рос. газ. 1999. 30 июня; 2017. 9 июня.

Особое внимание следует уделить основаниям освобождения от ответственности, предусмотренным ст.ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ. В примечании к ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» предусматривается освобождение от административной ответственности за данное административное правонарушение лица, добровольно сдавшего приобретенные без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества.

Норма примечания к ст. 6.8 КоАП РФ соответствует положениям, содержащимся в подп. «с» п. 4 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ*, в которой предусматривается при малозначительности правонарушения возможность освобождения лица от юридической ответственности и замены ее применением мер перевоспитания либо социальной реинтеграции. В то же время она не определяет признаки добровольной сдачи указанных предметов административного правонарушения.

По нашему мнению, добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, означает выдачу их лицом, совершившим административное правонарушение, представителям власти только лишь при наличии у этого лица реальной возможности распорядиться ими иным образом. Одно только наме-

рение лица сдать указанные предметы не может автоматически освобождать лицо от административной ответственности.

Считаем, что изъятие указанных вещей при проведении должностным лицом мер административно-процессуального обеспечения, таких как личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ), досмотр транспортного средства (ст. 27.9 КоАП РФ), изъятие вещей и документов (ст. 27.10 КоАП РФ), добровольной сдачей являться не будут.

При этом буквальное толкование данной нормы в действующей редакции закона позволяет сделать вывод об обязанности должностного лица прекращать производство по делу об административном правонарушении, что скорее уже исключает для виновного лица административную ответственность, а не освобождает.

Аналогичная ситуация складывается и по ст. 6.9 КоАП РФ. При добровольном обращении лица, употребляющего наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, в медицинскую организацию судья обязан освободить лицо от административной ответственности за данное правонарушение. По нашему мнению, после того как должностное лицо в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ направило гражданина на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, заявление виновного лица о желании пройти медицинскую реабилитацию не должно автоматически освобождать его от административной ответственности.

Таким образом, в соответствии с юридической природой оснований освобождения лица от административной ответственности должностное лицо в этих редакциях примечаний к ст.ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ будет вправе (а не обязано) освободить виновное лицо от ответственности.

Таким образом, институт освобождения лица от административной ответственности играет важную роль в производстве по делам об административных правонарушениях как средство, альтернативное назначению административного наказания, оказывает при определенных условиях не менее эффективное воздействие на лицо, совершившее административное правонарушение. В связи с этим установ-

* Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988). Ратифицирована Постановлением Верховного Совета СССР от 9 окт. 1990 г. N 1711-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ление в административном законодательстве четких, понятных для правоприменителя правил применения правовых норм данного института может являться дей-

ственным средством претворения в жизнь принципов справедливости, целесообразности и индивидуализации юридической ответственности.

Список литературы

1. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. N 1.
2. Салищева Н.Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. N 9. С. 9-22.
3. Салищева Н.Г. О некоторых тенденциях развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // Административное право и процесс. 2009. N 5. С. 5-12.
4. Фатьянов А.А. Некоторые теоретические и прикладные аспекты законодательного установления видов и величин административных наказаний по проекту Общей части КоАП РФ // Административное право и процесс. 2015. N 12.
5. Долгих И.П. Быть или не быть институту освобождения от административной ответственности в Российской Федерации? // Юридические исследования. 2015. N 1 (31). С. 1-15.
6. Витрук М.Н. Общая теория юридической ответственности: монография. М.: НОРМА, 2009.
7. Куракин А.В., Калинина Н.С. Административная ответственность и ее реализация в сфере обеспечения правопорядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования // Административное и муниципальное право. 2013. N 3.
8. Орлов И.В. Невменяемость как освобождение от административной ответственности // Юрист. 2003. N 1.
9. Обыденков В.В. К вопросу о содержании обстоятельств, смягчающих административную ответственность и их соотношение с обстоятельствами, связанными с освобождением от административной ответственности // Административное и муниципальное право. 2013. N 10.
10. Чаннов С.Е. Основания для освобождения от административной ответственности // Гражданин и право. 2011. N 4. С. 3-14.
11. Щербакова Е.В. Прекращение производства по делу об административном правонарушении: допустимость и процессуальный порядок // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. N 1.
12. Андрюхин Н.Г. Проблемные аспекты освобождения несовершеннолетних от административной ответственности // Административное право и процесс. 2017. N 5.

СМАХТИН Е.В.,
доктор юридических наук, доцент,
smaxt@yandex.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

SMAKHТIN E.V.,
Doctor of Legal Sciences,
associate professor, smaxt@yandex.ru
Chair of criminal law and criminal procedure;
Tyumen State University,
Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

СМАГИН С.В.,
soloq3k@gmail.com
Кафедра уголовного права и процесса;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

SMAGIN S.V.,
soloq3k@gmail.com
Chair of criminal law and criminal procedure;
Tyumen State University,
Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Авторами статьи на основе проведенного анализа выявлено, что при проверке сообщений об экстремизме несвоевременно оценивается имеющаяся первоначальная информация, не проводятся процессуальные действия по преодолению и восполнению ее дефицита, неоправданно затягиваются сроки проверки, что, в свою очередь, приводит к утрате доказательств, несвоевременному назначению необходимых экспертиз. Возникающие проблемы во многом обусловлены недостаточным уровнем взаимодействия следователя и субъектов оперативно-розыскной деятельности, недостатками в планировании проверки, выдвижении версий и некоторыми другими тактическими ошибками. В статье предпринята попытка сформулировать определенные тактические решения следователя при проверке сообщения о преступлении, включающие некоторые аспекты сбора доказательственной базы и назначения экспертиз, дана оценка складывающихся следственных ситуаций по делам экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм; преступление; расследование; проверка сообщения о преступлении; тактика производства следственных действий; экспертиза.

TACTICAL FEATURES OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITY WHEN CHECKING THE EXTREMIST CRIME REPORT

Annotation. Basing on the results of the conducted analysis, the authors of the article revealed that when checking the extremist crime reports, the available initial information is not evaluated in due time, no procedural actions are taken to overcome and to cover its deficit, the verification periods are unjustifiably prolonged. That, in its turn, leads to the loss of evidence, untimely appointment of the necessary examinations. The problems that arise are largely due to the insufficient level of interaction between the investigator and the subjects of the crime detection activities, shortcomings in the planning of the verification, the promotion of versions and some other tactical mistakes. The attempt to formulate certain tactical decisions of the investigator when verifying the crime report, including some aspects of collecting evidence and appointing the examinations, is made in the article. The assessment of the existing investigative situations in cases of extremist crimes is given.

Keywords: extremism; crime; investigation; verification of a crime report; tactics of investigative actions; expertise.

Слово «экстремизм» (от латинского *extremus* — крайний) означает приверженность к крайним мерам, взглядам [1, с. 211]. Природа такого явления, как экстремизм, разрушительна. В сознании населения нашей планеты, живущего в условиях социальных, политических и экономических перемен, войн, катастроф и эпидемий,

происходит сбой поведенческой программы, сбой психологического механизма, который выражается в неприязни, страхе, агрессии. Такая агрессия способна проявляться как в отношении традиций, культуры, правовых норм и политических решений в рамках целой страны, так и в отношении индивида. В науках социального

цикла, в частности в социологии и психологии, такое явление получило название ксенофобии. Слово «ксенофобия» (от греческого *xenos* — чужой и *phobos* — страх) означает страх, ненависть, неприязнь, нетерпимость к кому-то или чему-то чужому [2]. Ксенофобия находит свое отражение в преступлениях экстремистской направленности, изучаемых в рамках наук уголовно-правового цикла. Как отмечает Э.А. Паин, «экстремизм всегда содержит в себе зерно ксенофобии, но относится к явлениям социально более узким в отличие от преимущественно стихийной ксенофобии» [3, с. 113-124].

Вместе с тем экстремизм направлен не только на отрицание «чего-то чужого», но и на установление своего — «единственно верного». Экстремизм не имеет границ и носит международный характер. Правовой нигилизм, антиполитические и антисоциальные взгляды ряда жителей нашей страны делают эту часть общества уязвимой для навязывания утопических, радикальных, противоправных идей, пропагандируемых представителями экстремистских организаций и сообществ. На фоне этого возникают опасные для общества волнения, которые находят свое отражение в преступлениях, совершаемых на почве расовой, политической, идеологической ненависти и нетерпимости. Особое значение и яркую выраженность преступления экстремистской направленности получили в настоящее время, в том числе благодаря Интернету и сотовой связи. Доступность современных информационно-телекоммуникационных технологий и возможность массового распространения экстремистских идей предопределили принятие ряда нормативных правовых актов, регулирующих деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений данной направленности.

В России создан федеральный реестр экстремистских материалов, запрещенных на территории Российской Федерации. Широкое распространение получили такие меры профилактического характера, как издание методических рекомендаций и иных материалов, в которых для населения определены правила поведения при обнаружении, в том числе в сети Интернет, информации экстремистской направленности

либо людей, ее распространяющих. Вместе с тем экстремистские сообщества, пропагандирующие насилие, антисоциальный и антиполитический образ жизни, продолжают противоправную деятельность.

Согласно имеющимся данным, в период с 2010 по 2016 г. количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности изменялось следующим образом: 2010 г. — 656; 2011 г. — 622 (-5,2 %); 2012 г. — 696 (+11,9 %), 2013 г. — 896 (+28,7 %); 2014 г. — 1034 (+15,4 %); 2015 г. — 1329 (+28,5 %), 2016 г. — 1450 (+9,1 %)*. По состоянию на август 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 1071 преступление экстремистской направленности, что на 3,7 % больше, чем за аналогичный период 2016 г. Статистические показатели предварительного расследования преступлений экстремистской направленности за рассматриваемый период таковы: 2010 г. — 632, 2011 г. — 503, 2012 г. — 611, 2013 г. — 743, 2014 г. — 879, 2015 г. — 1125, 2016 г. — 1207. По состоянию на август 2017 года на территории Российской Федерации предварительно расследовано 841 преступление экстремистской направленности. Анализ статистических данных позволяет сделать следующие выводы: во-первых, количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности имеет явно выраженную тенденцию к росту, во-вторых, количество расследованных преступлений экстремистской направленности значительно меньше, чем количество выявленных преступлений рассматриваемой категории.

Изучение показателей по уголовным делам экстремистской направленности, направленным в суд с обвинительным заключением, свидетельствует, что таких дел еще меньше: в 2010 г. — 75, в 2011 г. — 98, в 2012 г. — 106, в 2013 г. — 109, в 2014 г. — 40; в 2015 г. — 815, в 2016 г. — 161. По состоянию на август 2017 г. в суды с обвинительным заключением направлено 120 соответствующих уголовных дел.

Показатели рассматриваемого периода имеют выраженную и стабильную тенденцию к росту, за исключением 2015 г., в котором произошел скачок (из

* Портал правовой статистики Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map

1125 уголовных дел по данной категории преступлений 815 было направлено в суд). Полагаем, что в первую очередь это связано с принятием Республики Крым в состав Российской Федерации годом ранее, на фоне чего стали возникать массовые общественные волнения на территории нового субъекта Российской Федерации. Предпринимались попытки сформировать антироссийские настроения, происходили столкновения национальных групп, например крымских татар и активистов движения «Русское единство». Кроме того, в этот период велась вербовка террористическими организациями боееспособного населения нашей страны для участия в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики. Следует отметить также редакционные изменения, в частности, статьи 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», оказавшие влияние на увеличение количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности.

Приведенные статистические данные наглядно свидетельствуют о наличии проблем, возникающих не только при расследовании преступлений экстремистской направленности, но и в ходе процессуальной проверки сообщения о преступлении, которая регламентируется ст.ст. 144, 145 УПК РФ. Ошибки, допускаемые следователями в ходе доследственной проверки, приводят к убеждению в необходимости углубленного научного анализа как материалов правоприменительной практики, так и исследований ученых.

Деятельность государственных органов по выявлению, предотвращению и расследованию преступлений экстремистской направленности и противодействию им регламентирует ряд нормативных правовых актов. В их числе могут быть названы: федеральные законы от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и

исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации», Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, приказ председателя Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 г. N 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности» и некоторые другие.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ производство по делам о преступлениях экстремистской направленности, предусмотренных ст.ст. 282-282.3 УК РФ, осуществляют следователи Следственного комитета Российской Федерации.

Согласно данным опроса, проведенного среди следователей следственных отделов г. Тюмени Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тюменской области, особого внимания заслуживают следующие наиболее распространенные проявления экстремистской деятельности:

- пропаганда превосходства или неполноценности индивида по признакам социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности;

- возбуждение розни на почве социальных, расовых, национальных и религиозных взглядов;

- совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды;

- пропаганда и публичное демонстрационное нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

За период с 2014 по 2017 г. на территории г. Тюмени было зарегистрировано 30 сообщений о преступлениях экстремистской направленности. За этот же период по 18 сообщениям возбуждены уголовные дела и 17 уголовных дел, включая дела прошлых лет, направленные в суды с обвинительным заключением. Нераскрытыми по состоянию на 2017 г. оста-

ются 14 преступлений экстремистской направленности*.

Делать далеко идущие выводы на основании материалов региональной статистики было бы большой ошибкой. Вместе с тем отметим, что при проверке сообщений об экстремизме несвоевременно оценивается имеющаяся первоначальная информация, не проводятся процессуальные действия по преодолению и восполнению ее дефицита, неоправданно затягиваются сроки проверки, что, в свою очередь, приводит к утрате доказательств, несвоевременному назначению необходимых экспертиз. Возникающие проблемы во многом обусловлены недостаточным уровнем взаимодействия следователя и субъектов оперативно-розыскной деятельности, недостатками в планировании проверки, выдвижении версий и некоторыми другими тактическими ошибками.

Кроме того, в настоящее время известна негативная практика производства «неотложных следственных действий до возбуждения уголовного дела с последующим возбуждением дела на основании собранных сведений и фактическая переписка материалов проверки в стадии предварительного расследования» [4, с. 503].

Приступая к производству проверки сообщения о преступлении, следователь должен в 3-дневный срок рассмотреть данное сообщение относительно достоверности сведений, изложенных в нем, организовав проведение проверочных мероприятий. В числе таких мероприятий может быть производство осмотра места происшествия на наличие либо отсутствие следов, содержащих информацию о преступлении, получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов. В этот же срок необходимо установить лиц, проходящих по материалам проверки, и получить от них объяснения, при необходимости назначить соответствующие экспертизы. Если данного временного срока для принятия законного, обоснованного и мотивированного решения следователю недостаточно, законодатель предусмотрел возможность продления срока проверки сообщения о преступлении до 10 суток, а в крайнем слу-

чае — до 30 суток с момента поступления сообщения о преступлении.

Продление доследственной проверки необходимо в случае большого объема проверочных мероприятий, не позволяющего следователю полноценно организовать свою работу по проверке выдвинутых версий, произвести все запланированные процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Иными словами, в процессе проверки необходимо обеспечить получение информации, достаточной для принятия обоснованного процессуального решения.

Важно понимать, что преступления экстремистской направленности чаще всего не имеют выраженных материальных следов, содержащих доказательственную информацию, как большинство очевидных преступлений (оружие, наркотики, денежные средства и т.д.). Кроме того, в большинстве случаев следы преступления экстремистской направленности могут вообще не отображаться на материальных предметах, а представлять собой виртуальную информацию на каком-либо сайте в сети Интернет, которая может быть легко модифицирована, изменена либо уничтожена.

Очевидно, что в случае тактических просчетов следователя в организации проведения проверки, ошибок в тактике производства проверочных мероприятий определенная часть следов, содержащих доказательственную информацию, может быть утрачена, что, в свою очередь, существенно повлияет на итоговое процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в его возбуждении, или же на квалификацию деяния.

Р.С. Белкин сравнивает этап проверки сообщения о преступлении с «наступлением, когда войска в условиях дефицита времени, прилагая максимальные усилия, добиваются успеха» [5, с. 380]. По его мнению, этап проверки сообщения о преступлении считается окончательным, когда все «начальные доказательства» обнаружены и закреплены, все неотложные действия произведены, все, что представлялось необходимым, выполнено. В момент получения сообщения о преступлении следователь находится в ситуации информационного дефицита, информационной неопределенности.

* Портал правовой статистики Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total

Значительную роль в процессе проверки по делам данной категории выполняют тактические средства, используемые следователем в складывающейся ситуации. Обобщение материалов проверок и уголовных дел по делам экстремистской направленности* показало, что ситуация проверки, как правило, является сложной (ситуацией тактического риска). Чаще всего лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, с момента, когда ему стало известно об этом, пытается любыми способами уничтожить следы, содержащие доказательственную информацию (например, сжигает литературу, плакаты, содержащие экстремистские призывы; уничтожает (удаляет) признанные запрещенными для распространения на территории России текстовые файлы, аудио-, видеофайлы и данные об адресате, которому они ранее были направлены в целях склонения к радикальным взглядам). Возможно перемещение и сокрытие технических устройств, форматирование, уничтожение жестких дисков персональных компьютеров, посредством которых осуществлялись призывы и пропаганда экстремистской деятельности. В средствах вычислительной техники и на мобильных устройствах, где хранились пропагандирующие и иные материалы, направленные на осуществление преступной деятельности, могут быть данные на лидеров экстремистских организаций и сект, лиц, осуществляющих финансирование, и т.д.

Кроме того, в ходе получения объяснений от лиц, в отношении которых проводится процессуальная проверка,

* См.: Приговоры Центрального районного суда г. Тюмени по уголовным делам от 14.03.2013 г. N 1-110/2013; от 04.04.2014 г. N 1-83/2014; от 09.06.2014 г. N 1-342/2016; от 12.10.2016 г. N 1-663/2016; от 16.02.2017 г. N 1-171/2017; от 20.03.2017 г. N 1-214/2017 // Архив Центрального районного суда г. Тюмени; решение Центрального районного суда г. Тюмени от 19.04.2017 г. по уголовному делу N 2-908/2017 // Архив Центрального районного суда г. Тюмени; решение Ярковского районного суда Тюменской области от 11.03.2017 г. по уголовному делу N 2-197/2017 // Архив Ярковского районного суда Тюменской области; решения Тобольского городского суда Тюменской области по уголовным делам от 19.04.2017 г. N 2-895/2017; от 19.04.2017 г. N 2-907/2017 // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

осуществляющих (осуществлявших), распространение экстремистских материалов, часто возникает конфликтная ситуация, так как лицо не осознает, что нарушает установленные нормы уголовного закона, считает, что таким образом оно реализует регламентированное ст. 29 Конституции РФ право на свободу слова. Защищая свои «конституционные права», проверяемое лицо часто дает следователю недостоверную информацию, пытается скрыть фактические обстоятельства совершения преступления. Нередко и сам заявитель о преступлении экстремистской направленности уже в ходе проверки пытается менять свои объяснения, чтобы не изобличить себя самого.

В подобных ситуациях (ситуация тактического риска, конфликтная ситуация) следователь должен организовать проверку таким образом, чтобы исключить уничтожение следов преступления, обеспечив их своевременное обнаружение и изъятие с участием соответствующего специалиста. Очень важно иметь возможность подготовиться к получению объяснений от заявителя и предполагаемого преступника.

Одной из важнейших тактических задач проверки сообщения о преступлении экстремистской направленности является получение подробного объяснения от заявителя. Как правило, само сообщение о преступлении не содержит исчерпывающей информации о событии, лицах, причастных к нему, способах его совершения. Однако всегда имеются данные о самом заявителе, обстоятельствах, при которых ему стала известна информация, которую он просит проверить (переписка в социальных сетях, личный разговор, публичные призывы, аудио- и видеозаписи, литература), а также дата и время ее получения. К получению объяснения необходимо подготовиться, составить план, определить ключевые моменты, которые необходимо установить (источник получения экстремистской информации, способ ее получения, содержание, известно ли заявителю, кто именно распространяет данную экстремистскую информацию, поддерживает ли он контакт с лицом, распространяющим экстремистскую информацию, и т.п.).

Как правило, заявитель добровольно сообщает следователю требуемую информацию. Однако если эта информация ка-

сается его личной жизни либо он испытывает страх и боится агрессивных действий со стороны предполагаемого преступника, то следователю необходимо установить психологический контакт с заявителем, расположить его к себе, проявить чувство сострадания, непредвзятости. Немаловажной тактической особенностью получения объяснений является применение тактического приема «детализация показаний», особенно в тех случаях, когда заявитель сообщает сведения о лице или лицах, в отношении которых проводится проверка. Интерес для следователя представляет не только информация о лицах, в отношении которых проводится проверка, но и об их окружении (несовершеннолетние, женщины), наличие либо отсутствие иерархической системы в данной группе (лидеры, исполнители), оружия и боеприпасов.

Кроме того, в ходе получения объяснения от заявителя следователю необходимо выяснить, имеются ли у него образцы (оригиналы или копии) информации экстремистского содержания, которая послужила поводом для его обращения. Если таковая имеется, то следователю необходимо тактично предложить лицу добровольно предоставить следствию для изучения данные образцы вместе с отобраным объяснением. Аудио- и видео-файлы целесообразно получать записанными на отдельные физические носители (CD-R, DVD-R). Это касается и случаев, когда лицо сообщает, что получило данную информацию по телефонной связи или в ходе переписки в сети Интернет. В таких случаях следователь может попросить заявителя добровольно предоставить детализацию телефонных звонков по своему абонентскому номеру и скриншот переписки. Получение данной информации наряду с объяснением заявителя позволит проводить дальнейшую проверку более целенаправленно. Истребованные документы и предметы должны быть осмотрены следователем и приобщены к материалам проверки.

После этого с учетом полученных сведений следователю необходимо определить последовательность (порядок) вызова проверяемых лиц для получения объяснения с точки зрения значимости получения возможной информации об обстоятельствах проверки, сохранения кон-

фиденциальности производства проверки, недопущения уничтожения или искажения возможных следов преступления. На данном этапе от правильности планирования действий следователя зависит объем и качество конечной информации, свидетельствующей о наличии либо отсутствии состава преступления.

Так, вызов лица для получения объяснения при наличии полноты анкетных данных, включая адрес проживания, целесообразно осуществлять путем вручения повестки о вызове к следователю лично в руки. Как показывает практика, лично получив и подписав повестку о вызове к следователю, лицо охотнее является в установленное повесткой время и место. Одновременно с вручением повестки по предполагаемому адресу хранения экстремистской литературы должен быть произведен осмотр места происшествия, естественно, если в этом возникла необходимость. Это неотложное следственное действие не терпит отлагательства, промедление с его производством может привести в невосполнимой потере следов преступления и иных предметов, имеющих значение для принятия решения по материалам проверки. Следователю необходимо подготовиться к осмотру места происшествия, особенно в тех случаях, когда ему потребуется помощь специалистов в области компьютерной техники.

В тех случаях, когда отсутствуют достаточные данные о лице и месте его нахождения, но имеется номер его телефона, следователь ошибочно осуществляет вызов для дачи объяснения посредством телефонной связи, приобщая к материалам проверки стенограмму (телефонограмму). Не следует забывать, что в этом случае лицо может не только уклониться от явки для дачи объяснения, но и уничтожить важные следы преступления. Нецелесообразным представляется и вызов в первую очередь лидера или руководителя предполагаемой экстремистской организации, так как на начальном этапе проверки следователь не обладает всей полнотой информации, а потому не готов сформулировать и задать процессуально и тактически выверенные вопросы.

На первоначальном этапе целесообразно получение объяснений от лиц, недавно примкнувших к экстремистской орга-

низации, не совершивших действий, образующих состав преступления. Как правило, они выступают в роли наиболее «слабого звена» в данной цепи, могут стать союзниками следователя в дальнейшей проверке, а после возбуждения уголовного дела выступить важными свидетелями.

На основе полученной информации следователь определяет последовательность дальнейших шагов, необходимых для принятия процессуального решения. На этом этапе важно определить, является ли проверяемое лицо экстремистом-одиночкой, или следователь имеет дело с группой лиц. При отсутствии такой информации ситуация тактического риска сохраняется [6, с. 173].

Например, в ходе проверки сообщения о преступлении по признакам ст. 282 УК РФ, поступившего в один из следственных отделов по г. Тюмени, из объяснения заявителя следователь установил наличие организованной группы лиц, пропагандирующей унижение чести и достоинства по национальной и расовой принадлежности посредством сети Интернет. С целью избежать возможной утечки информации и уничтожения следов преступлений следователь направил поручение в Центр по противодействию экстремизму УМВД России по Тюменской области о производстве в отношении выявленных лиц оперативно-розыскных мероприятий (снятие информации с технических каналов связи и прослушивание телефонных переговоров). Проведение данных оперативно-розыскных мероприятий не гарантировало следователю получения всей полноты информации, кроме того, сжатые сроки проведения проверки по сообщению о преступлении повышали риск получения неблагоприятного результата. Однако в последующем избранная следователем тактика проведения проверки себя оправдала: результаты ОРМ были предъявлены лицам, в отношении которых они осуществлялись, в ходе получения объяснений, в результате чего были получены исчерпывающие данные, послужившие основанием для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ*.

Из приведенного примера следует, что своевременно организованное взаи-

модействие следователя с сотрудниками оперативного подразделения помогает восполнить информационный дефицит на этапе проверки сообщения о преступлении.

Не менее важным в ходе проверки сообщения о преступлении экстремистской направленности является назначение экспертизы. При этом, как правило, назначается лингвистическая экспертиза**. Вместе с тем необходимо учитывать, что иногда срок проведения такой экспертизы может составлять до шести месяцев. Это связано не только с объемом исследуемого экспертом материала, но и с его качеством, с компетенцией эксперта, с правильностью поставленных перед экспертом вопросов. В связи с этим получение объектов исследования, содержащих призывы к экстремистской деятельности, и своевременное назначение данного вида экспертизы – одно из важнейших процессуальных и тактических решений следователя.

Наиболее частыми ошибками при назначении экспертизы являются: неправильный выбор экспертного учреждения (эксперта, не обладающего необходимыми знаниями) и некорректное формулирование вопросов перед экспертом.

Так, в предмет лингвистической экспертизы по делам об экстремистской направленности могут быть включены вопросы о том, имеются ли в анализируемом произведении какие-либо призывы или нет; имеются ли в анализируемом тексте речевые акты оскорбления на религиозной, расовой или социальной почве, относящиеся к группе лиц. С другой стороны, в компетенцию эксперта-лингвиста не входит правовая оценка содержания текста, поэтому постановка следователем вопроса о том, могут ли призывы, содержащиеся в тексте, вызвать действия, способные изменить конституционный строй государства, носит правовой характер, и такой вопрос нельзя считать корректным.

** См., например: Уголовное дело N 201600077/76, возбужденное 02.06.2016 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ; уголовное дело N 201734071/76, возбужденное 15.09.2016 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ; уголовное дело N 11702710005000145, возбужденное 21.02.2017 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ // Архив Следственного отдела по Центральному АО г. Тюмени.

* Уголовное дело N 1-663/2016 // Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» определено, что в ряде случаев назначается комплексная экспертиза с участием экспертов-религиоведов, антропологов, философов, искусствоведов, психологов и политологов*. Это связано с тем, что, кроме текста, анализируемый материал может содержать графические детали – символы, фотографии, изображения, которые, в свою очередь, существенно влияют на общее содержание и смысл. По этой причине в случае назначения комплексной экспертизы целесообразно формулировать вопросы, ставящиеся перед экспертом, следующим образом: «Содержит ли признаки призыва представленное на исследование высказывание?», «Каковы коммуникативные

цели высказывания?», «Присутствуют ли в представленных на исследование материалах призывы к совершению насильственных или враждебных действий в отношении лиц какой-либо национальности?» и некоторые другие.

Несомненно, в настоящее время такое явление, как экстремизм, представляет собой серьезную угрозу для общества. Неприятие своевременных мер по профилактике и предотвращению экстремизма порождает более радикальное по своей сути явление – терроризм. К сожалению, приходится констатировать, что научные исследования, посвященные проблемам борьбы с экстремизмом и терроризмом, проводятся в основном в области уголовного права и криминологии [7; 8; 9; 10].

Представленная авторами статья представляет собой попытку обратить внимание ученых-криминалистов и практиков на существующие проблемы, возникающие в ходе проверки сообщения о преступлении экстремистской направленности, которые требуют своего научного осмысления и решения.

* О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля.

Список литературы

1. Подосинов А.В. Латинско-русский и русско-латинский словарь. М.: Флинта, 2015. 752 с.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 473 с.
3. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. N 4. С. 113-124.
4. Ярыгина Л.А. Историческое предназначение дознания – доследственная проверка сообщения о преступлении // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М.: Акад. управления МВД России, 2015. Ч. 2. С. 499-504.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. Т. 3. 3-е изд., доп. М., 2001. 380 с.
6. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М.: Юрист, 2000.
7. Бааль Н.Б. Девиантное поведение как источник распространения криминального экстремизма в молодежной среде // Российский следователь. 2006. N 11. С. 33-34.
8. Демчук С.Д. Экстремизм и терроризм: отдельные криминологические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 4 (56). С. 83-87.
9. Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. N 6. С. 67-75.
10. Петин И.А. Системный подход к обеспечению эффективности предупреждения экстремизма // Рос. следователь. 2009. N 18. С. 22-24.

СЫПАЧЕВ А.Ю.,
кандидат юридических наук,
brig094@mail.ru
Кафедра оперативно-разыскной
деятельности
и оперативно-технических мероприятий
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SYRACHEV A.Yu.,
Candidate of Legal Sciences,
brig094@mail.ru
Chair of detective activities
and crime detection technical actions
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЭТНИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Аннотация. В настоящее время отсутствует единый подход к оценке такой категории, как «этническая преступность». В ряде случаев под этнической преступностью подразумевается только преступность иностранных граждан и лиц без гражданства. Это является одной из причин значительных отличий показателей территориальных подразделений системы МВД России. Автором статьи на основе анализа имеющихся в нормативных правовых актах МВД России, а также в специальной литературе определений этнической преступности выявлены проблемы учета преступлений, совершаемых этническими преступными группами, сформулировано собственное определение понятия этнической преступности, выделены обобщающие признаки преступных групп, сформированных по этническому признаку, определены направления совершенствования учетно-регистрационной дисциплины в деятельности органов внутренних дел в части учета преступлений, совершаемых этническими преступными группами.

Ключевые слова: преступная группа; этническая преступность; органы внутренних дел; учет преступлений.

THE PROBLEMS OF RECORDING THE CRIMES COMMITTED BY ETHNIC CRIMINAL GROUPS

Annotation. At present, there is no unified approach to the assessment of such category as "ethnic crime". In some cases, ethnic crime is understood only as the crime of foreign citizens and stateless persons. This is one of the reasons for the significant differences in the crime indicators of the territorial divisions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Basing on the analysis of the definitions of ethnic criminality contained in the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as in the special literature, the author of the article reveals the problems of recording the crimes committed by ethnic criminal groups, defines the concept of ethnic crime, identifies the general features of criminal groups formed on ethnic grounds. The directions for improving the recording and registration discipline in the activities of the internal affairs bodies in respect of recording the crimes committed by ethnic criminal groups are determined.

Keywords: criminal group; ethnic crime; internal affairs bodies; record of crimes.

Одной из важнейших задач органов внутренних дел является повышение эффективности работы по нейтрализации криминального влияния со стороны лидеров и участников организованных групп и преступных сообществ, в том числе имеющих межрегиональные и международные связи. Проблема транснациональной организованной преступности обостряется угрожающими темпами именно в этнической среде. Эта тенденция обусловлена значительным числом разноплановых

факторов, в частности, расширением международной экономической деятельности, совершенствованием средств связи, увеличением масштаба международных перевозок, растущими миграционными потоками, существенными различиями в национальном законодательстве разных государств и формированием свободных экономических зон.

Существующая статистика свидетельствует о том, что на сегодняшний день правоохранительным органам Российской

Федерации не удается адекватно противодействовать этнической преступности. По данным МВД России*, за 2016 год на территории России зарегистрировано 46 388 преступлений, совершенных этническими (нетитульными) гражданами Российской Федерации, в том числе 14 015 тяжких и особо тяжких преступлений, 3479 преступлений экономической направленности, 19 преступлений экстремистской направленности. При этом настоящая информация не в полной мере отражает реальное положение в силу повышенной латентности данного вида преступности.

В теории и на практике нет однозначного толкования этнической преступности. В ряде случаев под этнической преступностью подразумевается только преступность иностранных граждан и лиц без гражданства. В связи с этим показатели территориальных подразделений системы МВД России могут отличаться, в том числе по причине различных подходов к оценке категории «этническая преступность».

Таким образом, в настоящее время отсутствие единого подхода к оценке такой категории, как «этническая преступность», препятствует подготовке и принятию управленческих решений по организации оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Для определения единых критериев этнической преступности представляется необходимым провести анализ имеющихся в нормативных правовых актах МВД России, а также в специальной литературе определений понятия этнической преступности, используемых для раскрытия ее содержания. Прежде всего, его источником является совместный приказ Генеральной прокуратуры России, МВД России, МСЧ России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. N 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»** (далее – приказ «О едином учете преступлений»).

* МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МСЧ России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29 дек. 2005 г. // Рос. газ. 2006. 25 янв.

В соответствии с настоящим приказом как этнические преступные формирования учитываются группы, сообщества (организации), представляющие собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, то есть объединяющие в своем составе лиц одной или несколько родственных национальностей (этнических образований). Отнесение преступной группировки к этнической не определяется однородностью ее национального состава, он может быть и смешанным. Этническую принадлежность группировки определяют те, кто занимает в ней лидирующее положение.

Представляется, что указанные правила отнесения преступных формирований к этническим имеют существенные недостатки, что, в свою очередь, приводит к проблемам учета преступлений, совершаемых этническими преступными группами, а именно:

1. При отождествлении понятий «формирующиеся по национальному (этническому) признаку» и «объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований)» причина объединения лиц в группу становится не важна, на первое место выходит только ее национальный состав.

2. При применении тезиса о том, что «этническое преступное формирование состоит из лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований)», остаются непонятными критерии родственности национальностей (этнических образований) – территория проживания, регион происхождения, группа языка или религия.

3. Законодатель допускает неоднородность национального состава этнического преступного формирования.

4. Остается неясным определение этнической принадлежности группировки. Это может быть и принадлежность группировки к этнической, и ее национальность. Кроме того, возникает вопрос об определении в данном случае группы, если в ней два лидера, принадлежащих к разным национальностям.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в соответствии с приказом «О едином учете преступлений»

любая группа может быть определена как этническая, так как в нем не сформулированы четкие критерии, выделяющие этнические преступные формирования. Анализ актов МВД России по организации оперативно-служебной деятельности в сфере борьбы с организованной преступностью также свидетельствует об отсутствии четких критериев выделения этнических преступных формирований, что создает проблемы учета.

При наличии в составе организованного преступного формирования более 50 % лиц некоренной национальности, характерной для данной местности, организованное преступное формирование характеризуется дополнительно как этническое (исходя из национального состава населения региона, на территории которого действует организованное преступное формирование):

1. Использование термина «некоренная национальность», на наш взгляд, может привести к обратному эффекту — большинство организованных преступных формирований, состоящих из лиц, русских по национальности, могут быть признаны этническими.

2. Из пояснения «исходя из национального состава населения региона, на территории которого действует организованное преступное формирование» остается непонятным влияние национального состава населения региона на определение организованного преступного формирования как этнического.

В иных нормативных правовых актах МВД России одним из критериев разделения преступных сообществ на виды является национальный состав. По этому критерию преступные сообщества и относятся к этническим.

Этническим считается преступное сообщество, сформированное из представителей национальных меньшинств, исходя из национального состава населения региона, на территории которого действует преступное сообщество, и при наличии в нем более половины участников или лидера некоренной по отношению к данной местности национальности. Отнесение преступного сообщества к этническому не определяется однородностью его (ее) состава, который может быть и смешанным.

Анализ критериев отнесения преступных сообществ к этническим позволяет сделать вывод о том, что из-за присутствия термина «некоренная национальность» преступное сообщество признается этническим в случаях, если:

1. Оно сформировано из представителей национальных меньшинств, исходя из национального состава населения региона, на территории которого действует.

2. Оно имеет в составе более половины участников или лидера некоренной по отношению к данной местности национальности.

На основании вышеизложенного возникает еще одна проблемная ситуация при учете преступлений, совершаемых этническими преступными группами, а именно: преступное сообщество, состоящее из лиц, русских по национальности, действующее на территории, например, Республики Дагестан, можно признать этническим (русские на территории Республики Дагестан являются национальным меньшинством и не относятся к коренной национальности данной местности).

Анализ нормативных правовых актов МВД России, в которых указываются те или иные признаки, используемые для раскрытия содержания понятия «этническая преступность», позволяет сделать вывод, что в настоящее время все они имеют недостаток, заключающийся в использовании терминов без их определения.

Аналогичная точка зрения была высказана и сотрудниками правоохранительных структур в ходе их анкетирования. 98 % принявших участие в анкетировании следователей указали на то, что в соответствии с указанными нормативными правовыми актами в рамках конкретного уголовного дела трудно достоверно установить, представлена в нем этническая группа или нет*.

Последнее, в свою очередь, приводит к тому, что, во-первых, наблюдается несогласованность деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию этнической организованной преступности, а во-вторых, показатели территориальных подразделений

* Проанкетировано и проинтервьюировано 20 сотрудников органов следствия, вовлеченных в сферу расследования преступлений, имеющих этнические признаки.

системы МВД России существенно отличаются из-за разного подхода к оценке такой категории, как этническая преступность.

Проведенный анализ литературы также свидетельствует о наличии различных определений этнической преступности. Н.В. Кузьмина определяет этническую преступность как массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых на определенной территории в тот или иной период времени по линии этнической общности [1, с. 25-28].

М.П. Клейменов считает, что этническая преступность — это условный термин, охватывающий криминологическую реальность, которая связана с этническим фактором и проявляется в механизме преступной деятельности, в формировании криминальных объединений, непосредственно в совершении преступлений [2, с. 81].

В приведенных определениях к этнической преступности относятся преступления, при совершении которых так или иначе задействован «этнический фактор». «В широком смысле понятием “этническая преступность” охватываются все преступления, совершаемые в сфере межнациональных отношений, в области национально-государственного и социального управления» [3, с. 125].

Использование такого широкого подхода к пониманию этнической преступности представляется нецелесообразным в силу отсутствия четких отличительных признаков и, как следствие, невозможности определения количественных характеристик этого явления.

Более узкое определение предложено Н.А. Горюновой, согласно которой под этнической преступностью понимается преступность относительно устойчивых групп, состоящих преимущественно из представителей одного этноса и действующих на территории проживания другого этноса [4, с. 35-38].

О.Н. Смирнова выделяет следующие обстоятельства объединения этнических преступных групп:

- 1) родственные связи;
- 2) принадлежность к одному клану, тейпу;

3) землячество (выходцы из одной местности);

4) общие религиозные взгляды; проживание на одной или соседних территориях;

5) совместное пребывание в местах лишения свободы [5, с. 15-28].

Представляется, что только первые три можно отнести к этнической идентичности.

Таким образом, использование при определении этнической преступности отличительного признака «объединение на основе этнической идентичности» не позволит на практике выделить этническую преступность. Кроме того, нельзя использовать в качестве отличительных признаков этнической преступности такие, как ее повышенная общественная опасность, сплоченность, замкнутость и конспиративность. С одной стороны, указанные особенности далеко не всегда находят свое подтверждение на практике, а с другой — представляются оценочными.

На основании проведенного анализа имеющихся в специальной литературе определений этнической преступности можно сформулировать следующие выводы:

1) учет этнических факторов необходим как при противодействии лицам, совершающим преступления в группе, так и индивидуально.

2) родовым объектом при определении понятия «этническая преступность» может выступать совокупность преступлений.

В качестве отличительных признаков этнической преступности необходимо также рассматривать особенности субъекта преступления. Самым важным из них представляется язык, который влияет на организацию и тактику противодействия лицам, подготавливающим, совершающим либо совершившим преступление. Причем это влияние может происходить как в процессе повседневного общения лица, причастного к преступной деятельности, так и при совершении преступления или целенаправленном его использовании для противодействия правоохранительным органам. Второе отличие, влияющее на осуществление противодействия, связано с наличием культурных традиций, которые поддерживают представители различных этносов, религии и ее роли в жизни представителя этноса, структуры семьи, рода, клана.

Исходя из этих особенностей выделим отличительные признаки субъекта преступлений, которые можно отнести к этническим:

1) субъект преступления идентифицирует себя в качестве представителя национального меньшинства.

2) как представитель национального меньшинства лицо соблюдает его культурные традиции, может использовать его язык как в повседневном общении, так и при совершении преступлений или в целях противодействия правоохранительным органам.

Первый отличительный признак позволяет определить, что этнические преступления совершают лица, идентифицирующие себя в качестве представителей национальных меньшинств. Под национальным меньшинством при этом понимается группа с особым языком или культурой, численность которой составляет менее половины населения региона, в котором действует группа. Вторым признаком характеризует способы идентификации лица с национальным меньшинством. Лицо не просто должно называть себя представителем того или иного этноса, но и поддерживать его культурные традиции (религия, структура семьи) и знать язык.

С учетом вышеизложенного предлагаем следующее определение понятия этнической преступности: это совокупность преступлений, совершенных лицами, идентифицирующими себя в качестве представителя национального меньшинства, соблюдающего культурные традиции, знающие его язык и способные использовать его, как в своем повседневном общении, так и при совершении преступлений или в целях противодействия правоохранительным органам.

В завершение считаем возможным сделать следующие выводы, которые будут способствовать совершенствованию учетно-регистрационной дисциплины в деятельности органов внутренних дел в части учета преступлений, совершаемых этническими преступными группами:

1) учет этнических факторов необходим при противодействии лицам, совершающим преступления как в группе, так и индивидуально;

2) субъект преступления должен идентифицировать себя в качестве представителя национального меньшинства;

3) как представитель национального меньшинства лицо должно соблюдать культурные традиции, использовать язык меньшинства как в повседневном общении, так и при совершении преступлений или в целях противодействия правоохранительным органам;

4) внесение информации о национальности лица в статистическую карточку о результатах расследования преступления (позиция 22) и в статистическую карточку на лицо, совершившее преступление (позиция 17)*, должно носить системный характер, что, в свою очередь, повысит эффективность противодействия этнической преступности;

5) к сведениям о преступлениях, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), сформированных по этническому принципу, а также к сведениям о самих участниках таких групп или преступных сообществ (преступных организаций) необходимо относить:

– организованные группы, преступные сообщества (преступные организации), объединившиеся (сформированные) из представителей национальных меньшинств, исходя из национального состава населения региона, на территории которого действует преступная группа (количество лиц, относящихся к одной этнической группе, должно превышать 50 % от численного состава группировки), для осуществления преступной деятельности.

– организованные группы, преступные сообщества (преступные организации), объединившиеся (сформированные) для осуществления преступной деятельности, в которых представители национальных меньшинств в регионе ее преступной деятельности, составляют менее 50 % от численного состава группировки, но они составляют ядро этого преступного образования.

* См.: приказ «О едином учете преступлений».

Список литературы

1. Горюнова Н.А. Культурологический аспект этнической преступности и противодействие ей // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2002. С. 35-38.
2. Кузьмина Н.В. Этническая преступность как предмет криминологического и уголовно-правового изучения: вопросы становления теории // Рос. следователь. 2010. N 5. С. 25-28.
3. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М., 2008. 400 с.
4. Кузьмина Н.В. Анализ деятельности организованных преступных этнических групп в контексте противоправного поведения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2010. N 14. С. 123-133.
5. Смирнова О.Н. Проблемы расследования преступлений, совершенных этническими группами: монография. Уфа: ОНИРИО УЮИ МВД России, 2005. 129 с.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

КРАВЕЦ Е.Г., KRAVETS E.G.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
bmv-21@inbox.ru bmv-21@inbox.ru
Кафедра предварительного Chair of preliminary investigation
расследования of the educational and scientific complex
учебно-научного комплекса of the preliminary investigation
по предварительному следствию in the internal affairs bodies;
в органах внутренних дел; Volgograd Academy of the Ministry
Волгоградская академия of the Interior of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Российской Федерации, Russian Federation
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

ШУВАЛОВ Н.В., SHUVALOV N.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
marilin-87@mail.ru associate professor,
marilin-87@mail.ru
Кафедра предварительного Chair of preliminary investigation
расследования of the educational and scientific complex
учебно-научного комплекса of the preliminary investigation
по предварительному следствию in the internal affairs bodies;
в органах внутренних дел; Volgograd Academy of the Ministry
Волгоградская академия of the Interior of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Российской Федерации, Russian Federation
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

МАРТЫНОВ А.Н., MARTYNOV A.N.,
alemaksin34@gmail.com alemaksin34@gmail.com
Кафедра государственно-правовых Chair of state and legal disciplines;
дисциплин; Academy of Management of the Ministry
Академия управления Министерства of the Interior of the Russian Federation,
внутренних дел Российской Федерации, Z. and A. Kosmodemyanskikh St. 8,
125171, г. Москва, Moscow, 125171,
ул. З. и А. Космодемьянских, 8 Russian Federation

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Исследуются предпосылки и условия внедрения видеоконференц-связи как передового средства технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений. Использование видеоконференц-связи позволит комплексно решать проблемы расследования преступлений: сократить сроки производства по уголовным делам, обеспечить одновременное и качественное расследование большего количества уголовных дел, а также более высокий уровень безопасности участников процесса и экономию бюджетных средств. Реализация возможности использования информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий предопределяет разработку принципиально нового специализированного программного обеспечения, позволяющего осуществлять: взаимодействие участников предварительного расследования — передачу видеосигнала, звука, файлов; синхронизацию процессов в обоих пунктах связи; визуализацию передаваемой информации — текста протокола, видеоряда, совмещенного видеоряда из разных источников в одном окне; исключение визуального наблюдения одной из сторон путем ретуширования части изображения или приостановления

передачи видеопотока в один из пунктов связи; обеспечение безопасности передаваемой информации.

Ключевые слова: видеоконференц-связь; расследование преступлений; технико-криминалистическое обеспечение; следственное действие.

PROSPECTS OF USING VIDEOCONFERENCING IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The prerequisites and conditions for the introduction of videoconferencing as an advanced means of technical and criminalistic support for the investigation of crimes are analyzed. The use of videoconferencing will make it possible to solve the problems of investigating crimes in a complex way: to reduce the time for criminal cases production, to ensure simultaneous and qualitative investigation of a larger number of criminal cases, as well as a higher level of safety of participants in the process and budget savings. Implementation of the possibility of using information and communication technologies in the course of investigative actions predetermines the development of a fundamentally new specialized software that allows to carry out: the interaction of the participants in the preliminary investigation – the transmission of video, audio, files; the synchronization of processes in both points of contact; the visualization of the transmitted information – the text of the protocol, video sequence, combined video from different sources in a single window; the exclusion of visual observation by one of the parties by retouching the part of the image or suspending transmission of the video stream to one of the points of contact; ensuring the security of the transmitted information.

Keywords: videoconferencing; investigation of crimes; technical and forensic support; investigative action.

Научно-технический прогресс самым непосредственным образом воздействует на непроизводственные сферы человеческой деятельности, среди которых особое место занимает юриспруденция. Отчасти это проявляется во все более обширном проникновении научно-технических средств и методов, используемых для выявления и фиксации доказательственной информации, в уголовное судопроизводство. Неоспоримые преимущества подобной фиксации (автоматизация самого процесса фиксации, полная объективность отображения информации, оперативность и экономичность манипуляций) предопределили особое внимание как к правовому регулированию их применения, так и к технической стороне внедрения научно-технических средств в судопроизводство [1, с. 12].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство активно ориентирует суды использовать видеоконференц-связь в различных судебных ситуациях. В УПК РФ нормативно закреплено: по решению суда обвиняемый участвует в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи (ч. 6 ст. 35 УПК РФ); свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ – непосредственность и

устность); после окончания прений сторона председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с использованием систем видеоконференц-связи (ст. 293 УПК РФ – последнее слово подсудимого). При этом на досудебных стадиях данное инновационное средство в России не используется. В то же время в ряде стран с родственными правовыми системами видеоконференц-связь применяется следователями достаточно давно (например, на Украине с 2012 года, в Казахстане – с 2015 года).

Применение научно-технических средств для фиксации и изъятия информации имеет первостепенное значение в процессе собирания доказательств. И даже не потому, что в тех ситуациях, когда носители информации очевидны, поиск и консервация могут отсутствовать. Важнее другое – фиксация (отражение, закрепление) доказательств строго имманентна уголовному процессу, является его обязательным атрибутом. Особенно очевидна роль должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, в возможности осознания словесной речи и включении ее в систему невербальных сигналов информации (мимика, жесты, паузы и т.п.) – выделении наиболее существенного; в проверке корректности воспроиз-

ведения уточняющими и контрольными вопросами; в определении тождественности используемых терминов; в получении целостного представления о возможностях лица по восприятию, запоминанию и пр.

Каждому участнику следственного действия может принадлежать инициатива применения научно-технических средств (далее – НТС). Это фундаментальное правомочие, которое можно оценить по достоинству, лишь руководствуясь информационным подходом. Следует согласиться с С.А. Шейфером в том, что «поисковый характер каждого следственного действия побуждает следователя не включать в протокол сведения, не относящиеся к делу, а также повторения, второстепенные детали, неясные и непонятные выражения; в текст протокола может быть включена информация, непосредственно в слове не выраженная, но заключенная в контексте устного сообщения» [2, с. 115].

Иначе говоря, в процессе отбора сведений, подлежащих фиксации, в протоколе может быть произведено отражение информации, которую допрашиваемый не сообщал, или может иметь место интерпретация сообщаемых сведений допрашиваемым либо их существенное ограничение. Именно положение ч. 4 ст. 189 УПК РФ служит гарантией представления полного объема подлинной информации. Применение используемых в качестве средства фиксации хода и содержания следственного действия НТС из перечня, содержащегося в ч. 4 ст. 189 УПК РФ, необходимо признать прогрессивным приемом, обладающим рядом неоспоримых преимуществ перед консервативным способом собственноручной записи показаний, нашедшим свое закрепление в ст. 152, ч. 4 ст. 160 УПК РСФСР.

Таким образом, видеосъемка позволяет объективно зафиксировать все, что окажется в объективе камеры, в отличие от протокола следственного действия, который не всегда может отражать полноту ситуации, многое на момент его составления может быть еще не уясненным следователем. И при условии безупречного составления протокола, отражения всей необходимой совокупности содержащихся в нем данных наличие в качестве приложения видеозаписи (произведенной с различной степенью уменьшения при съемке и в раз-

ных ракурсах) способствует более правильной оценке собранной информации, точному восприятию исследуемого события.

Видеосъемка позволяет сочетать фиксирование звука (речи) с фиксацией изображения. Говоря о видеосъемке как о способе фиксации, следует привести тезис о перекодировании информации при ее изменении на примере секвенции «показания – фиксация показаний – протокол следственного действия». Об элементах данной системы: «В протоколе фиксируемые мысли в определенной степени шлифуются, оформляются в четкие фразы. Это, с одной стороны, положительный момент, так как благодаря сжато изложению сведений о фактах с протоколом легко ознакомиться. Но, с другой стороны, отбор материала, занесенного в протокол, носит в значительной мере субъективный характер, так как абсолютно точно передать на бумаге содержание сказанного или увиденного практически невозможно, помимо того каждый человек обычно имеет присущий ему стиль письменного изложения» [3, с. 21].

Ценность видеофиксации производства следственного действия возрастает в контексте предоставления суду возможности анализа данных об источнике информации и составления собственного представления о них. Доказательственная информация является наиболее ценной в процессе расследования. Не отрицая ее значимости, не следует сводить процесс познания обстоятельств совершения преступления к получению и использованию только такой информации. Носящая вспомогательный характер информация, использование которой позволяет ориентироваться в фактах и явлениях, порой довольно замысловатым образом сочетающихся с расследуемым событием, не менее важна. Факт применения средств дополнительного запечатления (прежде всего видеозаписи) способен сыграть важную роль, а также препятствовать сознательному искажению показаний.

Это может сказаться и на встречной негативной тенденции – желании следователя оказать на фигуранта психологическое воздействие в целях «логичного» вписывания его свидетельств в рабочую версию. В целом это препятствует точному уяснению смысла показаний. Помимо этого, «способ выражений допрашиваемых,

их стиль, своеобразие в понимании ими тех или других слов могут быть источником недоразумений и неправильной оценки правдивости их показаний... Для суда важно не только то, что показывает свидетель, но и как он показывает... Вот почему особенности речи, бытовые названия и сама манера допрашиваемого выражаться должны останавливать на себе вдумчивое внимание судьи» [4, с. 162].

В итоге становятся очевидными издержки перекодировки информации при отображении в вербальной форме протокола устной речи и преимущества видеозаписи как научно-технического средства, передающего поведение допрашиваемого, его мимику, эмоциональное состояние, а не только словесную речь.

Адекватное понимание сущности и форм технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений (далее – ТКО) позволяет анализировать и определять перспективные направления для увеличения эффективности правоохранительной деятельности в целом и ТКО в частности как ее элемента. Исследователи А.В. Попов, М.П. Поляков, В.Т. Томин определяют эффективность расследования в качестве потенциальной возможности удовлетворения как можно большего количества заявок на обслуживание [5, с. 141]; С.В. Бажанов предлагает исчислять качество расследования его стоимостью [6, с. 24], С.В. Поленина – продолжительностью; М.С. Строгович считает, что необходимо включать в расчеты вероятность осуждения невинных и оправдания преступников [7, с. 356]; Л.В. Брусницын [8, с. 120] и Е.И. Замылин [9, с. 188] дополняют показатели эффективности расследования критерием безопасности его участников.

В настоящее время в теории и практике правоприменительной деятельности отмечают актуальность оперативной нормативной регламентации использования таких новейших технических разработок, как тензометрическая платформа диагностирования стрессового состояния человека, системы для ведения «электронных» уголовных дел, «электронный судья», видеопротоколы, видеоконференц-связь (видеосвязь) и др. [10, с. 93; 11, с. 24; 12, с. 136].

Видеоконференц-связь (далее – ВКС) – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия

двух и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеоинформацией в реальном масштабе времени с учетом передачи управляющих данных. Для общения в режиме видеоконференции абонент должен иметь терминальное устройство (кодек) видеоконференц-связи, видеотелефон или иное средство вычислительной техники. Как правило, в комплекс устройств для видеоконференц-связи входит: центральное устройство – кодек с видеокамерой и микрофоном, обеспечивающее кодирование (декодирование) аудио- и видеоинформации, захват и отображение контента (информационного содержимого); устройство передачи информации (например, модем); устройство отображения информации и воспроизведения звука.

В качестве кодека может использоваться персональный компьютер с программным обеспечением для видеоконференций. Существует два режима работы ВКС, которые позволяют проводить двусторонние (режим «точка-точка») и многосторонние (режим «многоточка») видеоконференции. Исходя из специфики применения технологии в уголовном судопроизводстве, мы рассматриваем исключительно первый вариант – двусторонний режим. Предположить ситуацию, когда будет эффективен многосторонний режим, вполне возможно, однако в целях безопасности и конфиденциальности такие сеансы лучше исключить.

Для внедрения видеоконференц-связи необходимо учитывать основные правила: гарантированная высокоскоростная услуга связи или выделенные каналы связи только для сеансов видеоконференций; стабильное и надежное электропитание телекоммуникационного оборудования и видеоконференц-связи; оптимальные шумо- и эхопоглощающие особенности помещения, в котором будет установлено оборудование видеоконференц-связи; правильное расположение оборудования видеоконференц-связи по отношению к световому фону помещения; корректная настройка телекоммуникационного оборудования и видеоконференц-связи по обслуживанию качества услуги связи с приоритизацией передачи данных; компетентный обслуживающий технический персонал; техническое сопровождение и подписка на обновление

оборудования через сертифицированного производителем поставщика [13, с. 126].

Программные средства устанавливаются на персональный компьютер, ноутбук или мобильное устройство. В качестве периферии для захвата и воспроизведения видео и звука могут использоваться как встроенные в устройство камера, микрофон или динамик, так и внешние устройства: веб-камера, головная гарнитура или спикерфон.

Преимущества программных средств ВКС: возможность обновлений без необходимости замены аппаратной части; отсутствие значительных вложений в инфраструктуру; отсутствие необходимости в дополнительном оборудовании для реализации полного спектра возможностей (запись, совместная работа и т.п.); приспособленность для работы на нестабильных каналах связи, таких как Интернет.

Транспортная сеть передачи данных (каналы связи) играет важнейшую роль в организации видеоконференции. Сетевые протоколы IP или ISDN используются для подключения к каналам связи. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – простейший и наиболее дешевый способ организации видеоконференц-связи. Однако при передаче аудио- и видеоданных Интернет не принято считать гарантированным каналом. В данном случае качество сеанса связи может быть низким. Кроме того, возникает проблема безопасности видеоконференции. Именно поэтому в МВД России запрещено использование Интернета для организации служебных сеансов видеоконференц-связи.

Однако это далеко не единственный распространенный канал. Услуга связи по технологии IP VPN MPLS в настоящее время является одной из самых надежных и дешевых для организации видеоконференций*. Технология IP VPN MPLS по степени защищенности используемой среды относится к «доверительной зоне». Она исполь-

* VPN (англ. Virtual Private Network) – виртуальная частная сеть, то есть обобщенное название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых защищенных соединений (логическую сеть) поверх другой сети. MPLS (англ. Multiprotocol Label Switching) – мультипротокольная коммутация по меткам, то есть механизм передачи данных, который эмулирует различные свойства сетей с коммутацией каналов поверх сетей с коммутацией пакетов [14].

зуется в случаях, когда передающую среду можно считать надежной и необходимо решить лишь задачу создания виртуальной подсети в рамках большей сети [15, с. 80].

Термин «видеоконференц-связь» употребляется в уголовно-процессуальном законе и некоторых решениях высших судебных инстанций страны. Впервые понятие «видеоконференц-связь» использовалось в УПК РФ в 2001 г. Однако его определение сформулировано не было. В научной и учебной литературе, касающейся вопросов уголовного судопроизводства, имеются единичные дефиниции.

А.Г. Волеводз первым предложил определение видеоконференц-связи как всякой передачи или приема изображений, звуков, обмена информацией между ЭВМ с использованием технологии видеоконференции. При этом под видеоконференцией ученым понимается компьютерная технология, «которая позволяет осуществить аудиовизуальное взаимодействие двух и более пользователей в режиме реального времени» [10, с. 93].

Представляется, что в большей мере приближено, однако не вполне соответствует правовым и практическим реалиям определение видеоконференц-связи, которое предложил В.И. Решетняк: это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия двух и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеоинформацией в режиме реального времени с учетом передачи управляющих данных [16, с. 80].

Распространенность видеоконференции (наравне с факсимильной и телефонной связью) обеспечивается стандартными протоколами передачи данных. Подобно тому, как связываются между собой другие телекоммуникационные устройства, благодаря стандартизированным протоколам могут без проблем устанавливать связь между собой системы поддержки видеоконференций разных производителей. Достижения мультимедиа и технологий телекоммуникационных средств представляют собой фундамент систем видеоконференций. По каналам связи глобальных и локальных вычислительных сетей при помощи средств вычислительной техники передаются изображение и звук. Только алгоритмы компрессии (декомпрессии) цифрового изображения и звука, а так-

же пропускная способность канала связи служат ограничивающими факторами для таких систем.

Технологии, названные «системы управления сетями», используются для повышения безопасности сетей видеоконференции и отказоустойчивости, обеспечения их надежности. Система управления сетями видеоконференций должна включать в себя:

- анализ и обработку ошибок – определение причин отказов и сбоев терминальных и сетевых устройств, обеспечение необходимыми инструментами для их обнаружения, выполнение функции по восстановлению работоспособности;

- управление конфигурацией сетевого аппаратно-программного обеспечения – настройку и отслеживание конфигурации;

- учет – детектирование сетевых ресурсов на предмет использования и доступности;

- менеджмент продуктивности – исследование производительности сети, сбор и анализ сведений о функционировании сети для ее эксплуатации на стандартном уровне как для планирования развития сети, так и для оперативного управления ею;

- алармирование – контроль доступа (с обязательным ведением журналов) к сетевым ресурсам и оборудованию для своевременного предотвращения несанкционированного доступа, его обнаружения и пресечения [13, с. 126].

Для обеспечения безопасности информации принимаются меры по ее защите – разрабатываются руководящие административные документы (положения, приказы, инструкции), дополнительные программы или аппаратные устройства, ключевая цель которых состоит в предотвращении злоупотреблений и преступлений, купировании, уменьшении размера ущерба, наносимого правонарушением. Действенность мер защиты информации прямо зависит от следования правилам компьютерной безопасности, осведомленности о специфике современных вредоносных продуктов; «из-за уникальности подобных программ и применения методов социальной инженерии для них тяжело создать эвристические методы детектирования» [17, с. 126].

Имеется перспектива создания межведомственной структуры, соответствующей потребностям всех органов предварительного расследования, независимо от ведомственной принадлежности. В ОВД функцию специалистов (в уголовно-процессуальном контексте использования данного термина), очевидно, должны будут выполнять сотрудники подразделений (отделов или групп) информационного обеспечения. В связи с этим становится актуальной специализация данных сотрудников по обеспечению производства видеоконференций, при этом не только при производстве следственных действий, но и при использовании коммуникативных сегментов ИСОД МВД России. Данные специалисты должны будут пройти такие виды подготовки, как изучение возможностей оборудования, предоставления сеансов видеоконференц-связи, функций программного обеспечения, свойств каналов связи. Следует предусмотреть полноценное методическое обеспечение этой работы: разработку учебных и справочных материалов, проведение семинаров, многоступенчатую систему повышения квалификации.

Кроме того, возникнет необходимость заведения в данных подразделениях журналов приема заявок на производство следственных действий в режиме ВКС. Заявка должна содержать сведения об инициаторе, уголовном деле или материале процессуальной проверки, по которому проводится мероприятие, виде планируемого следственного действия, времени и прогнозируемой продолжительности его производства, удаленном объекте, количестве участников. Естественно, и заявка, и журнал должны существовать и пополняться в электронном виде.

Предпочтительной является форма видеоконференц-связи применительно прежде всего к таким следственным действиям, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания и освидетельствование.

Следует оговориться, что ограничиться четырьмя следственными действиями предлагается именно на современном этапе, исходя из представлений о реалистичности постановки задач и научного прогнозирования. Перечисленные следственные действия имеют высокий коэффициент повторяемости в правоприменительной практике. Для проведения допроса, очной

ставки, предъявления для опознания и освидетельствования достаточно стационарных помещений для ВКС со стандартными техническими настройками и требованиями к связи. Дальнейшее расширение перечня следственных действий, проведение которых возможно с применением ИКТ, за счет включения выемки, следственно-эксперимента, проверки показаний на месте, как это, например, предлагают отдельные исследователи*, на сегодняшний день неактуально ввиду отсутствующих экономических и правовых предпосылок, поскольку сопряжено с использованием мобильных установок ВКС и дорогостоящих высокоскоростных коммуникационных настроек.

Подведем итоги. Ключевыми современными проблемами ТКО являются: по-

* См.: Архипова Е.А. Применение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 78.

рядок использования вновь разрабатываемых научно-технических средств в уголовном судопроизводстве; определение вектора развития профильных научных разработок; увеличение потенциальной возможности удовлетворения как можно большего количества «заявок на обслуживание»; снижение стоимости расследования; сокращение длительности расследования; исключение вероятности осуждения невинных и оправдания преступников; обеспечение безопасности участников расследования.

Для внедрения видеоконференц-связи необходимо учитывать стандартные правила данной технологии. Инфраструктурные решения ВКС многообразны и доступны, не требуют значительного пересмотра существующих эргономических решений. При этом программные средства способны предоставить органам предварительного расследования многочисленные организационные преимущества.

Список литературы

1. Цомаев С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 239 с.
2. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. 130 с.
3. Якимов И. Наука раскрытия преступлений (методологический очерк) // Вестник криминалистики. 2013. N 1. С. 20-25.
4. Шестеров А.Г. Психология допроса свидетелей и потерпевших. Ташкент: Ташкентск. высш. школа МВД СССР, 1974. 261 с.
5. Очерки теории эффективности расследования / В.Т. Томин, М.П. Поляков, А.В. Попов; под ред. В.Т. Томина. Пятигорск, 2000. 411 с.
6. Бажанов С.В. Экономика уголовно-судебного производства. Владимир, 2004. 88 с.
7. Строгович М.С. Курс советского расследования. М., 1958. 536 с.
8. Брусницын Л.В. Обеспечить безопасность тех, кто помогает бороться с преступностью // Закон. 2003. N 3. С. 119-122.
9. Замылин Е.И. Социально-правовая природа безопасности в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2009. N 2. С. 86-95.
10. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002. 390 с.
11. Федюнин А.Е. Теоретические и прикладные проблемы использования технических средств в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 517 с.
12. Семенцов В.А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Рос. юридический журнал. 2010. N 5. С. 132-159.
13. Фрактальная компетентностная архитектура корпоративных систем дистанционного образования / А.С. Гуртяков [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2012. N 3. С. 124-128.
14. Proxu.ru. URL: http://russianproxu.ru/pptp_vpn (дата обращения: 26 окт. 2016 г.).
15. Петрова И.Ю., Кравец А.Д. Методика проектирования мультиагентных систем и модулей на основе генератора мультиагентных систем // Перспективы развития строительного комплекса. 2015. N S1. С. 79-85.
16. Решетняк В.И. Видеоконференц-связь в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы II междунар. практ. конф., Москва, 11-12 апреля 2012 г. М., 2012. С. 91-96.
17. Rogozin V.Yu. Изменения в криминалистических характеристиках преступников в сфере высоких технологий // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. N 1 (7). С. 56-58.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

ГРУДИНИН Н.С., кандидат юридических наук, nekit-07@mail.ru	GRUDININ N.S., Candidate of Legal Sciences, nekit-07@mail.ru
Кафедра интеллектуальных прав; Московский технологический университет, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 78	Chair of intellectual property rights; Moscow Technological University, Vernadsky Ave. 78, Moscow, 119454, Russian Federation

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОМБУДСМАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные основы деятельности омбудсмена в Российской Федерации и зарубежных странах. Автор статьи отмечает, что статус омбудсмена в различных государствах может быть закреплен на уровне конституции, на уровне закона, на уровне конституции и в текущем законодательстве. В Российской Федерации статус омбудсмена закреплен на уровне Конституции Российской Федерации и в специальном законе. В статье исследуются вопросы, связанные с назначением на должность омбудсмена в различных государствах. Отмечается факт отсутствия в российском законодательстве требования о наличии у претендента на должность омбудсмена высоких морально-этических качеств. Установление в соответствующем законе такого требования должно позволить укрепить институт омбудсмена в Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека; правозащитная деятельность; омбудсман; полномочия омбудсмена; порядок назначения на должность.

THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE OMBUDSMAN'S ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The constitutional bases of the Ombudsman's activity in the Russian Federation and foreign countries are analyzed in the article. The author of the article notes that in various states the status of the Ombudsman can be fixed at the level of the constitution, in law, at the level of the constitution and in the existing legislation. In the Russian Federation the status of the Ombudsman is fixed at the level of the Constitution of the Russian Federation and in the special law. The article deals with the issues connected with the appointment of Ombudsman in different states. It is noted that in the Russian legislation there is no requirement that the applicant for the position of Ombudsman should have high moral and ethical qualities. Fixing such requirement in the corresponding law should strengthen the institution of the Ombudsman in the Russian Federation.

Keywords: human rights; human rights activities; Ombudsman; powers of the Ombudsman; appointment procedure.

Последовательная реализация на практике конституционного установления о суверенитете народа в Российской Федерации неразрывно связана с идеей о полноценном осуществлении прав и свобод человека и гражданина. При этом добиться последовательной реализации прав и свобод человека и гражданина невозможно без построения демократического правового государства, в котором соблюдаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина и существует гражданское общество. Достижение

этой цели возможно путем использования различных средств, в числе которых важное место отводится институту Уполномоченного по правам человека.

Уполномоченный по правам человека, известный во многих странах также как омбудсман, является сравнительно новым конституционно-правовым институтом для практики государственного строительства как России, так и ряда зарубежных государств. Относительно трактовки понятия омбудсмена существует ряд точек зрения. Н.Ю. Хаманева понимает под омбудсманом

лицо, которое уполномочено парламентом осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина, а также реализовывать опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми должностными лицами органов публичной власти [1, с. 21-22]. Л.В. Анисимова определяет институт уполномоченного по правам человека как независимый, персонафицированный орган, который наделен полномочиями рассматривать жалобы на действия бюрократического аппарата, не имея при этом государственно-властных полномочий, на основе придания делу огласки, личного авторитета и путем дачи рекомендаций, основанных на нормах морали и идеалах справедливости [2, с. 19].

А.Ю. Семенова подразумевает под институтом омбудсмана специальную службу в рамках органа законодательной власти, которая возглавляется независимым должностным лицом, получающим от граждан жалобы на факты нарушений прав и свобод человека и гражданина со стороны должностных лиц органов государственной власти. Получение такой жалобы обязывает омбудсмана инициировать или лично провести расследование фактов, изложенных в таких жалобах, представить механизм разрешения спорных правовых ситуаций, а также представлять ежегодные отчеты о результатах своей деятельности [3, с. 15, 21].

Таким образом, следует отметить, что омбудсман — это публичное должностное лицо, основным предназначением которого является правовая защита граждан от неправомерных действий государственных органов и их должностных лиц, нарушающих гарантированные Конституцией РФ, международными актами и законодательством Российской Федерации права и свободы человека и гражданина. Кроме того, омбудсман должен содействовать выявлению правовых коллизий, которые могут нарушать права и свободы человека, а также вырабатывать рекомендации по усовершенствованию работы органов государственной власти в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Важно отметить, что в подавляющем большинстве стран, в которых введен пост омбудсмана (Великобритания, Франция, Испания, Польша), данный институт является парламентским по своей природе:

уполномоченный по правам человека назначается на свою должность парламентом и подотчетен ему. Именно парламентская модель омбудсмана реализована в Российской Федерации, что представляется вполне оправданным, поскольку реализация правозащитной и контрольной функции уполномоченным по правам человека не может осуществляться в рамках судебной ветви власти, а в рамках исполнительной ветви власти данный институт вряд ли мог бы являться полностью независимым и эффективным.

Однако государственно-правовым системам зарубежных государств известны и другие модели института омбудсмана. Например, в некоторых странах мира существует модель исполнительного омбудсмана, который относится к исполнительным органам власти и назначается правительством. Исторически это была первая форма института омбудсмана — в Шведском королевстве он был учрежден королем Швеции Карлом XII в 1713 г. В настоящее время уполномоченный по правам человека, подотчетный исполнительным органам власти, имеется в отдельных штатах США.

Еще одна модель уполномоченного по правам человека, которая получила название независимого омбудсмана, отличается тем, что уполномоченный по правам человека не входит в систему исполнительных, законодательных и судебных органов государственной власти и является полностью самостоятельным институтом в механизме государственной власти. В рамках данной модели уполномоченный по правам человека может назначаться парламентом или президентом, после чего он становится независимым от органов власти и должностных лиц. Настоящая модель омбудсмана реализуется сегодня в Нидерландах и Португалии [4, с. 63-64].

Статус и полномочия омбудсмана могут быть закреплены на уровне конституции и на уровне законодательства. Возможен вариант, при котором должность омбудсмана предусматривается непосредственно в конституции государства, а его статус и полномочия закреплены в специальном законе. Например, основы конституционно-правового статуса омбудсманов в Швеции заложены в Акте о форме правления 1974 г. (который является составной

частью Конституции Швеции), содержащем главу «Контрольная власть».

В конституциях некоторых стран мира (Великобритания, Норвегия, Дания, Япония) упоминание об институте омбудсмана отсутствует, его правовое регулирование осуществляется на уровне законов. Такой подход нельзя признать оптимальным, поскольку именно конституционный статус омбудсмана предоставляет все необходимые гарантии для осуществления им своих полномочий. Кроме того, конституции государств являются стабильными во времени актами по сравнению с текущими законами. Следовательно, закрепление статуса омбудсмана исключительно на уровне законов создает опасность возможного ограничения его полномочий в определенных условиях.

В Российской Федерации институт уполномоченного по правам человека закрепляется на уровне Конституции (п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ 1993 г.). Это дополнительно обеспечивает его конституционно-правовой статус в системе институтов государственной власти, укрепляет статус Российского государства как правового государства.

Непосредственно деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации регулируется специальным актом – Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»*. Данный закон устанавливает порядок назначения на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и освобождения от нее, его компетенцию, организационные формы и условия деятельности. В соответствии с законом на Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации возлагаются функции по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, недопущению их нарушения органами государственной власти и их должностными лицами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации в настоящее время применяется такая модель правового статуса

омбудсмана, которая сочетает в себе конституционную основу и дополнительную законодательную основу функционирования данного института.

Представляется, что к основным функциональным обязанностям Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации следует отнести:

- рассмотрение жалоб и обращений граждан по фактам имевших место нарушений прав и свобод человека и гражданина, инициирование необходимых мер по их восстановлению;

- принятие в рамках своей компетенции конкретных мер при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с защитой прав и законных интересов лиц, которые не имеют возможности самостоятельно использовать правовые средства защиты;

- анализ законодательства Российской Федерации в области прав человека, подготовка рекомендаций по его изменению и приведению в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;

- развитие международного сотрудничества в области прав человека;

- правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, повышение правовой культуры граждан России в целом и в среде государственных служащих в частности [5, с. 48-50].

Важно отметить ряд особенностей, которые качественным образом характеризуют институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» данное должностное лицо:

- должно быть только гражданином Российской Федерации, оно не должно иметь гражданства иностранных государств, вида на жительство в иностранных государствах, также оно не может проживать постоянно на территории иностранного государства;

- в ходе своей деятельности Уполномоченный по правам человека обязан не допускать конфликта интересов при осуществлении своих должностных обя-

* Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституционный закон от 26 февр. 1997 г. N 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 9. Ст. 1011.

занностей, а в случае их возникновения – принять все необходимые меры для урегулирования такого конфликта;

– Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обязан ежегодно представлять доклад о результатах своей деятельности Президенту России, Правительству и Федеральному Собранию Российской Федерации, Конституционный и Верховный суды России, Генеральному прокурору, а также Председателю Следственного комитета Российской Федерации;

– ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в обязательном порядке публикуются в «Российской газете»;

– по отдельным вопросам Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации имеет право направить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации специальные доклады, которые также могут быть опубликованы в «Российской газете» и в других изданиях;

– все материалы и информация, которые запрашиваются Уполномоченным по правам человека в связи с осуществлением им его полномочий, должны быть предоставлены ему своевременно, в полном объеме и на безвозмездной основе;

– информация и сведения, запрашиваемые Уполномоченным по правам человека в связи с осуществлением им его полномочий, должны быть направлены ему в 15-дневный срок, если самим запросом Уполномоченного не устанавливается иной срок;

– орган государственной власти, его должностное лицо, которое получило от Уполномоченного по правам человека заключение с конкретными рекомендациями, должно рассмотреть его в течение 1 месяца со дня получения и о принятых мерах проинформировать в письменном виде Уполномоченного;

– не допускается вмешательство в каких-либо формах в деятельность омбудсмана, попытки вмешательства в его деятельность влекут за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации;

– Уполномоченный по правам человека обязан взаимодействовать с органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам соблюдения и защиты прав человека [6, с. 114].

Важно отметить срочность должности уполномоченного по правам человека. Как правило, сроки, в течение которых лицо замещает должность омбудсмана, варьируются от 2 до 10 лет. Так, Уполномоченный по правам человека в Республике Косово назначается на двухлетний срок, 3 года составляет срок полномочий омбудсмана в Швеции, Норвегии, Финляндии, Португалии, 5 лет – в Российской Федерации, Республике Казахстан, Словакии, Молдове, на Мальте, 6 лет – во Франции, в Бельгии, Нидерландах, Чехии и Словении. Омбудсманы в Хорватии и Македонии имеют 8-летний срок полномочий, омбудсман в провинции Онтарио Канады назначается на 10 лет. В Великобритании и Дании мандат уполномоченных по правам человека является бессрочным [7, с. 79].

На наш взгляд, незначительный срок полномочий (от 2 до 4 лет) может сказаться на эффективности института защиты прав и свобод человека и гражданина. Это связано с необходимостью уполномоченного по правам человека войти в должность, наладить необходимые взаимоотношения с руководителями органов государственной власти, прокуратурой, судами, полицией, пенитенциарными учреждениями. С другой стороны, вызывает сомнения и значительный срок полномочий уполномоченного по правам человека (свыше 8 лет). За это время омбудсман может утратить необходимую мобильность и гибкость, возможно ослабление интереса к защите прав и свобод человека и гражданина. По этой причине представляется, что оптимальный срок полномочий омбудсмана составляет 5-7 лет. Исходя из этого, срок полномочий Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (5 лет) является вполне оптимальным и соответствующим целям и задачам данного института.

С точки зрения структуры практики зарубежных стран известны две модели омбудсмана: единоличный и коллегиальный омбудсман. В Швеции, Австрии, Канаде, Венгрии и Южной Корее действуют одновременно несколько омбудсманов, каждый из них является ответственным за соблюдение и защиту конкретных прав человека или конкретных групп населения (например, Уполномоченный по правам национальных меньшинств, Уполномочен-

ный по защите прав заключенных). В других странах уполномоченный по правам человека — это специальный институт государства, действующий единолично в интересах всех граждан и имеющий для реализации возложенных на него задач необходимый аппарат (Нидерланды, Украина) [8, с. 225-226].

Законодательство зарубежных государств содержит различные требования к кандидатам, претендующим на должность уполномоченного по правам человека. Все их многообразие целесообразно разделить на 2 группы: общие (наличие гражданства, достижение определенного возраста, знание государственного языка) и специальные (наличие высшего юридического образования, наличие опыта правозащитной деятельности, честность, порядочность репутация). Например, для занятия должности Уполномоченного по правам человека в Азербайджане лицо должно быть не моложе 30 лет, на Кипре, в Словацкой Республике и Молдове — не моложе 35 лет, на Украине — при достижении на день избрания 40 лет. В некоторых странах, например в Ирландии, устанавливается максимальный возраст для пребывания в должности уполномоченного по правам человека (61 год).

Профессиональным требованием для замещения должности Уполномоченного по правам человека в ряде стран является наличие юридического образования (Дания), высшего юридического образования и познаний в области защиты прав и свобод человека (Молдова). Законодательство некоторых стран помимо наличия высшего юридического образования требует наличие стажа практической работы в области юриспруденции. В Венгрии для занятия должности омбудсмана требуется не менее 10 лет стажа работы по юридической специальности, а в Хорватии — не менее 15 лет. В Румынии и Словении омбудсман должен соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям Конституционного суда, в Исландии и Норвегии — к судьям Верховного суда, т.е. быть юристом очень высокой квалификации и пользоваться определенным авторитетом в юридической сфере [9, с. 92].

В соответствии со статьей 6 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ «Об Уполномо-

ченном по правам человека в Российской Федерации» на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации назначается лицо, являющееся гражданином Российской Федерации, не моложе 35 лет, имеющее познания в области прав и свобод человека и гражданина, опыт их защиты. Следовательно, действующее законодательство закрепляет четыре критерия: гражданство; возраст; знания в области прав и свобод человека и гражданина; опыт их защиты. Первые два критерия имеют общий (объективный) характер, два последующих требуют детализации с точки зрения оценки знаний и опыта в защите прав человека. По нашему мнению, защищать права и свободы человека может далеко не каждый человек, а лишь то лицо, которое имеет необходимые познания о правах человека и механизмах их защиты.

В связи с этим заслуживает внимания предложение Н.В. Кузьминых о необходимости наличия у кандидата, претендующего на занятие должности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, ученой степени доктора юридических наук и практики в области защиты прав и свобод человека и гражданина не менее 10 лет [10, с. 44-45]. С этим следует согласиться, так как для осуществления полномочий необходим существенный опыт в данной сфере. Целесообразным представляется и предложение о наличии ученой степени доктора юридических наук, но с оговоркой, что это должна быть ученая степень в области права, предметно попадающая под научную специальность конституционного или международного права.

Необходимо отметить, что уполномоченный по правам человека должен оценивать деятельность государственных служащих не только с точки зрения закона, но и с позиций морали, нравственности и гуманизма. Именно по этой причине в законы многих государств включены специальные морально-нравственные критерии и характеристики, которым должен отвечать омбудсман. Например, о высоких морально-этических качествах омбудсмана сказано в законе Албании, о высоких моральных качествах — в законах Азербайджана, Украины, Эстонии. В законах может отмечаться авторитет омбудсмана в обществе (Молдова), в законодательстве

Польши зафиксировано, что омбудсман должен пользоваться высоким авторитетом в связи со своими моральными достоинствами и социальной восприимчивостью, в Португалии уполномоченный по правам человека должен пользоваться всеобщим признанием как честное и независимое лицо. О признании и большом уважении в обществе сказано также в законах Венгрии, Греции, о безупречной репутации — в законах Литвы, Словакии, в законодательстве Кипра — о высшей степени честного гражданина [11, с. 48-49].

По аналогии со многими зарубежными странами к кандидату на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации может быть установлено требование о высоких морально-этических качествах. Например, «данное лицо должно обладать необходимым авторитетом в профессиональной правозащитной среде в связи с наличием морально-этических принципов, следовать идеалам справедливости и гуманизма».

В законодательстве зарубежных стран устанавливаются различные ограничения, связанные с замещением должности омбудсмана. В Российской Федерации уполномоченный по правам человека не может являться депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Согласно законодательству Грузии должность Народного Защитника несовместима с членством в представительном органе государственной власти. Законы Португалии, Чехии, Словении констатируют несовместимость должности омбудсмана с депутатской, политической, предпринимательской, коммерческой и приносящей доход деятельностью. Как правило, омбудсман может заниматься преподавательской, научной либо иной творческой деятельностью.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Современный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и во многих зарубежных странах включает в свое содержание в качестве необходимого элемента институт омбудсмана, который призван защищать права и свободы человека и гражданина. Наличие данного института — своего рода индикатор того, насколько конкретное государство является право-

вым на практике. Основное предназначение института омбудсмана — недопущение нарушения прав человека должностными лицами органов публичной власти и их защита. Мировой практике известны три модели института омбудсмана — парламентский, исполнительный и независимый. В России реализована модель парламентского омбудсмана, являющегося, по своей сути, частью контрольного механизма Федерального Собрания Российской Федерации по отношению к органам исполнительной власти и служащего необходимой гарантией соблюдения принципа законности в деятельности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления.

2. Конституционный статус омбудсмана может закрепляться как на конституционном уровне, так и на уровне специальных законов, регулирующих статус и полномочия омбудсмана. Конституция Российской Федерации, зафиксировав в своем содержании институт Уполномоченного по правам человека (ст. 103), правовую регламентацию его деятельности, порядок назначения на должность и освобождения от нее, передала на уровень федерального конституционного закона (Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). Принятие отдельного федерального конституционного закона, посвященного деятельности омбудсмана в России, подчеркивает особую значимость данного института для развития правовой демократической государственности в стране. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации за относительно небольшой период своего существования стал неотъемлемым элементом российского парламентаризма и конституционализма. Во многом это стало возможным благодаря последовательной конституционно-правовой регламентации его деятельности.

3. Повышение эффективности деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в среднесрочной перспективе, на наш взгляд, будет зависеть от действия двух факторов. Первый — последовательное создание условий для практической реализации российским омбудсманом всей

совокупности полномочий, которыми он наделен законом, оказание содействия в его деятельности всей системой органов публичной власти. Второй — повышение требований, предъявляемых законом к кандидатам, претендующим на должность Уполномоченного по правам человека. Положительно зарекомендовавшая себя практика зарубежных стран, касающаяся требований о наличии опыта правозащитной деятельности, высоких морально-этических принципов, ценностей гуманизма

и справедливости, могла бы быть заимствована российским законодателем при определении требований, которые предъявляются к кандидатам на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Не вызывает сомнения то, что только авторитетные и уважаемые правозащитники могут наиболее эффективно осуществлять полномочия омбудсмана, содействуя тем самым укреплению и развитию данного института в России.

Список литературы

1. Хаманева Н.Ю. Правовой институт уполномоченного по правам человека // Гражданин и право. 2000. N 6. С. 21-28.
2. Анисимова Л.В. Особенности статуса и перспективы развития института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации // Омбудсмен. 2014. N 2. С. 18-24.
3. Семенова А.Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 29 с.
4. Волков Н.А. Права человека в современном обществе: учеб. пособие. Кемерово, 2013. 156 с.
5. Эмих В.В. Компетенция Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации: монография. Екатеринбург, 2010. 214 с.
6. Лебедев В.А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты. М.: Проспект, 2016. 206 с.
7. Кручинин Ю.С. Права человека: региональный аспект: монография. Чебоксары: Изд-во Чувашск. ун-та, 2016. 162 с.
8. Стремоухов А.В. Правовая защита человека: учеб. пособие. М.: Норма, 2006. 352 с.
9. Дроздова А.М. Институт парламентского Уполномоченного по правам человека: учеб. пособие. Рязань: Концепция, 2016. 155 с.
10. Кузьминых Н.В. Институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) / под ред. О.О. Миронова. М.: Новый индекс, 2005. 132 с.
11. Миронов О.О. Очерки государственного правозащитника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 518 с.

Раздел 11. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЗАХАРЧУК С.Д., sergey-zahar@mail.ru
Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

ZAKHARCHUK S.D., sergey-zahar@mail.ru
Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы установления признаков состава такого преступления, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Констатируется, что и в теории уголовного права, и в правоприменительной практике возникают сложности при квалификации общественно опасных деяний по статье 317 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, отсутствие надлежащего потерпевшего исключает квалификацию по данному составу преступления, а неоднозначность толкования термина «посягательство» приводит к неверному толкованию объективных и субъективных признаков преступления. Автором высказывается предложение о целесообразности принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего порядок применения отдельных положений статьи 317 уголовного закона.

Ключевые слова: уголовно-правовые средства защиты; посягательство; сотрудник правоохранительного органа; охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности; исполнение служебных обязанностей; месть.

PECULIARITIES OF ESTABLISHING THE ELEMENTS OF ENCROACHMENT ON THE LIFE OF LAW ENFORCEMENT OFFICER

Annotation. The article discusses the controversial issues of establishing the elements of such crime as an encroachment on the life of law enforcement officer. It is stated that when qualifying socially dangerous acts under Article 317 of the Criminal Code of the Russian Federation, difficulties arise both in the theory of criminal law, and law enforcement practice. Thus, the absence of a proper victim excludes the classification for this corpus delicti, and the ambiguity of the interpretation of the term "encroachment" leads to an incorrect interpretation of the objective and subjective elements of the crime. The author makes the suggestion about the expediency of adopting a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, clarifying the application of certain provisions of Article 317 of the Criminal Law.

Keywords: criminal remedies; encroachment; law enforcement officer; public order maintenance; ensuring public safety; performance of official duties; revenge.

В настоящее время особую актуальность имеет охрана прав сотрудников правоохранительных органов, исполняющих свои профессиональные обязанности, и в частности сотрудников органов внутренних дел. Находясь на передовой борьбы с преступностью, сотрудники органов внутренних дел чаще других подвергаются различным посягательствам на свои права. Кроме того, штатная численность МВД России является самой большой среди правоохранительных

органов. В связи с этим предлагается рассмотреть особенности установления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, на примере сотрудников органов внутренних дел.

Анализ статистических сведений ГИАЦ МВД России по преступлениям, предусмотренным статьями 317, 318, 319 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что их количество остается на достаточно высоком уровне (см. таблицу).

Таблица

**Количество преступлений, зарегистрированных
по ст.ст. 317, 318, 319 УК РФ, в которых потерпевшими
являются сотрудники органов внутренних дел***

Период	Количество зарегистрированных преступлений		
	Ст. 317 УК РФ	Ст. 318 УК РФ	Ст. 319 УК РФ
2010 г.	378	6774	10 687
2011 г.	267	6598	10 315
2012 г.	298	6466	9581
2013 г.	238	7203	9694
2014 г.	157	8005	11 490
2015 г.	129	8565	11 946
2016 г.	111	8275	13 038
6 месяцев 2017 г.	32	3873	6565

*Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России предоставлены по запросу 23.08.2017 г.

Как справедливо отмечает Н.К. Рудый, в случаях, когда осуществляется посягательство одновременно на личные блага, такие как жизнь, здоровье, честь и достоинство личности, а также социальные интересы, которые могут выступать как в роли основного, так и дополнительного объекта, требуется повышенная охрана личных благ лиц, осуществляющих охрану общественного порядка. Нередко посягательство на дополнительный объект уголовно-правовой охраны является способом совершения преступления, обладающего большей общественной опасностью, например, посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа [1].

При квалификации общественно опасных деяний по ст. 317 УК РФ как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике возникают определенные сложности.

Так, важным моментом квалификации преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, является установление потерпевшего, поскольку отсутствие надлежащего потерпевшего исключает квалификацию по указанной норме. В большинстве случаев потерпевшими выступают сотрудники правоохранительных органов.

Однако вопрос о том, кого относить к сотрудникам правоохранительных органов, на настоящий момент остается открытым.

С.А. Стяжкина предлагает в качестве одного из критериев отнесения конкретных органов к числу правоохранительных выделить те функции, которыми они наделяются [2, с. 166].

Следует отметить, что одной из важнейших функций государства является правоохранительная функция. Устанавливая правовые нормы, регулирующие общественные отношения, государство создает и специальные органы для охраны этих норм от нарушений. Чтобы лучше усвоить, какие государственные органы относятся к правоохранительным, необходимо определить признаки правоохранительной деятельности.

К.Ф. Глуценко и М.А. Ковалев относят к правоохранительным органам суды, прокуратуру, органы юстиции, а также «некоторые из тех органов, которые призваны выявлять и расследовать преступления» [3, с. 15].

В свою очередь, Н.С. Калинина отмечает, что некоторые федеральные органы исполнительной власти нормативными правовыми актами однозначно отнесены к правоохранительным. Это органы внутренних дел, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы МЧС России, таможенные органы, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ [4].

На законодательном уровне в ст. 2 Федерального закона от 20 апреля 1995 г. N 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»^{*} перечислены сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, подлежащие государственной защите. Следует отметить, что не все из перечисленных в указанном законе сотрудников относятся к правоохранительным органам, исходя из содержания ст. 317 УК РФ.

К правоохранительным органам следует отнести органы прокуратуры и юстиции, внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы охраны, Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, таможенные органы и органы контрразведки.

Следовательно, общественная опасность анализируемого преступления заключается в том, что посяательства на права указанных лиц приводят к существенной дезорганизации отношений управления.

Необходимо дополнительно указать, что из содержания ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» следует, что органы внутренних дел относятся к правоохранительным органам^{**}.

Рассматривая объективную сторону посяательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, следует отметить, что квалификация по ст. 317 УК РФ будет иметь место в том случае, когда деяние совершается в целях воспрепятствования законной деятельности сотрудников правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо мести за такую деятельность.

О.А. Дизер справедливо отмечает, что охрана общественного порядка есть

традиционная полицейская задача. Вместе с тем, несмотря на широкое использование, термины «общественный порядок», «охрана общественного порядка» законодательного и устоявшегося доктринального толкования не имеют [5, с. 8].

Общественный порядок необходимо рассматривать как систему общественных отношений, в основе которой лежит соблюдение норм права.

Кроме того, общественный порядок формируется из «правильного» поведения, состояния каждого человека, его взаимодействия с другими людьми как неотъемлемыми членами социума, которое в дальнейшем приводит к нормальному функционированию всей общественной жизни. Так, конкретный человек, осуществляя свою деятельность, постоянно становится субъектом большого числа отношений. В целях удовлетворения своих потребностей и интересов он вынужден взаимодействовать с другими людьми, вступая тем самым в отношения с ними. Нормальное функционирование конкретного человека, общества и является общественным порядком. Государство, в свою очередь, должно организовать взаимодействие членов общества таким образом, чтобы обеспечивались основные права и свободы человека и гражданина (право на жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущественные права и т.д.) и иных институтов, которые образуются в результате удовлетворения потребностей и интересов людей. Указанные права будут обеспечиваться установлением конкретных правил поведения членов общества, выполнение которых будет контролироваться государством.

Государство в рамках содержания и структуры общественного порядка определяет управленческую деятельность институтов, обеспечивающих его охрану и контроль. Один из таких институтов – полиция, которая является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Так, Пленум Верховного Суда СССР в подп. «а» п. 5 постановления от 22 сентября 1989 г. N 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посяательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных

^{*} О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апр. 1995 г. N 45-ФЗ: ред. от 1 июля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 17. Ст. 1455; 2017. N 27. Ст. 3945.

^{**} О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 29 июля 2017 г. // Рос. газ. 1995. 25 нояб.; 2017. 4 авг.

дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»* (до настоящего времени не признано утратившим силу) давал судам разъяснение о том, что под исполнением обязанностей по охране общественного порядка работниками милиции, народными дружинниками, а также военнослужащими следует понимать несение ими постовой или патрульной службы на улицах и в общественных местах; поддержание порядка во время проведения демонстраций, митингов, зрелищ, спортивных соревнований и других массовых мероприятий, при ликвидации последствий аварий, общественных и стихийных бедствий; предотвращение или пресечение противоправных посягательств.

Общественная безопасность в целом является составной частью национальной безопасности, что предусмотрено ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»**. Национальная безопасность в соответствии с п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683***, определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую,

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 390-ФЗ: ред. от 5 окт. 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2; 2015. N 41 (ч. I). Ст. 5639.

*** О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Толкование п. 42 данной Стратегии позволяет утверждать, что целью общественной безопасности является сохранение гражданского мира и социальной стабильности в обществе. Содержание этой безопасности составят, во-первых, общая безопасность, нарушение которой создает угрозу причинения вреда иным объектам уголовно-правовой охраны, перечисленным в ст. 2 УК РФ. Во-вторых, конкретные виды безопасности, а именно: конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Кроме того, в соответствии с п. 4 Концепции общественной безопасности Российской Федерации**** под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Так, общественная безопасность и общественный порядок составляют единый элемент, находящийся под охраной сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, что закреплено ст. 317 УК РФ.

Немаловажным является тот факт, что деятельность, осуществляемая сотрудниками правоохранительных органов, должна быть законной и правомерной. О законности указанной деятельности может свидетельствовать то, что она должна осуществляться в соответствии с полномочиями конкретного сотрудника, основанными на положениях нормативных правовых актов. Если посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа осуществляется в связи с его неправомерной деятельностью, то указанное посягательство не приведет к нарушению порядка управления как непосредственного объекта.

**** Утв. указом Президента РФ от 14 нояб. 2013 г. N Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что определенные дискуссии вызывает конструкция диспозиции ст. 317 УК РФ, а именно использование законодателем термина «посягательство».

В научной литературе выделяются две позиции: одни авторы считают, что необходимо использовать термин «убийство», другие – термин «посягательство».

Так, по мнению С.Л. Скутина, за причинение смерти работнику милиции в связи с осуществлением им охраны общественного порядка необходимо установить уголовную ответственность в виде специальной статьи, состав которой конструируется по принципу материального, то есть имеет указание на конкретные последствия, а именно «убийство работника милиции» [6, с. 103].

Такие авторы, как Е.А. Сухарева и Н.И. Трофимов, отдают предпочтение термину «посягательство» [7].

В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. N 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»* и от 22 сентября 1989 г. N 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»** содержалось толкование понятия «посягательство на жизнь», под которым понималось убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка.

Более предпочтительной представляется формулировка, предусмотренная в УК РФ, а именно: «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа».

Исходя из структуры УК РФ, указанное преступление посягает в первую очередь на установленный в государстве порядок управления. Следовательно, уже сам по себе факт посягательства на жизнь

сотрудника правоохранительного органа в связи с исполнением им законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности свидетельствует об общественной опасности указанного преступления, так как подрубается авторитет органов государственного управления.

Приведенные расхождения в понимании значения термина «посягательство» приводят к неверному толкованию объективных и субъективных признаков и к нарушениям при квалификации преступления.

Использование термина «посягательство» говорит о юридической конструкции данного состава преступления.

Как отмечает Ю.И. Степанов, состав сформулирован таким образом, что наступление вредных последствий нормой права не предусмотрено, хотя фактически они могут наступить (например, смерть сотрудника). Это позволяет сделать вывод о том, что состав преступления является формальным, то есть преступление считается оконченным именно с момента посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких.

В уголовно-правовой литературе такую разновидность формальных составов называют усеченными. При анализе объективной стороны главный вопрос заключается в том, что считать посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа [8, с. 104]. Далее указанный автор отмечает, что преступление считается оконченным с момента совершения действий, непосредственно направленных на лишение потерпевших жизни (например, выстрел в сотрудника правоохранительного органа из оружия) [8, с. 107].

Кроме того, преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ, будет окончено с момента начала посягательства на жизнь, вне зависимости от наступления последствий, и умышленные действия, направленные на убийство соответствующих лиц, квалифицируются по ст. 317 УК РФ без ссылки на ст. 30 УК РФ***.

Следовательно, как отмечается в юридической литературе и материалах

* Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. N 8.

** Сборник постановлений Пленумов ВС СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М., 1995. С. 359.

*** Обзор кассационной практики СК по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. N 8. С. 7-8.

судебной практики, фактическое причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью при наличии умысла на убийство не требует самостоятельной юридической оценки, поскольку они являются способом совершения более тяжкого преступления — посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа*. Вместе с тем в случае совершения приготавливаемых действий, например приобретения оружия к совершению преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, необходима квалификация по ст. 30 УК РФ, так как приготавливаемые действия не охватываются понятием «посягательство» [9, с. 253].

Посягательство на сотрудника правоохранительного органа должно считаться оконченным уже с момента начала совершения действий, направленных на причинение вреда потерпевшему, когда он лишь только ставится в опасность получения ущерба.

Однако в правоприменительной практике имеют место ситуации, не соответствующие указанным выводам. Так, В., нанеший сотруднику полиции ножом удар, которым причинил не проникающее ранение грудной клетки с целью воспрепятствования его законным требованиям, был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ. На наш взгляд, такая квалификация является неверной, поскольку она основывается на фактически наступивших последствиях, а не на субъективной направленности действий**.

Кроме того, определенные сложности возникают в случаях фактической ошибки в объекте посягательства, а именно в ситуациях, когда лицо, совершающее посягательство, ошибается в потерпевшем.

Как справедливо отмечает П.В. Замосковцев, необходимость четкой границы между преступлениями с усеченным составом и стадиями совершения умышленного преступления подтверждается следующим примером. Согласно правилам о фактической ошибке в объекте преступления лицо,

* См., например, приговор Тюменского областного суда от 18 апр. 2012 г. по делу N 2-23/2012 URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

** См.: приговор Пуровского районного суда от 8 апр. 2015 г. по делу N 1-87/2015. URL: <http://purovsky.ynao.sudrf.ru/modules.php>

полагающее, что посягает на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка, а на самом деле направляет свои действия на причинение вреда другим лицам, должно нести уголовную ответственность за покушение на жизнь работника милиции или народного дружинника по ст.ст. 15 и 191.2 УК РСФСР. Однако, если принять за исходную посылку, что «посягательство на жизнь» охватывает покушение на убийство работника милиции или народного дружинника, то в этом случае образуется конструкция, не известная советскому уголовному праву, — «покушение на покушение».

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, выражающее объективную сторону рассматриваемого преступления, является только ему присущим общественно опасным деянием, имеющим свою собственную сущность, отличную от покушения на преступление, а также от всякого иного оконченного преступления [10, с. 40].

Г.А. Агаев и Ф.Н. Аббасов отмечают, что если виновный, желая причинить смерть сотруднику, по ошибке причиняет смерть другому гражданину, его действия следует квалифицировать по правилам об ошибке в объекте. Такие действия подлежат квалификации по ч. 3 ст. 30 и ст. 317 УК РФ [11, с. 65].

Л.Э. Спиридонова поддерживает указанную точку зрения и отмечает, что в ситуациях, когда виновный, намереваясь убить сотрудника правоохранительного органа, убивает гражданина, не являющегося таковым, квалифицировать действия лица все же необходимо как покушение — по ч. 3 ст. 30, ст. 317 УК РФ [12, с. 27].

Приведенные позиции представляются весьма спорными, поскольку законодатель сформулировал состав таким образом, что он состоит двух элементов (покушение на убийство и убийство сотрудника правоохранительного органа) и, как правильно отмечал П.В. Замосковцев, конструкция «покушение на покушение», не известна уголовному праву.

Ю.И. Степанов придерживается иной позиции. Так, он отмечает, что если преступник ошибочно принял лицо за сотрудника правоохранительного органа,

которое им не является, квалифицировать действия по ст. 317 УК РФ оснований нет, поскольку данная статья подразумевает посягательство на того, кто фактически является сотрудником правоохранительного органа. Таким образом, в подобной ситуации действия лица следует оценивать по фактически наступившим обстоятельствам [8, с. 110].

С данной позицией нельзя согласиться. Так, автором не берется во внимание субъективная направленность деяния, т.е. при квалификации преступления не найдет отражения умысел виновного лица, который в момент посягательства был направлен на причинение смерти сотруднику правоохранительного органа. По общему правилу в основу квалификации преступлений положен принцип субъективного вменения. Соответственно, ситуации, в которых встречается ошибка в объекте преступного посягательства при наличии умысла на причинение смерти сотруднику правоохранительного органа, следует квалифицировать по ст. 317 УК РФ без ссылки на ст. 30 УК РФ.

Следующий существенный момент, который необходимо проанализировать, — это время осуществления сотрудниками правоохранительных органов полномочий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

А.Ф. Истомина и Д.А. Лопаткин отмечают, что общественно опасные посягательства на жизнь и здоровье, честь и достоинство лиц, наделенных правом поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, оказались за пределами преступного. Так, лицо, пытающееся пресечь хулиганские или преступные проявления, хотя и обозначившее себя как сотрудника правоохранительного органа, но не находящееся при исполнении служебного или профессионального долга, поскольку пребывает в отпуске, следует в выходные дни на дачу, не подпадает под защиту специальных норм (ст.ст. 317-319 УК РФ). Противоправные действия лиц, совершивших в отношении его правонарушения, будут квалифицированы как преступление против личности в общем порядке (ст.ст. 105, 111, 112, 119) в зависимости от последствий деяния [13].

Представляется, что ответственность по ст. 317 УК РФ наступает независимо от того, находился ли сотрудник правоохранительного органа на дежурстве или же по своей инициативе либо по просьбе граждан принял меры к предотвращению нарушений общественного порядка или пресечению преступления*.

Об этом, в частности, свидетельствовала ст. 18 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. N 1026-1 «О милиции»**.

В настоящее время ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*** предусматривает основные обязанности сотрудника полиции, в которой закреплены аналогичные требования.

Существенное значение имеет факт обозначения сотрудником правоохранительного органа своего статуса. Например, это можно сделать путем предъявления служебного удостоверения. Согласно ст. 10 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» служебное удостоверение сотрудника органов внутренних дел является документом, подтверждающим личность сотрудника, его принадлежность к федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальному органу или подразделению, должность и специальное звание сотрудника****.

Однако на практике нередко бывают ситуации, когда органы предварительного следствия правильно квалифицируют действия виновного лица, а в суде его действия переqualифицируются на другие статьи УК РФ.

Следует отметить, что на законодательном уровне порядок предъявления

* См. часть 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 сент. 1989 г. N 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка».

** Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 16. Ст. 503.

*** Рос. газ. 2011. 8 февр.

**** Рос. газ. 2011. 7 дек.

служебного удостоверения сотрудниками полиции не определен.

В пункте 20 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения* было закреплено, что при остановке транспортного средства или пешехода сотрудник, по требованию участника дорожного движения, обязан предъявить в развернутом виде служебное удостоверение, не выпуская его из рук.

Однако в действующем в настоящий момент Административном регламенте исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденном приказом МВД России от 23 августа 2017 г. N 664**, порядок предъявления сотрудником органов внутренних дел служебного удостоверения не определен.

Кроме того, в одном из приказов МВД России закреплено, что при получении нового служебного удостоверения сотрудник предупреждается о необходимости бережного отношения к удостоверению и о недопустимости его утраты, порчи, передачи другим лицам, а также использования удостоверения в корыстных целях или иных целях, не связанных со служебной деятельностью.

* Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел РФ исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. N 185 // Рос. газ. 2009. 7 июля. (Утратил силу).

** Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23 авг. 2017 г. N 664 // Рос. газ. 2017. 13 окт.

Если в момент предъявления служебного удостоверения сотрудником полиции оно будет похищено или уничтожено, то, исходя из правоприменительной практики, сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности***.

При анализе субъективной стороны посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа необходимо отметить, что оно осуществляется в целях воспрепятствования его законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности либо из мести за такую деятельность. Возможно, по этой причине Ленинский районный суд г. Тюмени действия гражданина Г. квалифицировал по ч. 1 ст. 111 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ****.

Указанная квалификация, по нашему мнению, является весьма спорной, поскольку ни в рамках предварительного следствия, ни в приговоре не отражена субъективная направленность действий лица. Обвиняемый признал вину в совершении преступлений против личности, в то же время в приговоре не приведено доказательств, свидетельствующих о личном неприязненном отношении к сотрудникам полиции. Деяние виновного лица следует квалифицировать по ст. 317 УК РФ, поскольку лицо совершило действия, направленные на причинение смерти потерпевшим (повреждение жизненно важных органов в результате ранения), которые по независящим от него обстоятельствам не привели к наступлению смерти.

По общему правилу, сложившемуся в теории уголовного права, наличие в диспозиции статьи специальной цели или мотива свидетельствует о том, что деяние может быть совершено только с прямым умыслом [14, с. 76].

*** Так, апелляционным определением Омского областного суда от 29 апреля 2014 г. по делу N 33-2847/14 иск о признании незаконным приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности удовлетворен, так как было установлено, что утрата истцом служебного удостоверения произошла не по его вине, а в результате противоправных действий иных лиц, нарушающих общественный порядок. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

**** Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 21 мая 2014 г. по уголовному делу N 1-560/2014. URL: <http://sudact.ru>

Следовательно, можно сделать вывод о том, что преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом, поскольку в диспозиции статьи предусмотрена и специальная цель (воспрепятствование), и мотив (месть за такую деятельность).

Однако в литературе высказываются мнения относительно того, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Несмотря на наличие разногласий относительно вида умысла при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, представляется все же, что такого рода посягательство совершается только с прямым умыслом. Об этом может свидетельствовать сама конструкция состава. В формальных составах (следовательно, и в усеченных) волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям. Об этом упоминается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»*.

Если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по независящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.).

Следует отметить, что мотив и цель преступления являются факультативными признаками субъективной стороны преступления и учитываются при квалификации лишь тогда, когда законодатель указывает на них в диспозиции статьи. Например, отсутствие в действиях лица, совершающего посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, цели или мотива исключает ответственность по ней

(ст. 317 УК РФ), а его действия подлежат квалификации по ст. 105 УК РФ.

Как справедливо отмечает И.Е. Никонов, в уголовном праве именно побудительная, активизирующая роль мотива является важнейшей [14, с. 80].

В свою очередь, под целью преступления следует понимать желаемый результат, который лицо стремится достичь, совершая преступление.

Что касается цели, то в судебной практике по этому поводу нет сложностей, поскольку необходимо установить наличие связи между посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа и его законной деятельностью по охране общественного порядка и осуществлению общественной безопасности.

Однако в правоприменительной практике имеются определенные трудности относительно квалификации мотива.

Кроме того, не совсем ясно, должно ли посягательство совершаться на конкретного сотрудника правоохранительного органа, или на любого сотрудника правоохранительного органа из-за осуществляемой им деятельности.

Представляется, что при квалификации деяния по ст. 317 УК РФ нет необходимости связывать мотив (месть за такую деятельность) с конкретным сотрудником, осуществлявшим или осуществляющим указанную деятельность. В поддержку своей позиции приведем мнение Г. Левицкого, который отмечал, что наличие состава посягательства возможно и тогда, когда оно совершается по злобе на работников милиции и народных дружинников вообще, безотносительно к конкретной личности [15, с. 17].

Кроме того, как уже было отмечено выше, мотив есть побуждение, которым руководствовалось лицо, совершая преступление. Следовательно, применительно к ст. 317 УК РФ мотив выражается в мести за деятельность по охране общественного порядка любому лицу, осуществлявшему или осуществляющему ее.

В правоприменительной практике возникают определенные сложности относительно установления мотива совершения посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Так, П.В.В. и П.Н.В., ранее судимые, совершили убийство С., начальника следственного изолятора,

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. N 3. С. 3.

находившегося в отпуске. В суде государственный обвинитель отказался от поддержания обвинений по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку доказательств совершения преступления в отношении С. в связи с осуществлением им служебной деятельности не представлено. Приговором суда П.В.В. и П.Н.В. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ*.

Однако и начальная, и итоговая квалификация их действий представляется спорной. Следует отметить, что сотрудники уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации осуществляют деятельность по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности как в пределах мест лишения свобод или мест содержания под стражей, так и вне этих мест. Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации обладают всеми признаками правоохранительных органов, установленных российским законодательством, следовательно, посягательство на жизнь сотрудников уголовно-исполнительной системы должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ [16, с. 96].

Таким образом, в данном случае действия виновных лиц должны быть квалифицированы по ст. 317 УК РФ, исходя из наличия мотива мести за такую деятельность. Кроме того, субъективная сторона рассматриваемого преступления ха-

рактеризуется тем, что виновный должен осознавать, что совершает посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа при исполнении или в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Субъектом преступления может быть вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет (субъект общий). Если посягательство на указанных выше лиц осуществлено несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, то оно должно квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Таким образом, в правоприменительной практике не совсем полно исследуются все признаки совершенных общественно опасных деяний, что приводит к неточностям при их квалификации.

Следует отметить, что законодателем в ст. 317 УК РФ обоснованно закреплена ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Данной нормой обеспечивается правовая охрана лиц, осуществляющих функции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, что является одним из элементов поддержания авторитета органов государственной власти. Имеются лишь определенные сложности в правоприменительной практике по установлению отдельных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, которые можно было бы преодолеть, разъяснив в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации порядок применения отдельных положений указанной статьи.

* Приговор Иркутского областного суда от 26 мая 2010 г. по уголовному делу N 2-86/2010. URL: <http://sudact.ru>

Список литературы

1. Рудый Н.К. Преступления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти, в уголовном законодательстве стран СНГ // Рос. судья. 2007. N 12. С. 20-24.
2. Стяжкина С.А. Представитель власти как объект уголовно-правовой охраны по преступлениям против порядка управления // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1.
3. Глушенко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы: учебник. М.: Зерцало, 1997. 328 с.
4. Калинина Н.С. Правоохранительная служба как отдельный вид государственной службы Российской Федерации. Критерии правоохранительной службы // Российский следователь. 2007. N 10. С. 33-34.
5. Дизер О.А. Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 1. (39). С. 8-15.
6. Скутин С.Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
7. Сухарев Е.А., Трофимов Н.И. Охрана жизни, чести и достоинства работников милиции и народных дружинников. М., 1970. 64 с.

8. Степанов Ю.И. Некоторые особенности объективной и субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 317 УК РФ // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова): материалы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2014.

9. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова: в 5 т. Т. 5. М.: Зерцало-М, 2002.

10. Замосковцев П.В. Уголовная ответственность за посягательства на управленческую деятельность работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка: учеб. пособие. Омск, 1980.

11. Агаев Г.А., Аббасов Ф.Н. Преступления против порядка управления: монография. СПб., 2005.

12. Спиридонова Л.Э. К вопросу о фактической ошибке при совершении посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Рос. следователь. 2012. N 19. С. 25-27.

13. Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. Отвечают ли диспозиции статей 317-319 УК РФ целям и задачам правоохранительной деятельности? // Современное право. 2007. N 1. С. 81-84.

14. Никонов И.Е. Ответственность за преступления против лиц и их близких в связи с исполнением ими своей служебной деятельности или выполнением общественного долга: монография. М., 2008. 174 с.

15. Левицкий Г. Ответственность за посягательства на жизнь работника милиции и народного дружинника // Советская юстиция. 1963. N 4. С. 16-18.

16. Агаев Г.А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 348 с.

ШЕСТАКОВА Е.В., SHESTAKOVA E.V.,
legezina_elena@mail.ru legezina_elena@mail.ru
Центр временного содержания Juvenile Detention Center
для несовершеннолетних of the Department of the Ministry of
правонарушителей the Interior of the Russian Federation
Управления Министерства in the Tyumen region,
внутренних дел Российской Федерации Kremlevskaya St. 35,
по Тюменской области, Tyumen, 625049,
625049, г. Тюмень, ул. Кремлевская, 35 Russian Federation

РОЛЬ ЦЕНТРОВ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАКРЫТОГО ТИПА В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье раскрываются профилактические возможности центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей и специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, анализируются проблемы законодательной регламентации порядка помещения в них несовершеннолетних. Рассматривается категория несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения, а также применяемые к ним меры профилактического воздействия. В целях стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних правонарушителей, а также для усиления межведомственного взаимодействия при рассмотрении вопроса о направлении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа предлагается внести изменения в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель; центры временного содержания органов внутренних дел; специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; гуманизация; преступность; профилактика; правонарушение.

THE ROLE OF THE JUVENILE DETENTION CENTERS AND SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF A CLOSED TYPE IN THE SYSTEM OF CRIME PREVENTION

Annotation. The preventive facilities of the temporary detention centers for juvenile offenders and special educational institutions of a closed type are revealed in the article. The problems of the legislative regulation of the procedure for placing juveniles in them are analyzed. The category of minors committing administrative offences and the preventive measures applied to them are considered. In order to encourage the law-abiding behavior of the minors committing administrative offences, as well as to strengthen the interdepartmental interaction when considering the issue of sending juveniles to special closed-type educational institutions, it is proposed to amend the Federal Law "On Principles of the System of the Prevention of Juvenile Neglect and Delinquency" and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: juvenile offender; detention centers of internal affairs bodies; special educational institutions of a closed type; humanization; crime; prevention; offence.

В соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»*

* Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федер. закон от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ: ред. от 7 июня 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 24. Ст. 2789; 2017. N 24. Ст. 3481.

центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП) и специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее – СУВУЗТ) относятся к местам принудительного содержания несовершеннолетних. Задачи и функции указанных учреждений закреплены в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правона-

рушений несовершеннолетних»* (далее – Федеральный закон N 120-ФЗ).

Одной из главных задач ЦВСНП и СУВУЗТ является проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями. Указанные учреждения обладают широким спектром профилактических возможностей – от выявления причин и условий совершения преступлений, реализации специального педагогического подхода к несовершеннолетним до выполнения медиативных функций, что способствует эффективной профилактике правонарушений.

Во время нахождения несовершеннолетнего в ЦВСНП и СУВУЗТ у законных представителей, а также представителей учреждений и служб системы профилактики есть возможность принять меры к изменению условий жизни и воспитания несовершеннолетнего в семье (например, пройти лечение от алкогольной зависимости, трудоустроиться, наладить детско-родительские отношения и т.п.); выявить недостатки в деятельности организаций и учебных заведений и своевременно их устранить; выявить лиц, причастных к совершению преступлений (как в отношении несовершеннолетних, так и совершенных несовершеннолетними), или обстоятельства, имеющие значение для их раскрытия. В период срока содержания с несовершеннолетними проводятся мероприятия с привлечением специалистов-психологов, врачей-наркологов, психиатров, представителей общественных организаций и других специалистов, чего большинство несовершеннолетних и их родителей избегают, находясь в «привычной» среде. Профилактическая роль рассматриваемых учреждений усиливается неизбежностью ежедневного участия в проводимых мероприятиях в течение длительного периода времени (от 30 суток до 3 лет).

Из общего числа несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП УМВД России по Тюменской области в 2016 году, доля несовершеннолетних, ранее поме-

щавшихся в ЦВСНП и совершивших повторные общественно опасные деяния в течение 1-1,5 лет после возвращения из ЦВСНП, не превышает 14 %, что демонстрирует положительный эффект применяемой меры воздействия.

В последние годы в соответствии с тенденцией к снижению общестатистических показателей преступности несовершеннолетних число лиц, на которых распространяется профилактическое воздействие рассматриваемых учреждений, закономерно снижается. Так, за последние 10 лет удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, сократился вдвое – с 10,9 % до 5,2 %, как и число лиц, направляемых в профилактические учреждения принудительного содержания. Например, за указанный период число несовершеннолетних, направляемых в СУВУЗТ, снизилось в два раза, с 4248 человек в 2006 году до 1908 человек в 2015 году**.

В то же время, как уже неоднократно отмечалось в научном сообществе, снижение статистических показателей преступности происходит в основном за счет гуманизации уголовной ответственности и наказания преступников, внедрения административной преюдиции в российское уголовное право, декриминализации определенных составов преступлений [1, с. 82-87; 2, с. 90-107; 3, с. 180-185]. Это вряд ли обоснованно, учитывая, что уровень преступности несовершеннолетних растет примерно в шесть раз быстрее, чем изменяется общее число этой возрастной группы [1, с. 83].

Внесение изменений в УК РФ, УПК РФ и КоАП РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности*** привело

** См.: Государственные доклады о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за период с 2006 по 2015 год. Доступ на инф.-правовом портале «Гарант». За 2016 год сведения не опубликованы.

*** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ; ред. от 7 июня 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

к существенным изменениям в структуре преступности. Новеллой в уголовном законодательстве стало устранение преступности деяния при стоимости похищенного чужого имущества не более 2500 рублей. Соответственно, хищение чужого имущества стоимостью не более 2500 рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии квалифицирующих признаков соответствующих составов преступлений признается мелким хищением (ст. 7.27 КоАП РФ), влекущим административную ответственность.

Учитывая, что несовершеннолетними в основном совершаются преступления против собственности, а именно хищения чужого имущества (63 %) с размером ущерба не более 2500 рублей, категория несовершеннолетних преступников переходит в разряд административных правонарушителей.

Практика свидетельствует о хорошей осведомленности несовершеннолетних о том, что данный вид хищения влечет не уголовную, а административную ответственность, при этом при условии достижения 16-летнего возраста.

Это указывает на потенциально растущую общественную опасность правонарушителей, свидетельствует об уголовно-правовой общественной опасности [4] и ориентирует на необходимость усиления профилактического воздействия на несовершеннолетних, к которым не могут быть применены меры административного либо уголовно-правового характера, что вполне соответствует основным направлениям профилактики правонарушений, определенным в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»*.

В настоящее время полномочия ЦВСНП и СУВУЗТ в проведении профилактической работы с несовершеннолетними, совершившими административные правонарушения, ограничены.

В соответствии с пп. 5, 6 ст. 22 Федерального закона N 120-ФЗ в ЦВСНП могут быть помещены несовершеннолетние, со-

вершившие административные правонарушения (в том числе до достижения возраста административной ответственности), в случаях, если личность несовершеннолетнего не установлена, либо они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение 3-х часов.

Законодательная конструкция настоящей нормы фактически исключает проведение профилактической работы с такими несовершеннолетними, так как основной целью помещения в ЦВСНП является передача законным представителям, что реализуется в большинстве случаев в течение 48 часов.

В свою очередь, в соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона N 120-ФЗ в СУВУЗТ могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода, если они: не подлежат уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния вследствие недостижения возраста уголовной ответственности; достигли возраста, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководствоваться ими; осуждены за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ. Среди направляемых в СУВУЗТ категория несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения, не предусмотрена.

В связи с этим для эффективного использования профилактических возможностей ЦВСНП, повышения результативности профилактики правонарушений несовершеннолетних предлагается внести изменения и дополнения в подп. 5 п. 2 ст. 22 Федерального закона N 120-ФЗ, изложив его в следующей редакции: «совершившие пра-

* Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 26 (ч. I). Ст. 3851.

вонарушение, влекущее административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность, в случаях, если необходимо предупредить совершение ими повторного административного правонарушения, а также в случаях, если личности несовершеннолетних не установлены, либо они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, однако не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение срока, предусмотренного подпунктом 1 пункта 2 статьи 21 настоящего Федерального закона».

Подпункт 6 п. 2 ст. 22 Федерального закона N 120-ФЗ необходимо изложить в следующей редакции: «совершившие правонарушение, влекущее административную ответственность, в случаях, если необходимо предупредить совершение ими повторного административного правонарушения, если они освобождены органом, уполномоченным рассматривать дела об административном правонарушении, от административной ответственности, а также в случаях, если личности несовершеннолетних не установлены, либо они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, однако не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение срока, предусмотренного подпунктом 1 пункта 2 статьи 21 настоящего Федерального закона».

Посредством предложенных изменений предполагается распространить действие указанных выше законов на несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения, что позволит определить статус несовершеннолетних, к которым не могут быть применены меры воздействия, предусмотренные КоАП РФ, и будет способствовать стимулированию их правопослушного поведения, реализации принципов справедливости и ответственности.

В использовании профилактических возможностей ЦВСНП и СУВУЗТ существуют и другие проблемные вопросы, требующие дополнительного внимания.

В первую очередь это недоверие и даже негативное восприятие указанных учреждений представителями судейского корпуса, ассоциирующими их с воспитательными колониями и следственными изоляторами, а также неоднозначное толкование норм права при решении вопроса о направлении несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ. При рассмотрении материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП судами может быть отказано в помещении по основанию отсутствия предварительного помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП на срок до 48 часов. При этом не учитывается, что Федеральный закон N 120-ФЗ предоставляет руководителям органов внутренних дел право, а не обязанность предварительного помещения в ЦВСНП («несовершеннолетние, указанные в подпунктах 3-6 пункта 2 настоящей статьи, могут быть помещены...»). Кроме того, судами часто не учитывается факт территориальной удаленности места дислокации ЦВСНП от места рассмотрения материалов.

Помимо этого, судами не учитываются условия помещения несовершеннолетних в ЦВСНП, а именно: если необходимо обеспечить защиту жизни или здоровья несовершеннолетнего или предупредить совершение им повторного общественно опасного деяния, а также в случаях, если его личность не установлена, либо если он не имеет места жительства, места пребывания или не проживает на территории субъекта Российской Федерации, где им было совершено общественно опасное деяние, либо если он проживает, однако вследствие удаленности места его проживания не может быть передан родителям или иным законным представителям в течение 3-х часов (подп. 4 п. 2 ст. 22 Федерального закона N 120-ФЗ).

Проблемы спорного толкования возникают, в частности, от того, что Федеральный закон N 120-ФЗ не раскрывает порядка подготовки и рассмотрения материалов без предварительного помещения несовершеннолетних в ЦВСНП, а регламентирует процедуру направления материалов только тех несовершеннолетних, которые

были предварительно помещены в ЦВСНП на срок до 48 часов (ст. 31.1 Федерального закона N 120-ФЗ). В результате суды руководствуются нормативно закрепленным порядком рассмотрения материалов без учета объективных обстоятельств.

Для устранения противоречий, возникающих при рассмотрении вопроса о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП, предлагается внести дополнения в ст. 31.1 Федерального закона N 120-ФЗ и изложить п. 1 ст. 31.1 в следующей редакции: «Материалы на несовершеннолетних, указанных в подпунктах 3-6 пункта 2 статьи 22 настоящего Федерального закона, направляются в суд по месту жительства несовершеннолетнего в течение 30 суток со дня вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В случае помещения несовершеннолетних, указанных в подпунктах 3-6 пункта 2 статьи 22 настоящего Федерального закона, в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел на срок до 48 часов материалы, подтверждающие обоснованность помещения несовершеннолетних, направляются в суд начальником органа внутренних дел или его заместителем по месту задержания несовершеннолетних не позднее чем за 24 часа до истечения срока нахождения несовершеннолетних в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел».

Предложенные изменения, как представляется, позволят устранить неоднозначное толкование закона в части обязательности (необходимости) помещения несовершеннолетних в ЦВСНП на срок до 48 часов.

В случае направления в СУВУЗТ возникают аналогичные проблемные вопросы. Отсутствие практики помещения в СУВУЗТ заставляет суды выносить решения в пользу применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Представители муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав при решении вопроса о целесообразности помещения подростков в СУВУЗТ в большинстве случаев принимают решение о нецелесообразности помещения, тем самым лишая суды возможности освобождения несовершенно-

летнего от наказания. Отсутствие достаточных знаний о процедуре направления подростков в СУВУЗТ и заинтересованности у представителей органов предварительного следствия (дознания) влияет на своевременность и возможность принятия судом решения в пользу СУВУЗТ.

В Российской Федерации в 2016 г. за совершение тяжких преступлений и преступлений средней тяжести было осуждено 19 036 несовершеннолетних. С учетом положений ч. 5 ст. 92 УК РФ применить принудительную меру воспитательного воздействия в виде направления в СУВУЗТ возможно было к 65 % осужденных за совершение тяжких преступлений и преступлений средней тяжести. Однако в действительности она была применена к 392 несовершеннолетним. При этом, например, к условному лишению свободы было осуждено 9313 человек. Из числа осужденных к различным видам наказания ранее в СУВУЗТ направлялись 335 (только 1,4 %) человек, не отбыли наказание по предыдущему приговору суда – 2633 (11 %) человек, а неснятые и непогашенные судимости на момент рассмотрения материалов в суде имели 4674 (20 %) несовершеннолетних*.

В настоящее время назрела необходимость эффективного использования такой меры профилактического воздействия, как направление в СУВУЗТ в порядке применения ч. 2 ст. 92 УК РФ. Практика назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, остается малоэффективной. Уровень повторной преступности несовершеннолетних в 2016 г. составил 26,3 %**, по статистическим данным уголовно-исполнительной системы, уровень повторной преступности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, не менее чем в 1,5 раза превышает аналогичные показатели совершеннолетних [5, с. 124].

Представляется, что возможность направления в СУВУЗТ как принудитель-

* См.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834/>

** Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://мвд.рф/ФКУ_ГИАЦ_МВД_России_Новости/Декабрь_2016_года.

ная мера воспитательного воздействия обладает определенным сдерживающим эффектом. Результаты опросов свидетельствуют, что абсолютное большинство несовершеннолетних, направляемых по приговору суда в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа на срок до 3-х лет, вместо освобождения от наказания и направления в СУВУЗТ предпочитают наказание в виде обязательных либо исправительных работ. При этом аналогичного мнения придерживаются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних и комиссий по делам несовершеннолетних. В большинстве случаев мотивом направления ходатайства в суд о помещении несовершеннолетних в СУВУЗТ на определенный срок служит необходимость удаления несовершеннолетних с территории постоянного проживания в целях предотвращения совершения ими новых преступлений в период отбывания наказания, например, в виде обязательных работ.

В целях усиления межведомственного взаимодействия, своевременного и качественного рассмотрения и разрешения судом уголовного дела предлагается дополнить УПК РФ статьей 421.1, регламентирующей порядок сбора материалов, необходимых для решения судом вопроса об освобождении несовершеннолетнего от наказания в порядке применения ч. 2 ст. 92 УК РФ следующего содержания:

«1. Для определения возможности помещения в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа несовершеннолетних, совершивших преступление средней тяжести или тяжкого преступления, за исключением преступлений, указанных в части пятой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации, медицинские организации на основании постановления следователя или дознавателя проводят медицинское освидетельствование несовершеннолетних.

2. Медицинское освидетельствование несовершеннолетнего проводится в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

3. Обязанности по доставлению несовершеннолетнего в медицинские организации и прохождению медицинской комиссии поручением следователя могут быть возложены:

а) на подразделения по делам несовершеннолетних органа внутренних дел;

б) администрацию мест заключения, если к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому применены меры пресечения в виде заключения под стражу;

в) администрацию специализированного учреждения для несовершеннолетних, если несовершеннолетний, не находящийся под стражей, содержится в этом учреждении;

г) законных представителей несовершеннолетнего, если он передан под присмотр в порядке, установленном статьей 105 настоящего Кодекса.

3. В случае, если несовершеннолетний или его законные представители уклоняются от прохождения медицинского освидетельствования несовершеннолетнего в медицинских организациях, он может быть помещен в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел на время, необходимое для прохождения медицинского освидетельствования, но не более чем на 30 суток. Под уклонением от прохождения медицинского освидетельствования понимаются случаи, если несовершеннолетний два раза и более не явился в медицинскую организацию, осуществляющую медицинское освидетельствование, либо скрылся с места жительства (пребывания).

4. В ходе предварительного расследования уголовного дела следователь, дознаватель или руководитель органа внутренних дел по поручению следователя (дознавателя) направляет поручения в территориальные комиссии по делам несовершеннолетних о рассмотрении вопроса о целесообразности (нецелесообразности) помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Заключение комиссии по делам несовершеннолетних приобщается к материалам расследованного уголовного дела до передачи на рассмотрение в суд. Представители территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав могут быть включены в список лиц, подлежащих вызову в суд.

5. К материалам уголовного дела приобщаются: характеристика с места учебы (работы) несовершеннолетнего; акт обследования жилищно-бытовых условий

жизни несовершеннолетнего; заключение психолого-медико-педагогической комиссии о результатах комплексного обследования несовершеннолетнего, содержащее рекомендации по оказанию ему психолого-медико-педагогической помощи и определению форм его дальнейшего обучения и воспитания; заключение медицинской организации о состоянии здоровья

несовершеннолетнего и возможности его помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа».

Предложенные дополнения уголовно-процессуального закона позволят добиться четкой регламентации действий органов предварительного расследования в части направления несовершеннолетних в СУВУЗТ.

Список литературы

1. Юзиханова Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 4 (30). С. 82-88.
2. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного права продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. N 8. С. 90-107.
3. Чечель Г.И. Спорные вопросы назначения наказания несовершеннолетним // Общество и право. 2011. N 3 (35). С. 180-185.
4. Куликов В. Первый раз – простительно // Рос. газ. Федеральный выпуск. N 7062 (194). URL: <https://rg.ru/2016/08/30/sudy-nachali-primeniat-gumannye-popravki-v-ugolovnyj-kodeks.html> (дата обращения: 22 мая 2017 г.).
5. Ермасов Е.В., Дегтярева О.Л., Габараев А.Ш. Особенности правового регулирования ответственности несовершеннолетних осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Вектор науки ТГУ. 2015. N 1 (31). С. 123-128.-